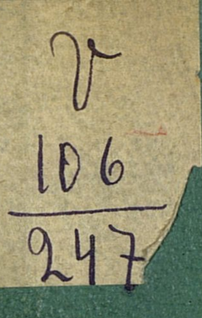

І. А. Любичъ-Кошуровъ.

МИНИНЪ и ПОЖАРСКІЙ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

Изданіе Д. П. ЕФИМОВА
МОСКВА, М. Дмитровка, Дегтярный пер., д. 10.

Изданія Д. П. ЕФИМОВА.

Москва, М. Дмитровка, Дегтярный пер., д. 10.

ИМѢЮТСЯ НА СКЛАДѢ КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Архангельская, М. [1] На тюленьемъ промыслѣ. Съ рис. Ц. 30 к.

Ачкасовъ, А. Н. [1] Путешествіе эльфа по кровеноснымъ сосудамъ челов. Съ рис. Ц. 20 к.

Бернетъ, Ф. Маленькая подвижница. Съ рис. Ц. 25 к.

Бѣлоусовъ, И. Въ родныхъ поляхъ. Съ рис. Ц. 20 к. [1] Птичья стайка. Съ рис. Ц. 25 к.

Вернъ, Жюль. [1] Вторая родина. Съ рис. Ц. 1 р. [1] Путешествіе стипендіатовъ. Съ рис. Ц. 60 к.

Гавалевичъ. [1] Рождественскій канунъ. Съ рис. Ц. 20 к.

Гофманъ, І. [1] Снѣжная принцесса. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 15. к.

Догановичъ, А. [1] Пѣсенка маятника. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 40 к.

Д—ъ, Е. Н. [1] Мишукъ. Съ рис. Ц. 40 к.

Жебаръ. [1] Пія и Викторинъ. Съ рис. Ц. 1 р. Въ папкѣ 1. р. 25 к.

Заринъ, А. Веселое Рождество. Съ рис. Ц. 30 к. Пимпа. Мордухай Пинсъ. Съ рис. Ц. 30 к. Секретъ Зацкаго. Куртъ. Съ рис. Ц. 30 к.

Кардо-Сысоева, Н. [1] Въ новой семьѣ. ъ рис. Ц. 40 к.

иплингъ, Р. [1] Три разсказа изъ „Кни Дебрей“ 1) Братъ волковъ. 2) Похиеніе лягушонка. 3) Тигръ! Тигръ! Съ рис. Ц. 50 к. [1] Два разсказа изъ «Книги Дебрей». 4) Бѣлый тюлень. 5) Рикки-Тикки-Тави. Съ рис. Ц. 30 к. [1] Два разсказа изъ «Книги Дебрей». 6) Слоновій Тумай. 7) Слуги королевы. Съ рис. Ц. 30 к. «Книга Дебрей» въ переплетѣ. Ц. 1 р. 60 к. [1] Смѣлые мореплаватели. Съ рис. Ц. 50 к.

Клаусманъ. Подъ боевымъ огнемъ. Съ рис. Ц. 30 к.

Коваленская, А. Разсказы и сказки для дѣтей. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 1 р.

Кругловъ, А. [1] Геніальный поморъ. Изд. 9-е. Съ рис. Ц. 30 к. [1] Жизнь. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 40 к. Золотые сны. Съ рис. Ц. 30 к. [1] Красный звонъ. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 50 к. [1] Новая звѣздочка. Изд. 5-е. Съ рис. Ц. 25 к. [1] Пальмовая вѣтвь. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 50 к. [1] Утро. Изд. 3-е. Съ рис. Ц. 25 к.

Левицкій, И. [1] Два брата. Сказка. Съ рис. Ц. 25 к.

Левицкій, П. [1] Андрейка-мытарь. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 25 к.

Лукашевичъ, Кл. [1] Бѣлая уточка. Дочь пастуха. Съ рис. Ц. 15 к. [1] Два брата. Убогій дѣдъ. Съ рис. Ц. 20 к. Два горбуна. Съ рис. Ц. 20 к. [1] Двѣ сестры. Съ рис. Ц. 30 к. [1] Козликъ-золотые рожки. Съ рис. Ц. 15 к. [1] Колечко. Съ рис. Ц. 20 к. [1] Наши любимцы. Съ рис. Ц. 20 к. Нелюбимая подруга. Съ рис. Ц. 40 к.

Любичъ-Кошуровъ, І. А. [1] Во ржи. Съ рис. Ц. 25 к. Въ лопухахъ. Съ рис. Ц. 30 к. Въ подпольѣ. Съ рис. Ц. 25 к. [1] Ворона и ея знакомые. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 40 к. [1] Волшебная книга. Съ рис. Ц. 25 к. [1] Души живыя. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 30 к. [1] Дядя Вакъ. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 30 к. [1] Картинки современной жизни. Съ рис. Ц. 35 к. [1] Канарейка. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 20 к. Кузнецы-кузнечики. Съ рис. Ц. 30 к. Несчастья Ивана Ивановича. Съ рис. Ц. 25 к. [1] Ничипоръ-Бородай. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 30 к. [1] На зарѣ. Сонъ въ руку. Съ рис. Ц. 20 к. [1] На вершинахъ деревьевъ. Съ рис. Ц. 30 к. Приключенія стрекозы, разсказанныя ею самой. Съ рис. Ц. 25 к. Пещера крота Съ рис. Ц. 25 к. Рыцарь большого меча. Съ рис. Ц. 40 к. [1] Пѣтухъ Османка. Ц. 25 к.

Львова, кн., М. А. [1] Мой дѣдъ. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 20 к. [1] Сынъ моряка. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 15 к. [1] Теплое сердце. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 20 к.

Мельницкая, А. [1] Красивый мальчикъ. Съ рис. Ц. 20 к.

Можаровскій, А. Ф. [1] Разсказы кота въ сапогахъ. Съ рис. Ц. 25 к.

Немировичъ-Данченко, Вас. И. [1] Бѣлый витязь. Изд. 2-е. Ц. 1 р. [1] Лопь бѣлоглазая. Съ рис. Ц. 50 к. [1] Новая Земля и Вайгачъ. Съ рис. Ц. 30 к. [1] Очертя голову (На краю гибели). Съ рис. Ц. 1 р. 50 к. [1] Племена глухихъ угловъ. Съ рис. Ц. 1 р. [1] Разсказы о Божьей правдѣ. Съ рис. Ц. 75 к. [1] Чудныя страны и простые люди. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

Нюбломъ, Е. Новыя сказки. Съ рис. 30 к.

Осиповъ, Н. [1] Бобыль. Съ рис. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.

І. А. ЛЮБИЧЪ-КОШУРОВЪ.

#召Мининъ и Пожарскій

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

ИЗДАНІЕ
Д. П. ЕФИМОВА
МОСКВА,
Мал. Дмитровка, Дегтярный пер., д. 10.

1915.

вскаго. Москва

Мининъ и Пожарскій

Историческая повѣсть.

I.

Раннимъ мартовскимъ утромъ черезъ Москву-рѣку перебирались два человѣка съ баграми въ рукахъ.

Ледъ на рѣкѣ уже растрескался. Въ иныхъ мѣстахъ эти трещины достигали въ ширину аршина и болѣе.

Утро было туманное. Солнце только взошло и скупо свѣтило сквозь туманъ обволакивавшій сплошной густой тяжелой мутью оба берега.

Двое смѣльчаковъ, рѣшившихся въ такое время переправиться черезъ рѣку, подвигались впередъ осторожно, шагъ за шагомъ, то и дѣло тыча передъ собой баграми..

Нѣсколько разъ они останавливались, оглядывались по сторонамъ, и одинъ изъ нихъ, сѣденькій старичекъ въ лаптяхъ съ кожаными подметками не пришитыми къ лаптямъ, а закрѣпленными на нихъ узенькими ремешками, присѣдалъ на корточки и съ очень сосредоточеннымъ видомъ принимался кричать уткой... У него это выходило очень забавно тѣмъ болѣе, что, подражая кряканью утки, онъ тоже какъ утка крыльями взмахивалъ локтями и хлопалъ ими себя по бокамъ по нагольному короткому, немного пониже колѣнъ, полушубку.

Старичекъ былъ охотникъ, промышлялъ то рыбной ловлей, то охотой на дикихъ утокъ и гусей. У него и сейчасъ на поясѣ былъ привѣшенъ (сразу видно что домодѣльный) самострѣлъ со стальной однако дугой стянутой

настоящей шелковой тетивой оплетенной посерединѣ, тамъ гдѣ было бьющее мѣсто, тоненькимъ ремешкомъ. Изъ-за пазухи его полушубка застегнутаго только на два нижнихъ крючка, торчали пятокъ стрѣлъ съ оперенными концами.

Звали старичка Силычъ. Его хорошо знали въ «деревянномъ городѣ», гдѣ въ прежнее время появлялся онъ бывало каждый торговый день съ мокрымъ мѣшкомъ, въ которомъ трепыхалась наловленная рыба, или со снизкой подстрѣленной дичи. Онъ славился какъ искусный стрѣлокъ изъ самострѣла. Всѣмъ также было извѣстно въ деревянномъ городѣ, что дугу для самострѣла Силычъ досталъ отъ управляющаго подмосковнымъ имѣнiемъ дворянина Похвиснева и что эта дуга настоящая шведская, стоившая въ свое время хорошихъ денегъ; управлящiй подарилъ Силычу дугу въ знакъ благодарности за то, что Силычъ разъ спасъ его отъ неминуемой смерти. Дѣло было такъ.

Въ имѣнье Похвиснева забѣжалъ бѣшеный волкъ. Зачѣмъ-то въ это время случился тутъ и Силычъ.

Какъ только Силычъ услыхалъ про бѣшенаго волка, то еще не видя его взобрался на дерево.

Сдѣлалъ онъ это не изъ страха, а потому, что считалъ такой способъ обороны отъ страшнаго звѣря наиболѣе удобнымъ въ его положенiи стрѣлка вооруженнаго лишь самострѣломъ.

Волкъ былъ уже въ двухъ шагахъ отъ управляющаго, когда Силычъ, сказавъ: «А ну-ка во имя Отца и Сына»... нажалъ на спускъ самострѣла.

Стрѣла впилась волку сверху въ бокъ и прошла въ сердце.

Управляющiй предложилъ было Силычу выбрать любой изъ трехъ его мушкетовъ, хранившихся въ кладовой.

Но въ кладовой же валялась и дуга отъ стараго шведскаго арбалета.

Силычъ только мелькомъ взглянулъ на мушкеты и сказалъ управляющему:

— Нѣтъ ужъ, ежели ваша милость будетъ, то дайте мнѣ вонъ эту дужку.

Къ огнестрѣльному оружію онъ относился недовѣрчиво и охотиться съ нимъ считалъ очень убыточнымъ для бѣдныхъ людей.

Въ самомъ дѣлѣ: стрѣла что стоитъ? почти что ничего. Онъ ихъ самъ дѣлалъ; приходилось только кузнецу заказывать наконечники. Но на наконечникъ шелъ всякій старый гвоздь, всякій обломокъ подковы.

Припасъ для мушкета стоилъ много дороже.

И кромѣ того мушкетъ хлопалъ—распугивалъ дичь.

Здѣсь стрѣльнешь, а ужъ за версту глядишь: закружились въ воздухѣ, загоготали гуси, закрякали утки.

Это ужъ что за охота!

Сидитъ бывало Силычъ въ камышахъ и крякаетъ поутиному полузакрывши глаза. Весь міръ забудетъ въ эти минуты и себя забудетъ.

Иногда даже и самъ себя заслушивался.

Крякалъ онъ по-утиному дѣйствительно такъ, что и въ двухъ шагахъ нельзя было различить—человѣкъ это или настоящая кряква притаилась въ камышахъ.

Стрѣлялъ Силычъ утокъ, когда онѣ прилетали на его кряканье.

Утки часто опускались на воду отъ него шагахъ въ пяти или того меньше.

Тутъ ужъ промахнуться было нельзя.

Возьметъ Силычъ десять стрѣлъ съ собой—десять селезней и принесетъ. А то и больше.

Стрѣла вѣдь не пуля: пулю, если попалъ ею въ птицу, пожалуй либо только дома найдешь, либо такъ она и пропадетъ,—пробьетъ птицу насквозь и пойдетъ ко дну.

А стрѣлу всегда изъ убитой птицы можно вынуть—и опять стрѣляй ей сколько хочешь.

Именно за это Силычъ и любилъ самострѣлъ.

Онъ и не хлопалъ и не приходилось стрѣляя изъ него тратить на каждую дичь новую стрѣлу.

Онъ и теперь, когда вызвался проводить черезъ Москву-рѣку ужъ давно скрывавшагося у него въ землянкѣ князя Пожарскаго, захватилъ съ собой самострѣлъ потому именно, что самострѣлъ не хлопалъ.

Силычъ, разумѣется, не собирался охотиться сейчасъ на утокъ или гусей...

И гуси и утки на рѣкѣ еще не появились. По вечерамъ иногда слышалъ Силычъ надъ лѣсомъ пролетавшую стаями дикую птицу.

Но дичь не задерживалась пока нигдѣ въ окрестностяхъ и летѣла дальше, на другія угодья...

И кричалъ Силычъ по-утиному, для чего то присаживаясь всякій разъ на корточки, тоже не затѣмъ, чтобы подманывать утокъ.

Онъ подавалъ этимъ сигналы на ту сторону рѣки. Тамъ ихъ ждали. Все было условлено заранѣе.

Уже когда Силычъ и его спутникъ достигли середины рѣки, и Силычъ здѣсь чуть ли не въ десятый разъ присѣлъ на корточки и закрякалъ особенно настойчиво, въ туманѣ неясно замигала человѣческая фигура.

Черезъ минуту фигура вырисовалась опредѣленнѣй, а еще черезъ минуту Силычъ, приложивъ ладонь къ глазамъ, сказалъ:

— Это должно ключникъ.

И повернулъ лицо къ Пожарскому.

Пожарскій тоже вглядывался пристально впередъ.

— Должно, ключникъ,—сказалъ опять Силычъ.— Я ихъ всѣхъ знаю.

Теперь уже совершенно отчетливо можно было разсмотрѣть на льду шагахъ въ сорока впереди высокаго монаха въ подоткнутой рясѣ и тоже какъ Пожарскій и Силычъ съ длиннымъ багромъ или шестомъ въ рукахъ.

Силычъ и Пожарскій пошли ему навстрѣчу.

Сдѣлавъ шаговъ съ десятокъ, Силычъ негромко окликнулъ монаха:

— Отецъ Симонъ!—ты? Я ужъ вижу. Чего не откликался?

Вмѣсто отвѣта монахъ замахалъ на него шестомъ и затѣмъ сталъ дѣлать какіе-то знаки, какъ свободной рукой, такъ и той, въ которой былъ шестъ, указывая назадъ и кивая туда головой.

А когда Силычъ былъ ужъ совсѣмъ близко отъ него зашепталъ, взявъ шестъ въ обѣ руки и снова грозясь имъ:

— Молчи ты... У... старый...

— Э-э...—чуть слышно произнесъ Силычъ...—Что тамъ?

Онъ остановился и сталъ озираться по сторонамъ.

Остановился и его спутникъ.

Пожарскій былъ плотный мужчина лѣтъ тридцати пяти. Одѣтъ онъ былъ такъ же какъ и Силычъ: въ нагольный полушубокъ и въ лапти съ кожаными подметками, какія тогда носили крестьяне.

Только лицо его и руки были побѣлѣй чѣмъ у Силыча.

Онъ сунулъ одну руку въ карманъ полушубка и, не вынимая ея оттуда, спросилъ вполголоса:

— Не ладно что-нибудь?

— Ляхи,—отвѣтилъ монахъ, понизивъ голосъ какъ раньше, почти до шопота.

Силычъ тихонько присвистнулъ.

У монаха были густыя и жесткія какъ щетина черныя брови. Онъ бросилъ изъ-подъ нихъ на Силыча свирѣпый взглядъ и, взмахнувъ багромъ, нацѣлился его концомъ прямо Силычу въ грудь.

— Тутъ тебѣ...—сказалъ онъ...—Молчи...

— Много?—спросилъ Пожарскій.

— Разъѣздъ,—отвѣтилъ монахъ.—Дозоромъ идутъ. Конные... Они кажеденъ... Слышь?..

И, повернувъ лицо въ сторону берега, все еще окутаннаго туманомъ, оттопырилъ ухо приложивъ къ нему ладонь ребромъ и прислушался.

Но оттуда не доносилось ни одного звука.

— Видно, проѣхали,—сказалъ монахъ,—либо съѣхали съ дороги куда въ сугробъ.

Нѣсколько секундъ всѣ молчали.

Что-то треснуло громко какъ пистолетный выстрѣлъ, только гдѣ—нельзя было разобрать: впереди-ли, направо-ли, налѣво-ли...

— Это ледъ ломаетъ,—шепнулъ монахъ.—Итти что-ль?.. Силычъ!

— Ась?—шепотомъ отозвался Силычъ.

— Ты-бы сходилъ туда... Можетъ, проѣхали. Троихъ-то скорѣй примѣтятъ.

Силычъ досталъ изъ-за пазухи стрѣлы и сталъ ихъ пробовать о палецъ,—какая острѣй. Выбравъ одну, самую острую, онъ сунулъ ее за ухо, вродѣ того, какъ это дѣлаютъ писцы съ перьями, а остальныя спряталъ опять за пазуху.

Потомъ онъ перекрестился, поплевалъ на ладонь, чтобы ловчѣй держать шестъ, и пошелъ.

— Еще слава тебѣ Господи, что туманъ,—сказалъ монахъ, глядя ему вслѣдъ.

Силычъ безшумно потонулъ въ туманѣ.

Опять гдѣ-то на рѣкѣ громко, какъ изъ ружья, треснуло. Треснуло еще разъ уже дальше... Потомъ треснуло у противоположнаго берега.

Монахъ глядѣлъ на солнце все ярче разгоравшееся сквозь туманъ и однако не разсѣивавшаго эту окутывавшую рѣку молочно-бѣлую мглу и говорилъ:

— Теперь пойдетъ ломать... Гляди, завтра и рѣка тронется .. Во-время поспѣли...

— Большой дозоръ?—перебилъ его Пожарскій.

— Человѣкъ съ восемь.

— Такъ...

— Они вѣдь каждень,—зашепталъ монахъ.—И-и, Боже мой... Ни проходу, ни проѣзду. Строго сталo. Да ничего, мы управляемся.

Онъ лукаво прищурился, глядя на Пожарскаго:—Вчера это не отъ твоей милости пришли двѣ подводы съ мукой?..

— Знаю,—сказалъ Пожарскій,—Силычъ говорилъ... Я думалъ, догадаются.

— Не... По мѣшку сняли... Эго имъ. Ужъ такое положеніе. И при Жолкѣевскомъ тоже такъ: идетъ обозъ—«Чьи люди?» —«Монастырскіе».—«Проходи съ Богомъ». Вотъ кабы овесъ или сѣно, можетъ и остановили-бы. Сейчасъ у нихъ насчетъ этого плохо. Лошадей много, а кормы, говорятъ, совсѣмъ подобрались.

Вдали закрякала утка.

— Силычъ,—сказалъ монахъ и также какъ Силычъ, когда собирался на развѣдку, прислонилъ багоръ къ лѣвому плечу и поплевалъ на ладонь. Потомъ, оглядѣвъ Пожарскаго съ головы до ногъ, спросилъ:

— А ты, князь, какъ? Совсѣмъ пустой или захватилъ что на случай? У меня вотъ есть.

И все держа багоръ у лѣваго плеча, отвернулъ полу подрясника и выставилъ впередъ ногу въ валеномъ подшитомъ желтой кожей сапогѣ; изъ-за голенища сапога почти на четверть торчала костяная рукоять кинжала.

— Есть и у меня,—сказалъ Пожарскій.—Пойдемъ. У меня пистоль.

Они пошли.

На ходу, идя впереди и ощупывая багромъ дорогу, монахъ говорилъ:

— А то неровенъ часъ. Мало ли что. Этотъ дозоръ прошелъ, глядишь слѣдомъ другой... Да, тутъ колдобина, князь... Гляди... Они, говорятъ, теперь такъ и спятъ въ доспѣхахъ... Попадись имъ Ляпуновъ... Эхъ... опять колдобина...

Онъ вдругъ повернулся къ Пожарскому.

— И скажи на милость,—воскликнулъ онъ,—вѣдь вотъ сюда шелъ, крѣпко было, а теперь на-поди, ступить негдѣ.

II.

Когда Силычъ былъ уже совсѣмъ недалеко отъ берега, впереди него блеснуло небольшое пламя.

Силычъ остановился и потянулъ носомъ: оттуда, гдѣ блестѣло пламя, шелъ запахъ разогрѣтой смолы.

Силычъ сейчасъ же сообразилъ, что это такое.

По ту сторону Москвы-рѣки, вдоль стѣнъ деревяннаго города, на буграхъ гдѣ посуше, были вырыты землянки.

Въ землянкахъ жили рыбаки. Должно быть, сейчасъ кто-нибудь изъ нихъ смолилъ лодку.

Силычъ прямо пошелъ на огонь.

Надъ огнемъ чернѣло что-то, вѣроятно горшокъ со смолой или котелъ. Около огня кто-то копошился. На одну минуту совсѣмъ близко около огня освѣтилось бородатое лицо, за тѣмъ тоже на одну минуту рука съ пучкомъ не то соломы, не то мелкаго хворосту.

Силычъ тихонько крикнулъ:

— Эй, землякъ!

Человѣкъ, стоявшій у огня на колѣнкахъ, оперся ладонями о землю и кряхтя сталъ подыматься.

Поднявшись, онъ сказалъ:

— Ась?

Силычъ теперь разглядѣлъ его совсѣмъ хорошо. Онъ былъ высокій и очень худой, съ длинной сѣдой бородой. Онъ стоялъ шагахъ въ трехъ отъ Силыча и глядѣлъ на него щуря глаза и загораживаясь и отмахиваясь рукой отъ бѣлаго тяжелаго дыма, вдругъ повалившаго отъ костра и расплывавшагося густымъ облакомъ по землѣ... Дымъ заволакивалъ его ноги по самыя колѣна и рѣдѣя поднимался выше.

Онъ закашлялся.

Силычъ зналъ хорошо этого старика. Прозвище ему было Ѳедоръ-Стрѣлецъ.

Ѳедоръ-Стрѣлецъ началъ рыбачить почти съ того же времени какъ Силычъ сдѣлался охотникомъ, лѣтъ сорокъ тому назадъ.

Стрѣльцомъ его называли, потому что онъ раньше дѣйствительно служилъ въ стрѣльцахъ.

Въ Москвѣ въ тѣ годы у него былъ свой домъ и при домѣ пасѣка и огородъ. Въ тридцать съ чѣмъ-то лѣтъ Ѳедоръ-Стрѣлецъ сталъ негоденъ для царской службы: ему при пробѣ одной изъ новыхъ пушекъ отлитой мастеромъ-нѣмцемъ сильно повредило ногу... Не одного его тогда изувѣчило: пушку разорвало у самаго запала; вся запальная часть разлетѣлась на мелкіе куски.

Многіе, кто стоялъ близко около пушки, на всю жизнь стали калѣками.

Ѳедору пришлось уйти со службы.

Была у него торговля медомъ и медовымъ квасомъ — пришлось и торговлю оставить. Проболѣлъ онъ почти годъ, много истратилъ на леченье. За это время дѣла пришли въ упадокъ. Въ Москвѣ тогда не проходило дня, чтобы не случалось пожаровъ.

Въ одинъ изъ этихъ пожаровъ сгорѣлъ и домъ Ѳедора... Отъ всего его прежняго благополучія осталось только чтобы купить лодку да выселиться за стѣну и выкопать себѣ здѣсь на косогорѣ у рѣки землянку.

Кормился теперь Ѳедоръ-Стрѣлецъ больше Срѣтенскимъ монастыремъ, куда вмѣстѣ съ Силычемъ носилъ на продажу рыбу.

Когда ему попадалась такая рыба, что не стыдно подать къ игуменскому столу, у него былъ праздникъ: игуменъ всегда платилъ ему лишнее, помня его прежнюю царскую службу, и если Ѳедоръ являлся въ монастырь въ обѣдъ, отсылалъ его въ поварскую, чтобы тамъ онъ поѣлъ монастырскихъ щей и выпилъ монастырскаго квасу.

Ѳедоръ ѣлъ монастырскія щи, а за квасомъ у нихъ съ монастырскимъ поваромъ бывалъ длинный разговоръ о

томъ, какъ дѣлать изъ солода, хмеля и ржаной муки такую брагу, чтобы отъ нея било въ носъ, какъ отъ настоящаго крѣпкаго меду.

— Өедоръ—сказалъ, Силычъ,—ты давно тутъ? Ляховъ не видѣлъ?

Өедоръ указалъ ему на двѣ круглыя дыры въ днѣ лодки и отвѣтилъ:

— Сейчасъ тутъ были... Тьфу!—Онъ взмахнулъ руками и хлопнулъ себя ладонями по бедрамъ. — Гляди, что надѣлали!

Дыры въ его лодкѣ были отъ пуль. Онъ сталъ было разсказывать Силычу, какъ это все случилось, какъ подъѣхали къ нему поляки и насмѣхъ, съ единственной цѣлью причинить ему убытокъ, стали стрѣлять въ лодку.

Но Силычъ сказалъ:

— Ладно! починимъ... Далеко они сейчасъ?

— Должно далеко,— отвѣтилъ Өедоръ угрюмо.—А что тебѣ?

Силычъ, не говоря ни слова, перешагнулъ черезъ лодку и только тряхнулъ головой, взглянувъ на пробоины въ ея днищѣ.

— Ты куда?—крикнулъ ему вслѣдъ Өедоръ.

Силычъ, не оборачиваясь, махнулъ назадъ рукой и сталъ взбираться вверхъ по косогору, направляясь къ тому мѣсту, гдѣ у Өедора была землянка.

Шелъ онъ по косогору немного пригнувшись и очень быстро, будто тамъ, на косогорѣ замѣтилъ какую-то дичину, которую боялся спугнуть и которая того и гляди снимется и улетитъ.

Именно таковы были его движенія - какъ на охотѣ осторожныя и проворныя.

Глядя на него Өедоръ и про лодку забылъ и про топившуюся въ котлѣ надъ огнемъ смолу.

Крыша землянки Силыча уже розовѣла отъ солнца; наверху косогора туманъ былъ рѣдѣе.

Оттуда сверху отлично была видна стѣна деревяннаго города и высокій валъ, на гребнѣ котораго она тянулась. Стѣна состояла изъ толстыхъ палей, вбитыхъ въ землю вплотную одна возлѣ другой. Концы палей были заострены. Отъ дождей и времени пали стали черныя, будто ихъ обожгло огнемъ.

Изъ-за палей блестѣли кресты и главы церквей.

Валъ деревяннаго города съ его черной старой стѣной находился всего въ четверти версты отъ берега рѣки. Все это пространство отъ берега до вала клубилось туманомъ. Сквозь туманъ кой-гдѣ смутно различались проталины и проблескивала вода.

Тутъ были огороды.

Въ туманѣ низко надъ самой землей летали грачи.

Польскаго разъѣзда нигдѣ не было видно, сколько Силычъ ни вглядывался въ туманъ.

Потомъ далеко въ сторонѣ налѣво что-то заблестѣло переливчатымъ блескомъ.

У Силыча были хорошіе глаза... Другой не различилъ бы такъ далеко, а онъ разглядѣлъ нѣсколько конныхъ фигуръ, пробиравшихся гуськомъ внизу вдоль вала деревяннаго города. Всадники были въ каскахъ и панцыряхъ.

— Слава тебѣ Господи,—сказалъ Силычъ.

III.

Убѣдившись, что теперь со стороны поляковъ не грозитъ никакая опасность, Силычъ уже безъ всякихъ предосторожностей спустился съ пригорка и подалъ сигналъ на рѣку прежнимъ способомъ: присѣлъ на берегу на корточки и прокричалъ уткой.

Ѳедоръ Стрѣлецъ кашлянулъ за его спиной въ руку и негромко его окликнулъ:

— Силычъ!.. а, Силычъ!

— Ну?..—сказалъ Силычъ.

— А какихъ это ты утокъ подманываешь?

Онъ подошелъ къ Силычу и сталъ съ нимъ рядомъ.

— Одну-то я знаю,—продолжалъ онъ глядя на рѣку.

— Ну, и знай...

Силычъ тоже глядѣлъ на рѣку. Онъ мало слушалъ, что говорилъ ему Ѳедоръ, и чутко ловилъ всякій звукъ, доносившійся съ рѣки.

Ѳедоръ снова кашлянулъ въ кулакъ.

— Изъ Срѣтенскаго монастыря эта утка.

Онъ искоса поглядѣлъ на Силыча.

— Она?

— Она,—сказалъ Силычъ, тоже бросивъ на него косой взглядъ.

Ѳедоръ мотнулъ головой.

— Знаю. Я вѣдь видѣлъ. Думаю: ну, это онъ!.. Намедни тутъ тоже было дѣло... Гмъ, ты думаешь, я чужой вамъ?

Онъ усмѣхнулся беззубымъ ртомъ.

— Вонъ она смола-то. Ты спроси откуда она... Ономедни черезъ рѣку ея двѣ бочки перекатили. Тоже подъ утро. И тоже выходилъ встрѣчать срѣтенскій клюшникъ. Онъ же и смолы мнѣ откололъ.

Онъ умолкъ на минуту и затѣмъ продолжалъ, понизивъ голосъ и подмигивая Силычу подслѣповатыми глазами:

— Поди теперь ужъ и въ чаны разлили. Думаешь, я не знаю!

— Чего разлили?

— А смолу... Ты ужъ не хоронись лучше... Слышь что-ль?

Онъ тронулъ Силыча за локоть.

— Силычъ!

— А?

— Я вотъ тебѣ что скажу. Тутъ вѣдь ходъ есть подъ землей.

Силычъ повернулся къ нему и посмотрѣлъ на него широко открытыми глазами.

— Ходъ,—повторилъ Өедоръ,—эге! Я знаю—съ оврага, гдѣ лисьи норы.

Силычъ продолжалъ смотрѣть на него немного удивленными немигающими глазами. Ему было хорошо извѣстно о двухъ бочкахъ со смолой недавно переправленныхъ Пожарскимъ въ Срѣтенскій монастырь. Смола заготовлялась въ оборонительныхъ цѣляхъ. Въ Москвѣ подготовлялся бунтъ противъ укрѣпившихся въ ней поляковъ. Объ этомъ подготовлявшемся бунтѣ Силычъ зналъ отъ Пожарскаго. О томъ, что въ Москвѣ поляковъ рано или поздно будутъ бить, кое-что слышалъ и Өедоръ. Сегодня въ первый разъ за все время какъ стали въ народѣ ходить слухи о бунтѣ, онъ подумалъ, что развязка должна быть близка. Самъ онъ въ городѣ не былъ съ масляной недѣли. Но и тогда уже кое-что поговаривали. Послѣднее время онъ каждый день видѣлъ польскіе дозоры. Дозоры останавливали всякаго, кто ни шелъ бы или ни ѣхалъ къ Москвѣ. Өедоръ разспрашивалъ прохожихъ какъ въ Москвѣ дѣла, и изъ того, что удалось ему вывѣдать отъ прохожихъ, не всегда охочихъ на отвѣты, вывелъ заключеніе, что въ Москвѣ дѣла запахли порохомъ.

Недавняя таинственная отправка изъ-за рѣки въ Срѣтенскій монастырь двухъ бочекъ со смолой только укрѣпила его въ этомъ мнѣніи... Онъ рѣшилъ, что если смола можетъ быть для чего-нибудь нужна монахамъ въ такое время, такъ именно на случай, если поляки вздумаютъ штурмовать монастырь.

Собственно о томъ, что въ бочкахъ смола, онъ узналъ совершенно случайно. Сверху бочки были залиты воскомъ. Катили ихъ черезъ рѣку двое монаховъ. Когда эти монахи стали взваливать бочки на сани, запряженныя тройкой лихихъ коней одна изъ бочекъ треснула и тутъ именно и обнаружилось, что воскомъ они только залиты сверху.

Правилъ тройкой ключникъ изъ Срѣтенскаго монастыря.

Ключникъ далъ Ѳедору кусокъ смолы фунтовъ въ десять и сказалъ:

— А про то, что видѣлъ, наложи печать на уста свои.

Потомъ онъ и тѣ монахи, что перекатили бочки черезъ рѣку, ускакали во весь духъ.

Ѳедоръ немного сердился на Силыча, зачѣмъ онъ не открылся ему раньше до сегодняшняго дня, пока все само собой не выплыло наружу.

Тогда монахи могли бы воспользоваться подземнымъ ходомъ.

Правда, объ этомъ ходѣ Ѳедоръ зналъ только, что онъ есть, а куда, т. е. въ какую часть города онъ ведетъ— этого не зналъ.

Но въ подземельи во всякомъ случаѣ было можно схорониться.

Онъ смотрѣлъ въ изумленное лицо Силыча и говорилъ съ укоризной:

— И чего было таиться!

IV.

Съ княземъ Пожарскимъ Силычъ познакомился еще когда тотъ былъ совсѣмъ молодымъ человѣкомъ.

Встрѣтились они впервые на охотѣ.

Пожарскіе, хотя и носили княжескій титулъ, были люди небогатые и, когда имъ приходилось живать въ Москвѣ, ютились въ небольшомъ домишкѣ доставшемся имъ послѣ смерти дальняго родственника, гдѣ-то на краю города почти у самаго земляного вала.

Наѣзжали же они въ Москву всегда за однимъ и тѣмъ-же: поклониться передъ сильными людьми о томъ, чтобы поправить плохое свое «житьишко».

Старикъ Пожарскій, отецъ князя Дмитрія, въ дни этихъ пріѣздовъ въ Москву дома только ночевалъ да спалъ послѣ

обѣда, а остальное время у него уходило все цѣликомъ на хожденіе по нужнымъ людямъ.

Сыну его, князю Дмитрію, одному дома не сидѣлось. Былъ у него хорошій заграничной работы мушкетъ, съ нимъ онъ и короталъ время, подкарауливая на Москвѣ-рѣкѣ дикихъ гусей и утокъ или тетеревей въ густыхъ, тогда еще почти нетронутыхъ подмосковныхъ лѣсахъ.

Тамъ, на охотѣ, и свела его судьба съ Силычемъ.

Разъ заночевавъ у Силыча, онъ ужъ потомъ, случалось, по цѣлымъ днямъ не показывался домой.

Силычъ величалъ его княжичемъ, уступалъ ему на ночь лавку, покрытую двумя волчьими шкурами, устраиваясь самъ на земляномъ полу возлѣ порога, потчевалъ за ужиномъ хорошимъ шипучимъ медомъ изъ зеленаго вродѣ тыквы кувшина съ узкимъ горлышкомъ, а на сонъ грядущій разсказывалъ сказки ровнымъ монотоннымъ голосомъ.

Медъ онъ доставалъ черезъ Ѳедора-Стрѣльца изъ Срѣтенскаго монастыря, гдѣ, какъ ужъ было сказано, Ѳедоръ имѣлъ близкія и прочныя знакомства на поварнѣ.

Монахамъ медъ въ монастырѣ давался развѣ чуть-чуть покрѣпче квасу—не медъ собственно, а медовый квасъ. Для Ѳедора же монастырскій кухарь нацѣживалъ настоящаго крѣпкаго меду, имѣвшагося въ монастырѣ на случай пріѣзда какого-нибудь важнаго лица изъ свѣтскихъ.

Угощая князя Дмитрія медомъ, Силычъ однако самъ довольствовался однимъ лишь простымъ хлѣбнымъ виномъ немного зеленоватаго цвѣта и всегда пахнущимъ только что испеченнымъ и неостывшимъ хлѣбомъ. Это вино варилъ онъ самолично два раза въ годъ: къ Рождеству и Пасхѣ, и хранилъ въ дубовомъ съ дубовыми же обручами боченкѣ.

Въ одинъ изъ пріѣздовъ въ Москву, старику Пожарскому послѣ долгихъ хлопотъ и каждодневныхъ хожденій по разнымъ власть имущимъ людямъ, удалось наконецъ выхлопотать себѣ мѣсто губного старосты въ тѣхъ краяхъ, гдѣ у него имѣлось помѣстье.

Пожарскіе послѣ этого оставили Москву надолго.

Снова свидѣться съ княземъ Дмитріемъ Силычу пришлось уже много спустя.

Случилось это совсѣмъ для него неожиданно темной февральской ночью. Прибылъ къ нему Пожарскій не одинъ, а въ сопровожденіи двухъ молодцовъ въ панцыряхъ съ саблями и пистолетами.

Время было тревожное, и Силычъ не сразу отперъ дверь, а когда отперъ, тоже не сразу узналъ князя Дмитрія, сильно возмужавшаго и обросшаго густой темнорусой бородой.

Сначала Силычъ подумалъ, не польскій-ли это дозоръ, и прежде чѣмъ отпереть дверь спряталъ въ потайное мѣсто боченокъ съ самодѣльнымъ виномъ.

И князь Дмитрій и его провожатые были на коняхъ.

Послѣ короткой бесѣды съ Силычемъ, Пожарскій отпустилъ своихъ спутниковъ.

Они повернули коней и уѣхали, а Силычъ принесъ въ землянку охапку сухого валежника и растопилъ печку, сложенную изъ сырцоваго кирпича.

Бѣгая за валежникомъ и растопляя печку, онъ раздумывалъ, для чего это онъ понадобился Пожарскому. Пока Пожарскій сказалъ ему всего только нѣсколько словъ о томъ, что ему на время нужно пріютиться у него въ землянкѣ и что онъ ждетъ отъ него какой-то услуги.

За ужиномъ состоявшимъ изъ жареной тетерьки князь Дмитрій объяснилъ Силычу, что многіе русскіе города согласились низвергнуть избраннаго недавно русскимъ царемъ польскаго королевича Владислава и что онъ, князь Дмитрій, долженъ тайно переправить въ Москву припасенные въ Троицкой обители оружіе и боевые припасы: порохъ, пули, свинецъ. Затѣмъ онъ и самъ намѣревался пробраться въ Москву, набрать тамъ дружину изъ охочихъ людей и попробовать напасть на польскій гарнизонъ...

Дѣло было трудное.

Но Силычъ тоже всегда держался такого мнѣнія, что католику совсѣмъ не къ лицу быть русскимъ царемъ.

Онъ далъ клятву князю Дмитрію служить ему вѣрой и правдой до послѣдней капли крови.

Какъ бывало раньше, онъ уложилъ князя Дмитрія на лавкѣ, а самъ не глядя на ночь побѣжалъ за рѣку къ Өедору-Стрѣльцу съ просьбой непремѣнно къ утру достать монастырскаго шипучаго меду.

Медъ на утро былъ доставленъ, и тутъ за завтракомъ выяснилось, что князь Дмитрій уже давно имѣетъ сношенія съ Срѣтенскимъ монастыремъ и именно въ Срѣтенскомъ монастырѣ намѣренъ укрыть запасенное имъ оружіе.

Силычъ опять побожился, что даже передъ другомъ своимъ Өедоромъ не станетъ распускать языка.

Онъ сдержалъ свое слово.

Но съ той ночи какъ Силычъ прибѣгалъ къ Өедору за медомъ, мимо Өедоровой землянки стали по ночамъ же или рано на зарѣ проходить какіе-то люди, монахи и міряне, съ узлами и тюками. Разъ провезли что-то на двухъ подводахъ. Въ другой разъ перекатили черезъ ледъ двѣ бочки...

Впрочемъ обо всемъ этомъ читатель уже знаетъ.

Оба охотника, Силычъ и Өедоръ, были недовольны собой одинъ за то, что былъ чрезмѣрно скрытенъ, а другой—что недостаточно догадливъ.

V.

Горѣла восковая свѣчка, скупо освѣщая низкій сводчатый потолокъ.

Свѣчку держалъ ключникъ изъ Срѣтенскаго монастыря.

Около ключника стояли князь Дмитрій и Силычъ, а немного впереди нихъ Өедоръ-Стрѣлецъ.

Өедоръ-Стрѣлецъ говорилъ:

— Искалъ я тутъ мѣсто, хотѣлъ другую землянку выкопать... да... Самъ Богъ сюда привелъ. А куда онъ идетъ, далеко-ли, не знаю.

Онъ провелъ ладонью сбоку себя по сырой липкой стѣнѣ.

— Богъ его вѣдаетъ, — сказалъ онъ. — Можетъ когда еще прокопанъ...

— Значитъ, не пробовалъ ходить дальше? — спросилъ Пожарскій.

— Не... боязно...

Срѣтенскій ключникъ поднялъ свѣчу повыше и двинулся впередъ.

— Съ Богомъ нигдѣ не страшно,— произнесъ онъ и перекрестился.

Глухо зазвучали шаги по земляному полу, на стѣнахъ справа и слѣва заколыхались тѣни.

Они шли по узкой подземной галлереѣ.

Было темно и сыро, какъ въ погребѣ.

Силычъ вдругъ сказалъ:

— Триста!

И остановился.

И всѣ тоже остановились. Ключникъ черезъ плечи поглядѣлъ на Силыча и на шедшаго впереди Силыча Ѳедора и князя Дмитрія.

— Триста, — повторилъ Силычъ и стукнулъ задомъ лаптя объ полъ:— до этого мѣста триста. Я считалъ: триста шаговъ. Стой же! Гдѣ же это мы теперь?

— Ишь какой вострый,—про себя шопотомъ сказалъ Ѳедоръ и добавилъ вслухъ: — Это по нашему! Молодецъ Силычъ! Значитъ считалъ?

— Считалъ,—отвѣтилъ Силычъ, глядя однако не на него, а на князя Дмитрія.—Съ самаго какъ вошли считалъ... Какъ ты думаешь, княже, гдѣ мы теперь? Триста шаговъ прошли.

На это князь Дмитрій не умѣлъ отвѣтить.

— А и то гдѣ? — опять шопотомъ самому себѣ задалъ вопросъ Θедоръ.

Монахъ-ключникъ съ сосредоточеннымъ выраженіемъ на лицѣ и опустивъ голову теръ двумя пальцами лобъ надъ переносицей, занятый очевидно рѣшеніемъ того же вопроса. Если по подземелью они сдѣлали триста шаговъ, то какому же мѣсту на поверхности земли соотвѣтствуетъ мѣсто этой ихъ остановки?

— Триста шаговъ—сто саженей,—заговорилъ Силычъ,— Сто саженей... Гдѣ же это? Гдѣ... по-моему... Отецъ Симонъ!..

— Полтретья версты прошли,—отозвался ключникъ, — да еще съ прибавкой... Погоди...

Для чего-то онъ поглядѣлъ на потолокъ у себя надъ головой.

— Подъ стѣной мы... вотъ что.

— Полтретья съ прибавкой и будетъ отъ оврага,—сказалъ тоже глядя на потолокъ Θедоръ.—Гляди, сейчасъ и выходъ будетъ... А только куда?

Онъ вопросительно взглянулъ на Силыча...

— То-то куда?—сказалъ Симонъ.—Тутъ какъ будто ничего нѣтъ такого, около стѣны...

И тоже, какъ Θедоръ, остановилъ вопросительный взглядъ на Силычѣ.

— Тамъ видно будетъ, гдѣ выходъ,—проговорилъ князь Дмитрій.—Свѣти, отецъ Симонъ!

Снова заколыхалась ихъ тѣни на стѣнахъ.

Идя сзади всѣхъ, Силычъ считалъ шаги.

— Одинъ, два, три, четыре, пять... десять... двадцать... пятьдесятъ... сто...

Остальные шли молча.

У Симона отъ большой церковной свѣчки остался одинъ огарокъ. На ходу онъ вынулъ изъ-за пазухи другую свѣчу и зажегъ ее объ огарокъ.

Силычъ продолжалъ считать:

— Сто одинъ, сто два... сто четыре... Сто двадцать... Полтораста... Двѣсти... двѣсти одинъ, двѣсти два.

— Стѣна!—крикнулъ Симонъ, остановившись внезапно.

Восковая свѣчка, бывшая въ его рукахъ, освѣщала только это небольшое пространство впереди него и эта стѣна, появившаяся неожиданно передъ нимъ на разстояніи какихъ-нибудь полутора шага, казалось, выросла какъ по волшебству изъ ничего, изъ мрака.

Подземная галлерея кончилась.

Симонъ освѣтилъ стѣну.

Въ ней была низенькая желѣзная дверь съ желѣзными же кольцами, во многихъ мѣстахъ покрытая ржавчиной.

Симонъ потрогалъ осторожно кольцо и тоже осторожно, чтобы не звякнуло, опустилъ.

Потомъ онъ повернулся къ своимъ спутникамъ.

— Какъ быть?

Онъ не сказалъ этихъ словъ, но именно этотъ вопросъ свѣтился въ его глазахъ, въ которыхъ отражалось неровное мигающее пламя восковой свѣчи.

Подземный ходъ несомнѣнно кончился.

Куда же ведетъ эта дверь? Въ какой-нибудь подвалъ при жиломъ строеніи или въ какую-нибудь изъ городскихъ околостѣнныхъ башенъ? Вырыто ли это подземелье частнымъ лицомъ или при постройкѣ городской стѣны?

— А что,—заговорилъ Силычъ шепотомъ,—какъ мы вылѣземъ отсюда, да,—упаси Господи,—прямо въ руки ляхамъ?!

— Кабы знать, гдѣ мы,—тоже шепотомъ произнесъ Симонъ.

— Да-алеко ушли!—раздался уже совсѣмъ тихій, еле слышный шепотъ Ѳедора.—Охъ, Господи, Господи!

Пожарскій быстро къ нему повернулся.

— Ѳедоръ!

— Ась?..

— Ты ужъ лучше вотъ что... Ты ужъ ступай лучше назадъ

— Ужъ думалъ я объ этомъ, батюшка, — отвѣтилъ Ѳедоръ.—Не!

Онъ отрицательно мотнулъ головой и сейчасъ-же сдвинулъ свои сѣдыя брови.

— Не пойду!—сказалъ онъ твердо.—Все одно помирать и такъ скоро. Э!

И махнулъ рукой.

Пожарскій досталъ изъ кармана пистолетъ и, держа его въ правой рукѣ, лѣвой взялся за ввинченное въ дверь кольцо.

Ѳедоръ сталъ креститься. Симонъ съ Силычемъ продвинулись ближе къ Пожарскому. Первый вынулъ изъ-за голенища кинжалъ, а второй натянулъ тетиву самострѣла, уперевъ его для этого тонкимъ концомъ, гдѣ была дуга, въ землю и опершись о прикладъ грудью.

Князь Дмитрій смотрѣлъ на него черезъ плечо.

Кончивъ креститься, Ѳедоръ порылся у себя въ карманѣ и извлекъ оттуда небольшой кривой дорожный ножъ въ кожаныхъ вытершихся ножнахъ.

Ножны онъ опустилъ обратно въ карманъ, а ножъ оставилъ при себѣ, зажавъ его крѣпко въ кулакѣ.

— Во имя Отца и Сына,—прошепталъ онъ,—отворяй, князь!

— Дерзай!—сказалъ и Симонъ, передавая свѣчку Ѳедору.—На-ко ты свѣти.

И повторилъ опять, ставъ рядомъ съ Пожарскимъ:

— Дерзай, княже!

Пожарскій потянулъ за кольцо.

Дверь громко завизжала ржавыми петлями и отворилась.

Первымъ прошелъ въ дверь Пожарскій, за нимъ Симонъ, потомъ проворно перескочилъ черезъ порогъ Силычъ, держа самострѣлъ наготовѣ и быстро острымъ взглядомъ озираясь по сторонамъ.

Послѣднимъ шелъ Ѳедоръ.

Дверь была низенькая и Ѳедору, чтобы пройти въ нее,

пришлось согнуться. Однако онъ сейчасъ же выпрямился. Онъ двигался нетороопливо, и когда перешагнулъ порогъ и выпрямилъ станъ, тоже и голову поднялъ высоко.

Никакого страха не было въ его глазахъ.

Теперь уже не шепотомъ, а обыкновеннымъ своимъ голосомъ, только немного нараспѣвъ заговорилъ:

— Помоги, Господи, вѣрнымъ.

Симонъ повернулся къ нему и замахалъ на него рукой:

— Тише!

Өедоръ умолкъ. Прямо стоялъ онъ, прямо глядѣлъ передъ собою поверхъ желтенькаго пламени свѣчки.

Онъ словно былъ на молитвѣ или собирался совершать какой-то обрядъ.

Торжественно спокойно было его лицо.

Они находились теперь въ большой квадратной комнатѣ вродѣ подвала съ круглой каменной лѣстницей, поднимавшейся къ самому потолку.

Потолокъ былъ покатый и снабженъ люкомъ, закрытымъ круглымъ твориломъ, со скобой у одного края.

Каменная лѣстница вела именно къ этому люку.

Пожарскій первымъ поднялся по лѣстницѣ, взялся за скобу и потянулъ.

Творило было изъ толстаго желѣза или изъ чугуна. Ржавая сырость покрывала его сплошь.

Князь Дмитрій только испачкалъ руки, стараясь поднять творило: оно не поддавалось никакъ. Тогда онъ навалился на него плечомъ.

— Помогай,—сказалъ онъ Симону.

Онъ чувствовалъ, что творило отъ нажима плечомъ какъ будто немного сошло съ мѣста.

Симонъ положилъ кинжалъ у ногъ, на порогъ лѣстницы, и изо всѣхъ силъ уперся въ творило обѣими руками.

Черезъ минуту онъ сказалъ вполголоса:

— Пошло!

И переставилъ ногу на слѣдующій порогъ.

— Силычъ!—сказалъ онъ внизъ изъ-подъ руки:—подбери кинжалъ.

Творило приподнялось.

Симонъ и князь Дмитрій передвинулись еще на одинъ порогъ выше по лѣстницѣ, причемъ теперь уже и князь Дмитрій стоялъ подъ твориломъ, упираясь въ него какъ Симонъ обѣими руками.

Творило открылось еще больше.

— Тише!—зашепталъ Симонъ, хватаясь рукой за скобу.— Глядь, князь, ударится объ полъ, шуму надѣлаетъ.

Держать творило теперь уже не представляло почти никакого труда: оно стояло почти вертикально. Отъ малѣйшаго толчка оно могло и снова захлопнуться и упасть въ обратную сторону.

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ нужно было учитывать шумъ, произведенный его паденіемъ.

Держась одной рукой за скобу, Симонъ другой растегнулъ свой кожаный кушакъ и продернулъ его сквозь скобу.

— Опускай, князь,—сказалъ онъ Пожарскому, а самъ взялъ въ руки оба конца кушака.

Едва Пожарскій нажалъ на творило, оно сейчасъ-же запрокинулось и Симону пришлось напрячь всю свою силу, чтобы удержать его въ этомъ положеніи.

Затѣмъ онъ потихоньку сталъ отпускать кушакъ и такимъ образомъ быстро самъ подвигался вверхъ по лѣстницѣ, и по мѣрѣ того какъ творило опрокидывалось все больше опустилъ его безъ всякаго шума.

Пожарскій шелъ за нимъ слѣдомъ и они почти одновременно выбрались изъ подземелья.

Нѣсколько секундъ они оставались въ полнѣйшей темнотѣ.

Но сейчасъ-же снизу въ отверстіи люка блеснулъ свѣтъ и показалось блѣдное бородатое лицо Ѳедора.

Симонъ взялъ у него свѣчку.

За Θедоромъ вылѣзъ изъ люка Силычъ.

— На!—сказалъ Θедору Симонъ, передавая ему обратно свѣчку и въ то же время самъ принимая отъ Силыча свой кинжалъ.

Силычъ оглядывался по сторонамъ.

— Гдѣ же это мы?—прошепталъ онъ.

— А что?—шепотомъ же обратился Силычъ къ Пожарскому, указывая ему на зіявшее мракомъ круглое отверстіе люка,—закрыть или нѣтъ?

При слабомъ свѣтѣ свѣчи Силычъ разглядѣлъ какія-то бочки съ вывалившимися лотками, испачканныя известью доски, чугунный котелъ съ отшибленнымъ краемъ.

— Свѣти дальше,—сказалъ онъ Θедору, толкнувъ его въ спину.

Θедоръ пошелъ между бочками.

Помѣщеніе было большое съ поломъ, устланнымъ квадратными каменными плитами, и потолкомъ, сложеннымъ изъ цѣльныхъ дубовыхъ бревенъ. Силычъ качнулъ одну изъ бочекъ. Она оказалась пустая... Всюду подъ ноги попадался какой-то мусоръ. Разъ Силычъ едва было не споткнулся объ опрокинутый табуретъ о двухъ ножкахъ, въ другой разъ задѣлъ ногою о выщербленную съ отогнутымъ верхнимъ рожкомъ и съ отломанной рукояткой сѣкиру.

— Это—подвалъ,—сказалъ Θедоръ.—Только гдѣ тутъ дверь? А оконъ нѣту...

Оконъ дѣйствительно не было ни одного.

Θедоръ подошелъ со свѣчой поближе къ стѣнѣ; она была кирпичная.

— Гляди... Охъ, Господи...

Онъ указалъ Силычу на вмазанное въ стѣну желѣзное кольцо съ прикованной къ нему цѣпью. На свободномъ концѣ цѣпи было тоже кольцо, только значительно больше...

— Нашейникъ,—прошепталъ Θедоръ, освѣтивъ это второе кольцо.—А во! Гляди...

Онъ скользнулъ свѣчой ниже по стѣнѣ.

Внизу на полу лежали деревянныя колодки, снабженныя тяжелымъ замкомъ.

Въ такія колодки тогда заковывали ноги преступниковъ. А на шею надѣвалось желѣзное кольцо съ цѣпью и цѣпь наглухо прикрѣплялась къ другому кольцу, вмазанному въ стѣну...

Ѳедоръ перекрестился.

— Господи Іисусе Христе...

— А вонъ и дверь,—сказалъ Силычъ и, обернувшись назадъ, тихонько окликнулъ:

— Князь!..

— Тутъ мы,—раздалось въ темнотѣ.

— Дверь вотъ она...

Ѳедоръ держалъ свѣчу въ обѣихъ рукахъ (ножъ онъ спряталъ) и шепталъ:

— Батюшки мои... Князь, а мы въ застѣнокъ попали!

Но попрежнему на было страха въ его глазахъ, а было какое-то тоскливое выраженіе, истинная томящая смертная тоска.

Онъ посторонился, когда Симонъ и Пожарскій проходили мимо него, провожая ихъ такимъ взглядомъ, будто они шли на смерть или казнь.

Дверь оказалась безъ двери, т. е.—ничѣмъ незакрытымъ прямоугольнымъ отверстіемъ, пробитымъ въ стѣнѣ. Вела она въ узкій коридоръ съ деревяннымъ поломъ. Коридоръ былъ всего въ нѣсколько шаговъ и упирался въ другую дверь, сдѣланную уже какъ слѣдуетъ: изъ дубовыхъ толстыхъ досокъ, съ желѣзными, длиной во всю ея ширину, петлями.

Дверь была немного пріоткрыта и на полъ коридора черезъ это отверстіе между ея краемъ и притолокой падала узкая полоса свѣта...

Силычъ вызвался посмотрѣть, что дѣлается за дверью...

Онъ былъ хорошій охотникъ и умѣлъ подкрадываться

къ самой сторожкой птицѣ или звѣрю, не производя никакого шума.

Чуть не цѣлыя четверть часа пробирался онъ по коридору.

Но ни одна половица не скрипнула подъ его ногами...

VI.

— Князь!

— А?..

— Тамъ какой-то монашекъ...

— Монашекъ?

— Эге... въ желѣзахъ...

Силычъ говорилъ какъ будто ему не хватало воздуха... Онъ перевелъ духъ и прошепталъ опять также надорваннымъ голосомъ:

— Сторожъ съ нимъ.

— Одинъ?

— Одинъ.

— А кто? Ляхъ?

— Ляхъ. Спитъ.

— Спитъ?

— Эге!.. Князь!..

— Ну?..

— Тебѣ никакъ нельзя... У тебя пистоль... Дай я...

Снова онъ перевелъ духъ.

— Отъ пистоля шумъ... Я—стрѣлой... И не дохнетъ...

Планъ былъ у Силыча такой: убить сторожа, освободить монаха и затѣмъ увести его съ собою подземнымъ ходомъ.

Когда онъ увидѣлъ этого монаха въ щелочку двери, онъ едва удержался, чтобы не пристрѣлить сейчасъ же его сторожа.

Сторожъ спалъ, положивъ на столъ голову. На столѣ стоялъ кувшинъ съ чѣмъ-то, можетъ быть съ виномъ, и лежали на деревянномъ кружкѣ куски мяса и хлѣба.

Монахъ былъ молодой.

Силычъ и сказалъ про него—не монахъ, а монашекъ.

Его босыя ноги были въ колодкахъ и онъ былъ прикованъ цѣпью къ стѣнѣ... Сидѣлъ онъ на полу на корточкахъ, прислонясь спиной къ стѣнѣ и сгорбившись.

Онъ не спалъ.

Но онъ сидѣлъ совершенно неподвижно. Можетъ быть, его пытали всю эту ночь... Совсѣмъ измучили.

Недалеко отъ того мѣста, гдѣ онъ сидѣлъ, стояла скамья. Надъ скамьей съ потолка висѣла веревка...

Возлѣ скамьи рядомъ съ котломъ полнымъ углей лежали ручной мѣхъ и нѣсколько желѣзныхъ полосъ и прутьевъ.

Можетъ быть, ляхъ-сторожъ былъ и палачемъ.

— Князь! дай я его... Я не промахнусь...

Но князь Дмитрій молчалъ.

Быстро въ головѣ его созрѣвалъ другой планъ... Этотъ планъ былъ смѣлъ и рискованъ.

Но князь Дмитрій давно уже обрекъ себя: пропадать такъ пропадать.

— Хорошо,—сказалъ онъ.

— Итти, значитъ?

— А потомъ?

— Что потомъ?

— Потомъ какъ быть?

— Уйдемъ и его уведемъ съ собой.

Пожарскій отрицательно качнулъ головой.

— Нѣтъ, не такъ.

— А какъ?—спросилъ Силычъ глухо.

— Сторожа убить и втащить сюда, монаха развязать...

— Такъ...

— Дать ему сторожевы пистоли или что у него есть...

— Такъ...

— И ждать что будетъ. Вѣдь придетъ его кто-нибудь

провѣдать или смѣнить... Погоди!.. Не такъ... Нужно вотъ что... Захватить этого сторожа.

— Что сейчасъ тутъ?

— Да...

— Только чтобъ не крикнулъ. Можешь?..

— Ежели спитъ, могу...

— Это и надо...

— Могу, ежели спитъ,—повторилъ Силычъ раздумчиво.— Попробую... А ежели трепыхнется?..

— Тогда бей... Только стой... Дѣлай какъ сказано: возьми живого. Попробуй...

Силычъ сѣлъ на полъ и сталъ снимать лапти...

— Попробую, — говорилъ онъ, разматывая ремни. — Отчего не попробовать...

VII.

Соблюдая прежнюю осторожность, Силычъ подобрался по коридору до двери и заглянулъ въ нее.

Свѣтлая полоска на полу, противъ двери, стала вдругъ шире и въ коридорѣ чуть-чуть посвѣтлѣло.

Силычъ скользнулъ за дверь.

Секунду спустя за дверью послышался шорохъ... Трудно было сообразить, что тамъ происходитъ. Доносившійся изъ-за двери шорохъ во всякомъ случаѣ не походилъ на возню двухъ борющихся человѣкъ... Затѣмъ все тамъ затихло.

Изъ-за двери высунулась голова Силыча.

— Идите скорѣй!

И сейчасъ же онъ убралъ свою голову.

Князь Дмитрій подошелъ къ двери и открылъ ее настежъ.

Комната, куда онъ вошелъ, освѣщалась фонаремъ сдѣланнымъ изъ тонкаго листового желѣза безъ стеколъ. Свѣтъ изъ фонаря проходилъ сквозь маленькія располо-

женныя близко одно около другого отверстія. Эти дырочки шли по всему фонарю сверху до низу.

Фонарь стоялъ на столѣ, за которымъ на лавкѣ сидѣлъ молодой парень со связанными назадъ руками.

Въ глазахъ его былъ нѣмой безумный ужасъ. Силычъ засунулъ ему въ ротъ рукавицу. Ноги у парня тоже были связаны. Одѣтъ онъ былъ въ синій польскій кунтушъ.

Князь Дмитрій, какъ только переступилъ порогъ, сейчасъ-же направился къ двери, находившейся какъ разъ напротивъ той, въ которую онъ вошелъ, и попробовалъ заперта ли она.

Дверь оказалась отпертой.

Собственно этого онъ и ожидалъ. Если-бы дверь запиралась, незачѣмъ было бы и ставить сторожа.

Онъ все-таки ощупалъ, не виситъ ли съ той стороны двери замокъ и нѣтъ ли тамъ другого какого запора. Не только никакого запора не оказалось, но князь Дмитрій едва не поранилъ пальцы о какіе-то желѣзные обломки, съ острыми краями, попавшіеся ему подъ руку, когда онъ искалъ замокъ.

Дверь, судя по этимъ обломкамъ, когда-то была снабжена запоромъ, теперь почему-то сбитымъ.

Пожарскій повернулся и тутъ впервые разсмотрѣлъ какъ слѣдуетъ прикованнаго къ стѣнѣ монаха.

Волосы у монаха были всклокочены и на нихъ запеклась кровь.

Около него уже возились Ѳедоръ и Силычъ, стараясь освободить его ноги изъ колодокъ и разомкнуть шейное кольцо.

Симонъ съ засученными рукавами и заткнутыми за поясъ полами подрясника стоялъ передъ связаннымъ сторожемъ, уперши руки въ бока и глядѣлъ на него, злобно посмѣиваясь.

Симонъ должно быть уже приготовился пытать сторожа, рѣшивъ напередъ про себя, что именно съ этого, съ пытки Пожарскій велитъ начать съ нимъ расправу.

— Отецъ Симонъ!—позвалъ его князь Дмитрій.

Но Симонъ только на одну минуту повелъ въ его сторону глазами и сейчасъ же опять устремилъ ихъ на сторожа.

— А что? — прошепталъ онъ, — небось не ждалъ, не гадалъ?

— Отецъ Симонъ,—окликнулъ его снова Пожарскій,— иди сюда: нужно какъ-нибудь запереть дверь.

Въ это время Силычу и Ѳедору удалось сбить съ ногъ узника колодки и вышибить желѣзный стержень, скрѣплявшій шейное кольцо.

Силычъ взялъ со стола кувшинъ и заглянулъ въ него.

— Вино и есть,—сказалъ онъ,—на!

И передалъ кувшинъ монаху.

Симонъ подошелъ къ Пожарскому.

Остановившись передъ дверью, онъ оглянулъ ее, качнулъ въ ту и другую сторону, потомъ отступилъ на шагъ и сталъ чесать въ затылкѣ, глядя внизъ.

— Не знаю какъ,—сказалъ онъ, повернувъ лицо къ Пожарскому,—а зачѣмъ?

— Ну и не надо! - быстро согласился Пожарскій;—ладно и такъ. Ты только стой тутъ и слушай... Ладно...

Онъ склонилъ голову, покрутилъ усъ и, сказавъ еще разъ «ладно», быстро повернулся и подошелъ къ столу.

VIII.

Князь Дмитрій даже приблизительно не могъ сказать, гдѣ онъ находился.

Однако онъ понималъ: подземелье привело ихъ въ чей-то подвалъ или погребъ, превращенный временно въ застѣнокъ.

Хозяйничали здѣсь явно поляки.

Объ этомъ лучше всего говорилъ костюмъ, который

былъ на человѣкѣ, сторожившемъ несчастнаго полузамученнаго монашка.

Съ минуту на минуту слѣдовало ожидать появленія въ подвалѣ либо того, по чьему приказанію монашекъ былъ арестованъ и подвергнутъ пыткѣ, либо кого-либо изъ его ближнихъ людей.

Пожарскій еще не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что онъ предприметъ дальше.

Пока онъ хотѣлъ только допросить сторожа.

На случай если бы къ сторожу на выручку подоспѣла помощь, онъ рѣшилъ внезапно накинуться на вошедшихъ изъ засады, т.-е. укрывшись предварительно въ темномъ коридорѣ.

Онъ расчитывалъ приблизительно на 4—5 противниковъ—самое большее. Но непріятель могъ явиться и въ меньшемъ числѣ.

Послѣднее было вѣрнѣй.

Князь Дмитрій почти не сомнѣвался, что застѣнокъ, куда завела его судьба, находился при обывательскомъ домѣ, занятомъ какимъ-нибудь польскимъ офицеромъ.

Могъ, значитъ, въ застѣнокъ явиться самолично и этотъ офицеръ.

Тогда представлялась возможность захватить въ плѣнъ его.

Если-бы изъ показаній плѣнниковъ выяснилось, что при домѣ находится цѣлый польскій отрядъ, тогда, конечно, пришлось бы потихоньку убраться изъ опаснаго мѣста тѣмъ же подземнымъ ходомъ... Но полякъ, занимающій домъ, могъ держать при себѣ всего только нѣсколько слугъ. Въ такомъ случаѣ князь Дмитрій имѣлъ въ виду напасть на слугъ врасплохъ, перевязать ихъ и, обезопасивъ себя такимъ образомъ отъ преслѣдованія, попытаться выйти на улицу.

Впрочемъ заглядывать слишкомъ далеко впередъ было не въ его характерѣ. Онъ привыкъ дѣйствовать сообразуясь съ обстоятельствами минуты.

Сейчасъ для него было необходимо лишь снять допросъ со сторожа.

Князь Дмитрій зналъ польскій языкъ.

Показавъ сторожу пистолетъ и объяснивъ ему, что если онъ вздумаетъ шумѣть, то будетъ тутъ же убитъ, онъ вынулъ рукавицу у него изо рта.

— Говори, чей это домъ?

Онъ спрашивалъ по-польски и былъ увѣренъ, что и отвѣтъ тоже будетъ по-польски.

Но сторожъ отвѣтилъ по-русски... Глядя на одного только Пожарскаго, державшаго пистолетъ какъ разъ противъ его груди, и казалось никого и ничего больше не видя, онъ сказалъ шатнувшись передъ дуломъ пистолета назадъ и привалившись спиною къ стѣнѣ:

— Батюшка, не губи...

Дальше онъ не могъ говорить... Онъ смотрѣлъ только неподвижнымъ немигающимъ взглядомъ на дуло пистолета и еще плотнѣй прижался спиной къ стѣнѣ.

Потомъ онъ воскликнулъ:

— Заступница Царица Небесная! Спаси и помилуй...

Это былъ какой-то совсѣмъ истерическій возгласъ... Слезы слышались въ немъ.

Пожарскій не отводилъ пистолета отъ его груди.

Только на секунду, услышавъ неожиданно русскую рѣчь, онъ почувствовалъ себя сбитымъ съ толку.

— Значитъ, ты нашъ?—сказалъ онъ, глядя съ недоумѣніемъ на сторожа.

— Боярина Салтыкова человѣкъ,—отвѣтилъ сторожъ.— Батюшка!

— Ну?

— Не губи занапрасно...

— А зачѣмъ на тебѣ кунтушъ?

— Бояринъ велѣлъ одѣть... Развѣ наша воля! У него вся дворня...

Но онъ не могъ говорить спокойно. Все время онъ былъ блѣденъ. На лбу выступили капли пота. Онъ умолкъ.

Пожарскій положилъ пистолетъ на столъ.

— Ну, говори?

— Про что?

— Это чей домъ?

— Бoярина Салтыкова.

— Такъ... И значитъ бояринъ велѣлъ вамъ всѣмъ одѣваться по-польски?

— Всѣмъ...

— А ты можешь вывести насъ отсюда, чтобы никто не видѣлъ?.. Много васъ при домѣ?

— Всѣхъ-то? Всѣхъ человѣкъ пятьдесятъ.

— Можешь вывести?..

Пожарскій снова взялъ пистолетъ въ руку.

— Такъ и вдавлю въ стѣну. Говори, можешь или нѣтъ?

— Могу, ежели...

Онъ закрылъ глаза и сейчасъ-же опять открылъ ихъ. Но жутко ему было видѣть черное око пистолета.

Онъ молчалъ.

— Говори... Гдѣ хозяинъ?

— Должно спятъ,—произнесъ онъ черезъ силу, опять переставъ мигать и не отводя глазъ отъ пистолета.—Вчерась пиръ былъ.

— А, пиръ!

— Двое хорунжихъ было у боярина.

— Поляки?

— Поляки.

— Ушли?

— Не, ночевать остались. Батюшка, да спрячь ты пистоль. Вотъ тебѣ крестъ: развѣ я по своей охотѣ?

— А монашка кто пыталъ?—сказалъ подходя Силычъ.

— Не я!

— А кто?—спросилъ Пожарскій.

— Хорунжіе. Доѣзжачій—Яшка на колѣнки палъ, чтобы только отступились: его было приставили...

— Къ монашку?

— Да.

Силычъ обернулся къ монашку, сидѣвшему теперь на полу посреди комнаты и завязывавшему тряпицей обожженныя ноги: его пытали огнемъ, держали подвѣшеннымъ на веревкахъ надъ горячими углями.

— Тебя поляки и жгли?—спросилъ у него Силычъ.

— Они.

— А этотъ?

— Этотъ нѣтъ.

— Я еще вина ему далъ!—всхлипывающимъ голосомъ воскликнулъ сторожъ.

— Правда?—опять спросилъ Силычъ монашка.

— Правда...

— Говорю же, пиръ у насъ былъ. И меня сюда прислали. Велѣли, чтобы сидѣлъ за дверью,—а онъ стонетъ. Развѣ я звѣрь? Спросите у него.

Монашекъ съ трудомъ поднялся на ноги. Лицо у него исказилось отъ боли. Онъ однако пересилилъ боль, подошелъ къ столу и сѣлъ на край скамьи.

— Вотъ спросите!—тѣмъ-же всхлипывающимъ голосомъ и со слезами на глазахъ сказалъ сторожъ.

Князь Дмитрій посмотрѣлъ на монашка.

— Значитъ, пили вмѣстѣ?

— Онъ мнѣ давалъ.

— А еще что?—заторопился сторожъ,—нѣтъ, ты скажи еще что было! Я вотъ сейчасъ плачу и тогда плакалъ, потому что знаю: замучаютъ. Хотѣлъ было вмѣстѣ сбѣжать, а у него ноги въ волдыряхъ, стать нельзя.

Все морщась отъ боли, монашекъ сказалъ:

— Вѣрно тоже и это.

— Ну вотъ что,—заговорилъ Пожарскій,—я тебя велю развязать. Будешь намъ служить?

— Батюшка!

— Будешь?

— Хоть въ воду!.. Было бы за что!

IX.

Боярина Салтыкова хорошо знала вся Москва и вся Россія.

Это именно онъ вмѣстѣ съ нѣсколькими другими боярами явился къ польскому королю Сигизмунду съ униженной просьбой о томъ, чтобы Сигизмундъ согласился на избраніе его сына Владислава русскимъ царемъ.

Посольство Салтыкова выдавало себя передъ Сигизмундомъ уполномоченными отъ всей русской земли. Именно въ этомъ духѣ составлена была грамота, поданная Салтыковымъ королю.

Король понималъ, конечно, что Салтыковъ съ товарищами дѣйствуетъ по личному почину, а не какъ посланцы цѣлаго большого государства. Онъ однако поспѣшилъ признать самозванное посольство за истинныхъ представителей сосѣдней державы.

Это было какъ разъ въ его выгодахъ.

Согласіе на избраніе Владислава русскимъ царемъ было имъ дано. Въ Москву якобы для охраны ея отъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ былъ посланъ гетманъ Жолкѣвскій съ отрядомъ короннаго войска.

Затѣмъ русскіе люди всякаго чина и званія присягнули на вѣрность Владиславу.

Владислава поминали на эктеніи и величали царемъ всея Руси.

Россія ждала, что Владиславъ приметъ православіе сейчасъ-же, какъ только будетъ провозглашенъ царемъ, и немедленно переселится на жительство въ московскій кремль.

Владиславъ однако въ Москву не ѣхалъ и ничего не было слышно о томъ, чтобы онъ принялъ православіе.

Въ Москвѣ начался ропотъ.

Въ отсутствіе новоизбраннаго царя Москвой и царствомъ правила боярская дума, состоявшая главнымъ обра-

зомъ изъ бояръ, благодаря стараніямъ которыхъ русскій царскій престолъ остался за польскимъ королевичемъ.

Русскій народъ не любилъ и не хотѣлъ этой думы. А всего больше русскіе люди не любили боярина Салтыкова, главнаго виновника создавшагося положенія.

Въ думѣ Салтыковъ былъ первое лицо. Шелъ слухъ будто онъ совсѣмъ передался Сигизмунду и хлопочетъ о совершенномъ сліяніи Польши съ Россіей подъ скипетромъ уже не Владислава, а его отца, самого польскаго короля Сигизмунда.

Какъ бы въ подтвержденіе этому слуху въ боярской думѣ стали получаться изъ Польши указы подписанные не новоизбраннымъ царемъ, не королевичемъ Владиславомъ, а Сигизмундомъ.

Королевичъ понемногу уходилъ въ тѣнь, а на первое мѣсто выступалъ король. Распоряжался страной не ея только что избранный царь, а чужой король.

Ропотъ въ Москвѣ усилился.

Многіе изъ думныхъ бояръ, до сихъ поръ преданныхъ Салтыкову, обратились къ гетману Жолкѣевскому занимавшему съ своимъ войскомъ кремль, съ просьбой выяснить имъ какъ должно понимать долгое отсутствіе Владислава и эти указы скрѣпленные королевской подписью.

Жолкѣевскій рѣшилъ ѣхать къ королю для личныхъ объясненій.

Но изъ этого его путешествія никакого толка не вышло.

Жолкѣевскій былъ умный человѣкъ, зналъ уже Россію и русскій народъ и понималъ, что никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ этотъ народъ не пожелаетъ итти добровольно подъ руку чужеземнаго короля.

Совсѣмъ по-иному думалъ король и окружавшіе его. Полякамъ казалось, что теперь самый удобный моментъ окончательно завладѣть Россіей, провозгласивъ польскаго короля вмѣстѣ съ тѣмъ и царемъ русскимъ.

Какъ ни убѣждалъ Жолкѣевскій польскую знать въ не-

обходимости отпустить королевича въ Москву,—его никто не хотѣлъ слушать.

Разгромленная изъ конца въ конецъ полчищами самозванцевъ, неимѣющая ни войска, ни правительства Россія казалась полякамъ совершенно обезсиленной и потому неспособной на какой-либо серьезный отпоръ.

Въ Польшѣ знали отлично, что, явившись незадолго передъ тѣмъ къ королю, салтыковское посольство не было на самомъ дѣлѣ посольствомъ «всея Руси»—и тѣмъ не менѣе достаточно было появиться подъ Москвой Жолкѣевскому съ сравнительно небольшимъ отрядомъ, чтобы Владиславъ былъ всенародно избранъ русскимъ царемъ.

Могущественной польской аристократіи казалось, что первый шагъ къ сліянію ихъ государствъ уже сдѣланъ: ни одного изъ указовъ, посланныхъ королемъ въ Москву и его именемъ подписаннымъ, боярская дума не рѣшилась не исполнить.

Русскія дѣла польская знать мѣрила на свой аршинъ. Страной въ Польшѣ собственно правилъ не король, а именно сама эта знать и дворянство. Народъ только шелъ за знатью, куда ему прикажутъ.

Также поляки судили и о Россіи: если русская боярская дума покорно исполняетъ королевскія приказанія, то нечего спрашиваться у всей страны, у всего народа, согласенъ ли онъ тоже исполнять эти приказанія или нѣтъ. Имъ казалось достаточнымъ имѣть на своей сторонѣ только одну эту боярскую думу съ Салтыковымъ во главѣ, чтобы помыкать какъ хотятъ всѣмъ народомъ.

Жолкѣевскій на этотъ счетъ былъ какъ-разъ обратнаго мнѣнія.

Онъ доказывалъ, ссылаясь на свое близкое знакомство съ Москвой и Россіей, что русскій народъ привыкъ издавна считать своей главой не аристократію, не боярство, а всенародно избраннаго царя, что онъ послушенъ передъ боярской думой только до поры до времени—пока не убѣ-

дится окончательно въ томъ, что Владиславъ царемъ на Москвѣ никогда не будетъ.

Польская знать за это готова была обвинить Жолкѣевскаго чуть ли не въ измѣнѣ и въ концѣ-концовъ ему пришлось совершенно устраниться отъ дѣлъ.

Въ Москву онъ уже не вернулся

Полякамъ казалось теперь, что миссія Жолкѣевскаго выполнена—Москва занята короннымъ польскимъ войскомъ и больше тамъ дѣлать ему нечего.

При польскомъ дворѣ вѣрили больше чѣмъ въ Жолкѣевскаго въ изворотливость и ловкость нѣсколькихъ бояръ, преданныхъ беззавѣтно польской коронѣ.

Незадолго до пріѣзда Жолкѣевскаго на родину, изъ Москвы къ королю явилось именитое посольство. Во главѣ посольства были кн. Голицынъ и Филаретъ Романовъ. Посольство было отправлено по настоянію Салтыкова, имѣвшаго передъ тѣмъ тайное объясненіе съ Жолкѣевскимъ.

Салтыковъ увѣрялъ Жолкѣевскаго, что въ Москвѣ уже начинаютъ говорить объ избраніи на царство вмѣсто Владислава кого-нибудь изъ Романовыхъ или Голицыныхъ.

Чтобы избавиться отъ опасныхъ соперниковъ, и было придумано это посольство. Король принялъ московскихъ посланцевъ очень непривѣтливо и велѣлъ держать ихъ подъ карауломъ какъ заложниковъ.

Поляки оцѣнили какъ слѣдуетъ этотъ ловкій маневръ Салтыкова, дѣйствовавшаго, правда, сообща съ Жолкѣевскимъ, но по плану имъ самимъ выработанному.

X.

Когда князь Дмитрій узналъ, что онъ находится въ домѣ Салтыкова, онъ сгоряча тутъ же рѣшилъ было арестовать его, увести черезъ подземелье и, переправивъ за рѣку, отослать подъ карауломъ въ Троицкую обитель.

Ненавидѣлъ онъ Салтыкова такъ же, какъ ненавидѣла его вся Москва. Ему было извѣстно, что недавнее посольство Филарета и кн. Голицына къ польскому королю было надумано Салтыковымъ. И Филаретъ, и Голицынъ и всѣ другіе бояре, отправившіеся съ ними въ Польшу, требовали у короля прежде всего, чтобы его королевское слово было нерушимо и свято.

Разъ король обѣщалъ на царство своего сына, это обѣщаніе онъ долженъ былъ сдержать.

Выходило какъ будто такъ, что Салтыковъ этимъ посольствомъ хотѣлъ сдѣлать, чего желала Москва. Москва, присягнувшая Владиславу, желала его видѣть у себя въ царскомъ дворцѣ на царскомъ престолѣ.

Москва мирилась съ тѣмъ, что ея новоизбранный царь иноземецъ; она ставила Владиславу лишь одно условіе: пусть онъ приметъ православную вѣру.

Громче всѣхъ объ этомъ говорили именно Филаретъ и Голицыны.

Если кому можно было поручить переговоры по этому поводу, такъ именно имъ.

И именно они и были по настоянію Салтыкова посланы къ Сигизмунду.

Съ внѣшней стороны все обстояло какъ нельзя лучше. Москва была увѣрена, что ни Филаретъ ни Голицынъ ихъ не выдадутъ и на польскую сторону не перейдутъ.

Упрекнуть Салтыкова было не въ чемъ.

И тѣмъ не менѣе этимъ посольствомъ Салтыковъ только сыгралъ въ руку полякамъ... Король, какъ было уже сказано, держалъ при себѣ московскихъ посланцевъ въ качествѣ заложниковъ... Они ему теперь уже не были опасны.

А Москва, лишившись ихъ, лишилась двухъ смѣлыхъ голосовъ призывавшихъ и короля и боярскую думу вспомнить перваго о данномъ имъ словѣ и вторую о томъ, что Москва цѣловала крестъ не Сигизмунду, а Владиславу.

Если бы у Пожарскаго было немного побольше людей, онъ вѣроятно не сталъ бы долго раздумывать и не пожалѣлъ бы своей головы.

Но нельзя было итти самъ-пятъ на цѣлую дворню. Приэтомъ на помощь Салтыкову могли бы прибѣжать поляки.

Оставалось значитъ одно: уйти незамѣтно, выбраться изъ салтыковскаго дома въ городъ, если это было возможно или отступить черезъ подземелье, если всѣ выходы изъ дома окажутся за крѣпкими караулами.

Но парень, карауливщій несчастнаго монашка, утверждалъ, что сейчасъ и самъ Салтыковъ и его гости и вся дворня, вѣроятно, еще спятъ послѣ вчерашняго пиршества,

У Пожарскаго мелькнула мысль кинуться на сонныхъ. перевязать, ворваться въ домъ къ Салтыкову и затѣмъ дѣйствовать, какъ покажутъ обстоятельства.

Но нельзя было бросить салтыковскаго узника, этого монашка. Зачѣмъ онъ понадобился Салтыкову?

Несомнѣнно, здѣсь въ застѣнкѣ съ него снимали допросъ... И несомнѣнно Салтыковъ считалъ его для себя очень опаснымъ человѣкомъ, если приковалъ его цѣпью къ стѣнѣ.

Монашка слѣдовало увести оттуда во что бы то ни стало, чтобы потомъ на свободѣ обо всемъ подробно разспросить.

Планъ нападенія на дворню и на боярскій дворъ приходилось значитъ бросить и уходить отсюда пока не поздно, положившись на смѣтливость и расторопность новаго неожиданнаго союзника Яшки Безпалаго.

Парня, карауливщаго монашка, звали Яшкой Безпалымъ.

Когда его развязали, онъ припалъ къ ногамъ Симона и попрежнему всхлипывая сталъ причитать:

— Отпусти ты мой грѣхъ! Я-ль тутъ виноватъ... Ты ближе къ Богу—тебѣ и кланяюсь... Вотъ тебѣ, вотъ...

И три раза подъ рядъ стукнулъ лбомъ въ землю.

Потомъ онъ вскочилъ, сбросилъ съ себя кунтушъ и воскликнулъ:

— Былъ я Яшка Безпалый—Яшкой и буду! Тьфу!

Плюнулъ на кунтушъ и растеръ ногою.

— Нашъ, значитъ теперь,—сказалъ Силычъ.

Онъ порывисто къ нему повернулся и воскликнулъ:

— Вашъ! Горло перегрызу... Какъ песъ... Только покажи на кого.

— А пистоля испугался...

Онъ не понялъ сразу.

— Чего?

— Пистоля.

Но онъ отрицательно затрясъ головой.

— Не!

— Какъ не испугался: видѣлъ. Сидѣлъ какъ мертвый...

— Потому свой,—сказалъ онъ.

— Какъ свой?..

— А такъ: вижу нашъ, московскій, а полякъ, вотъ тебѣ крестъ...

Онъ перекрестился.

— Поляки не испугали бы?

— Не...

Злое, почти свирѣпое стало у него лицо. Онъ скрипнулъ зубами и повторилъ опять:

— Не! Поляка-то, да я бы...

— А что бы ты съ нимъ сдѣлалъ?

Онъ не слышалъ этого вопроса, застучалъ кулакомъ въ грудь и заговорилъ задыхающимся голосомъ:

— Потому къ поляку злоба... сердце горитъ... Какой тутъ страхъ... Понимаешь, ну? А то вижу: свой... Вотъ что... Вѣдь грѣхъ это... А ты скажи: развѣ не грѣхъ?.. Какъ на страшномъ судѣ... А теперь только скажи. Крикни только: Яшка Безпалый, ату его! Тогда увидишь... Ужъ на что лютъ нашъ-то — во какъ: горло переѣмъ.

XI.

Яшка Безпалый оказался и не трусъ и очень расторопный парень.

Сначала онъ одинъ отправился на развѣдки; все высмотрѣлъ и возвратился съ добрымъ извѣстіемъ: въ домѣ всѣ спали за исключеніемъ двухъ дровоколовъ, истопника и того самаго доѣзжачаго, который на колѣняхъ умолялъ Салтыкова избавить его отъ обязательствъ пытать монашка.

Дровоколъ и истопникъ были заняты своимъ дѣломъ: первый кололъ подъ сараемъ дрова, а второй таскалъ ихъ на поварню.

Про доѣзжачаго Яшка Безпалый узналъ, что его за ослушаніе посадили въ пустую картофельную яму, гдѣ разумѣется спать было невозможно по причинѣ холода.

Видѣлся Яшка и съ этимъ доѣзжачимъ, объявилъ ему, что самъ онъ, Яшка Безпалый, Салтыковымъ больше не слуга, уходитъ изъ ихняго дома и звалъ съ собой и его тоже въ бѣга.

Доѣзжачій не колеблясь согласился, съ помощью Яшки выбрался изъ ямы, захватилъ изъ людской пару пистолетовъ, и потомъ они вдвоемъ связали подъ сараемъ и дровоколовъ и истопника.

Затѣмъ Яшка побѣжалъ въ застѣнокъ, а доѣзжачій подперъ коломъ дверь людской, гдѣ спала дворня, и занялъ позицію у садовой калитки, поджидая здѣсь Яшку.

Изъ застѣнка Яшка вывелъ князя Дмитрія и его небольшую дружину на задній дворъ и отсюда мимо сараевъ и конюшенъ провелъ до садовой калитки.

Спустя полчаса Пожарскій былъ ужъ въ полной безопасности.

На столѣ передъ нимъ стоялъ зеленый кувшинъ съ узкимъ горлышкомъ и серебряная чарка. Попивая изъ этой

чарки, онъ разспрашивалъ освобожденнаго имъ изъ салтыковскаго застѣнка монашка.

Князь Дмитрій теперь находился дѣйствительно въ надежномъ мѣстѣ: въ Срѣтенскомъ монастырѣ — въ кельѣ игумена этого монастыря, Досифея.

При допросѣ монашка присутствовалъ и самъ Досифей, круглолицый румяный монахъ съ черной окладистой бородой.

Монашекъ объяснилъ, что поляки, тѣ самые, что ночевали у Салтыкова, хотѣли запытать его до смерти и запытали бы навѣрное, если бы съ поварни не прибѣжалъ мальчишка и не объявилъ, что готово какое-то заказанное поляками блюдо.

Тогда они его бросили и ушли вмѣстѣ съ Салтыковымъ.

Съ этого онъ началъ свой разсказъ, все время нагибаясь и хватаясь за подошвы обмотанныхъ тряпицами ногъ.

— Что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ, — сказалъ Досифей.—А ты разскажи намъ, за что они хотѣли тебя запытать до смерти?.. Ты изъ какого монастыря?

— Самъ-то я ярославскій,— отвѣтилъ монашекъ.— Изъ тамошняго монастыря.

— А въ Москвѣ зачѣмъ?..

— Посадскій здѣсь у меня одинъ, двоюродный дядя.

— Ну?..

— А у посадскаго тоже родственикъ: келейникъ былъ при патріархѣ.

— Вона что, — сказалъ значительно Досифей и съ большимъ вниманіемъ посмотрѣлъ на монашка.

Невзраченъ онъ былъ на видъ, этотъ монахъ—узкогрудый, съ желтымъ лицомъ, съ тонкой длинной шеей, въ засаленномъ подрясникѣ, подпоясанномъ обыкновеннымъ сыромятнымъ, даже не черненымъ ремнемъ.

— Вона,— повторилъ Досифей.—Ну?

Пожарскій подсунулъ монашку чарку.

— Выпей...

Тотъ пригубилъ немного, облизнулъ блѣдныя потрескавшіяся губы и продожалъ:

— Онъ мнѣ и далъ...

Произнесъ онъ эти слова почти молитвеннымъ благоговѣйнымъ шепотомъ и, тоже словно молился, поднялъ глаза вверхъ какъ на икону...

— Что далъ?— спросилъ Пожарскій.

Не глядя на него, не сводя глаза съ того мѣста, куда онъ смотрѣлъ, и храня на лицѣ прежнее молитвенное выраженіе, монашекъ отвѣтилъ:

— Листъ...

И остановилъ теперь глаза на Досифеѣ.

Должно быть, Досифей понялъ про что онъ говорилъ... На его румяномъ лицѣ какъ въ зеркалѣ отразилось то самое молитвенное выраженіе, которое горѣло тихимъ свѣтомъ въ лицѣ монашка.

Онъ наклонилъ голову и произнесъ тихо:

— Знаю...

— Отъ *него* листъ,— сказалъ монашекъ...—*Его* рукой писано... Отъ патріарха. Говоритъ: пойдешь домой — гдѣ бы ни проходилъ, всюду показывай.

— Значитъ, съ этимъ листомъ и попалъ?

— Не съ листомъ,—отвѣтилъ монашекъ, отрицательно мотнувъ головой.—Говоритъ мнѣ келейникъ: въ Вербное воскресенье хотятъ ляхи напасть на народъ на площади.

Пожарскій вопросительно быстро взглянулъ на Досифея:

— Вѣрно,—сказалъ Досифей,— ты, князь, погоди; все разскажу.

И опять обратился къ монашку:

— Ну?

— И пошелъ я на базаръ и тамъ сталъ разсказывать про это, и пошелъ по посаду и тоже разсказывалъ и такъ до стѣны дошелъ—и тутъ меня схватили.

— Поляки?

Монашекъ наклонилъ голову.

— Эти самые... хорунжіе... Одинъ кричитъ: на караульню, а другой: зачѣмъ на караульню, идемъ Солтысю... Я думалъ, какой такой Солтысь? Солтысь—это полякъ. Анъ вышелъ Солтысь —Салтыковъ бояринъ. По нашему Салтыковъ, а по ихнему Солтысь... И тутъ меня обыскали и нашли листъ. Салтыковъ кричитъ: «отперетъ подвалъ!» А отъ подвала ключа нѣтъ. Замокъ сломали... Домъ то этотъ не его, а достался ему отъ тетки... И должно, былъ тамъ когда-нибудь застѣнокъ былъ: въ стѣнѣ кольцо нашли съ цѣпью и колодки. Кликнули доѣзжачаго, и точно палъ онъ на колѣнки, говоритъ: «вьюношу такого и при томъ въ ангельскомъ чинѣ не стану мучить!»

— Погоди, погоди, — остановилъ его Пожарскій: — ты говоришь, подвалъ былъ на замкѣ, а ключа не нашли.

— Не нашли... Яшка Безпалый сказывалъ — и тетка его еще никогда подвалъ не открывала.

— Почему?

— Будто тамъ теткинъ еще отецъ запыталъ кого-то до смерти и будто тамъ этого, котораго запытали, и похоронили... И онъ по ночамъ изъ могилы выходитъ.

— Господи Іисусе Христе, — произнесъ Досифей и перекрестился.

А монашекъ продолжалъ:

— И будто просилъ Салтыкова, тоже пріятель его, и польскій переметчикъ Молчановъ: «Отопри подвалъ; мнѣ нужно тамъ прочитать по черной книгѣ—и тогда выйдетъ ко мнѣ покойникъ и скажетъ все, что ни спрошу»... И онъ не согласился.

Монашекъ умолкъ.

— Слыхалъ я про этого Молчанова, — сказалъ Пожарскій, отхлебнувъ изъ чарки.—Отецъ Досифей!

— А?

— А это правда?

Отецъ Досифей смотрѣлъ внизъ на край стола и барабанилъ по столу пальцами. Потомъ онъ вскинулъ глаза на Пожарскаго.

— Что правда?

— Будто онъ чернокнижникъ?

— Молчановъ?

— Да...

— Говорятъ, чернокнижникъ. Какъ ѣздилъ съ Салтыковымъ на поклонъ къ королю насчетъ Владислава, говорятъ, оттуда и книги привезъ... Магикъ...

— Магикъ? — тихо проговорилъ Пожарскій опасливо поглядѣвъ въ лицо Досифею. Значенія этого слова онъ не зналъ.

Но и Досифей не могъ объяснить ему, что значитъ магикъ. Онъ только сплюнулъ на сторону:

— Тьфу!

И перекрестилъ быстро ротъ.

— Спаси насъ Господь отъ всякой скверны!

Оба замолчали.

Потомъ Досифей взмахнулъ руками вверхъ и воскликнулъ, ударивъ обѣими ладонями по столу:

— А не будетъ же по-ихнему! Не будетъ у насъ ляхъ на престолѣ...

— А этотъ Молчановъ тутъ?—спросилъ Пожарскій.

— Тутъ! Всѣ они тутъ, которые Владислава вымолили... Всѣмъ въ думѣ вертятъ...

Снаружи раздался стукъ въ дверь и потомъ оттуда изъ-за двери донесся знакомый Пожарскому голосъ:

— Во имя Отца и Сына...

— Аминь,—сказалъ громко Досифей.

Вошелъ Симонъ-ключникъ.

Онъ принялъ благословеніе отъ Досифея и обратился къ Пожарскому:

— Наши, князь, тебя просятъ... Сейчасъ всѣ пособрались...

Отецъ Досифей всталъ изъ-за стола и, возвращаясь къ прежней своей мысли, крикнулъ:

— Нѣтъ, не быть имъ на престолѣ—ни Владиславу ни Сигизмунду!

XII.

Въ большой монастырской трапезной было людно.

Больше сотни человѣкъ собралось здѣсь. Поминутно отворялась дверь и входили все новые люди, молодые, въ зрѣлыхъ лѣтахъ, пожилые и совсѣмъ старые.

Сквозь толстыя стѣны глухо доносился благовѣстъ: въ монастырѣ звонили къ обѣднѣ.

Трапезная была полна шороха ногъ. Люди, собравшіеся здѣсь, сходились кучками, опять расходились, подходили къ большому образу, передъ которымъ горѣла серебряная на серебряныхъ же цѣпяхъ лампада, опускались передъ образомъ на колѣни и клали поклоны.

Слѣва отъ образа на столѣ, накрытомъ бѣлой скатертью, стояло чеканной работы серебряное блюдо.

Многіе, положивъ поклоны передъ иконой, подходили потомъ къ столу, вынимали изъ каркановъ деньги и клали ихъ на блюдо.

Иные высыпали цѣлыя пригоршни...

На блюдѣ собралась уже порядочная куча монетъ, золотыхъ и серебряныхъ.

У входа въ трапезную стоялъ монахъ, одни изъ входившихъ въ трапезную проходили прямо къ образу, другіе спрашивали у монаха:

— Гдѣ принимаютъ?

— У образа,—отвѣчалъ монахъ.

Въ разныхъ мѣстахъ въ полголоса шелъ говоръ.

Говорили про патріарха, котораго взяли подъ стражу, про то, что поляки замышляютъ сдѣлать нападеніе на народъ во время крестнаго хода въ Вербное воскресенье.

Возмущались поведеніемъ думныхъ бояръ, позволившихъ полякамъ арестовать патріарха.

Многіе интересовались знать будетъ ли участвовать патріархъ на Вербное воскресеніе въ крестномъ ходѣ и кто въ этомъ торжествѣ замѣнитъ царя.

Слышались вздохи.

Уже побывавшіе у образа опять возвращались къ нему, опускались на колѣни и молились горячо со слезами на глазахъ, истово крестясь и кланяясь.

Съ шорохомъ ногъ, со вздохами, съ разговорами вполголоса смѣшивались шопотъ молитвы, иногда очень громкій, разносившейся по всей трапезной, впивавшейся въ сердца какъ капли огненныхъ слезъ.

Хмурились брови, мрачнымъ огнемъ загорались глаза.

Молились у образа:

— Будь намъ заступникомъ. Не дай на посрамленіе еретикамъ и богоотступникамъ...

— Ужъ погоди!—говорили тамъ и тутъ. Сжимались кулаки, зловѣще блестѣли глаза.—Ужъ погоди, дай только добраться...

И опять кто-нибудь шелъ къ образу ни на кого не глядя, а глядя только на образъ и шепча на ходу слова молитвы горячей, какъ огненныя слезы.

И падалъ передъ образомъ на колѣни.

Были тутъ и Ѳедоръ, и Силычъ, и Яшка Безпалый.

Ѳедоръ какъ подошелъ къ образу и опустился передъ нимъ на колѣни, такъ и не вставалъ съ колѣнъ...

Переходя отъ кучки къ кучкѣ, Силычъ убѣдился скоро, что въ трапезной собрались главнымъ образомъ люди, съ которыми Пожарскій хотѣлъ выступить противъ поляковъ.

Кое-кого онъ зналъ уже, и узналъ теперь, что въ монастырь подъ видомъ богомольцевъ ежедневно прибываютъ по двадцать, по десять человѣкъ...

Онъ спросилъ про оружіе: хватитъ-ли?

Ему отвѣтили:

— Хватитъ... Кузница вѣдь своя.

— Гдѣ?

— А тутъ... Монастырская...

— Сами дѣлаютъ?

— Сами .. Монахи... а кромѣ того на сторонѣ закуплено...

— На жертвенныя деньги?

— А то какъ же...

— Пронюхаютъ...

— А что пронюхаютъ? На монастырь жертвуютъ... Это вѣдь тутъ, которые самые надежные... а то еще въ церкви собираютъ. И тамъ даютъ.

— Говорятъ (сейчасъ вотъ слышалъ), фитилей въ кремлѣ такъ и не тушатъ около пушекъ. Поди, догадываются?

— Пугаютъ... Чей это съ тобой старичокъ?

— А Өедоръ... Можетъ слышалъ, рыбакъ Өедоръ?

— Охъ Господи, Господи... Что-то будетъ?.. Юродивый, въ Бѣломъ городѣ Богъ его знаетъ откуда взялся... Этакій вотъ маленькій, горбатенькій. Голосокъ тоненькій. Ходитъ по грязи. Скоро, говоритъ, кровь мѣсить ногами будемъ. Иванушкой звать... Ты не слыхалъ?

Силычъ сталъ разспрашивать про Иванушку. Слыхать про него онъ ничего не слыхалъ.

Знакомецъ Силыча про Иванушку слышалъ уже не однажды, но видѣть ему его не привелось.

— А я видѣлъ,—сказалъ около нихъ человѣкъ съ русой курчавой бородой,—какъ цыпленокъ: шейка тоненькая, голосокъ тоненькій, а на спинѣ горбъ... А самъ маленькій-маленькій... А во: чуть что не въ поясъ мнѣ будетъ... Это точно: топчется въ грязи, а самъ приговариваетъ: «кровушка, кровушка»...

— Спаси насъ и помилуй,—донесся отъ образа громкій, жаркій, оторвавшійся отъ самаго сердца шопотъ.

Подошелъ къ Силычу другой его знакомецъ, съ нимъ вмѣстѣ нѣсколько дней тому назадъ доставившій сюда въ

монастырь по порученію Пожарскаго пять пудовъ свинца.

— Сейчасъ Молчановъ подходилъ,—сказалъ онъ вполголоса...

— Который?

— А этотъ, которому патріархъ благословенія не далъ: чернокнижникъ.

— А куда подходилъ?

— Къ монастырю... Не пустили.

— Не пустили?

— Нѣтъ. Онъ было: «Какъ? почему?» А монахъ, который у воротъ сейчасъ: «Да воскреснетъ Богъ», а самъ подворотню въ руки... Онъ и отступился. Подворотня-то желѣзная.

— Извѣстно желѣзная... А ты самъ что-ль видѣлъ? Тамъ былъ?

— Какъ же! Я иду, и онъ идетъ. Онъ спереди, я сзади... Думаю: ляхъ, а въ нашу церковь идетъ. По-польски одѣтъ и бороды нѣтъ.

— Одинъ?

— То-то одинъ... не боится. И думалъ было я его сзади за рукава, а тутъ этотъ монахъ...

— И какъ сказалъ: «Воскреснетъ Богъ», такъ и отошелъ?

— Въ ту-же минуту.

XIII.

То, чѣмъ интересовались, что обсуждали и о чемъ горячо спорили люди, собиравшіеся почти ежедневно въ трапезной Срѣтенскаго монастыря, волновало и всю Москву...

Слухъ о готовящемся бунтѣ съ каждымъ днемъ крѣпъ.

Не было еще названо ни одного имени. О Пожарскомъ пока знали только въ Срѣтенскомъ монастырѣ.

Но всѣ какъ-то чутьемъ угадывали, что кто-то что-то

дѣлаетъ въ Москвѣ, куетъ гдѣ-то въ тайнѣ сѣкиру, которая рано или поздно упадетъ на головы поляковъ.

Въ глухихъ переулкахъ появлялись по двое, по трое вооруженные люди, не поляки, а свои—москвичи и не то поджидали кого-то, не то искали.

По ночамъ раздавались крики и пистолетные выстрѣлы... Сверкали факелы и въ двери и окна обывателей, озаренные свѣтомъ этихъ факеловъ, стучались рукоятями сабель и прикладами мушкетовъ конные польскіе дозорные.

Когда дозорнымъ отпирали двери, они принимались шарить всюду, гдѣ можно было спрятаться: въ подвалахъ, на чердакахъ, въ подпольяхъ.

И уходили съ проклятіями и бранью.

А на утро оказывалось, что былъ неизвѣстными людьми убитъ въ глухомъ переулкѣ какой-нибудь заблудившійся или запоздавшій польскій солдатъ или офицеръ.

И непремѣнно на мѣстѣ убійства появлялся юродивый Иванушка и, плеща въ ладоши, начиналъ приплясывать, подпѣвая:

— «Кровушка! Кровушка!»

Во многихъ церквахъ и монастыряхъ во время обѣдни собирали «на погибель врага и супостата». И всѣ догадывались кого нужно подразумѣвать подъ именемъ врага и супостата.

И не скупились класть на тарелку или въ бисеромъ шитый мѣшочекъ съ привязаннымъ къ нему колокольчикомъ золотыя и серебряныя монеты.

Объ этихъ сборахъ по церквамъ «на погибель врага и супостата» стало сначала извѣстно польскимъ доброхотамъ, Салтыкову и его товарищамъ, а потомъ черезъ нихъ и полякамъ.

Но ничего нельзя было сдѣлать. Нельзя было запретить сборъ денегъ съ міранъ «на погибель врага и супостата».

Врагами и супостатами открыто поляковъ еще не называлъ никто.

Когда польскіе доброхоты дознавались, кто это врагъ и супостатъ, смиренный попикъ какой-нибудь ветхой, вросшей въ землю церковки отвѣчалъ смиренно:

— Самозванецъ, говорятъ, новый объявился.

Дошелъ до поляковъ глухой слухъ, будто въ нѣсколькихъ московскихъ и пригородныхъ монастыряхъ на монастырскомъ иждивеніи живетъ много пришлаго народа, совсѣмъ непохожаго на богомольцевъ.

Но и здѣсь тоже ничего сдѣлать было нельзя, ибо нельзя было запретить монастырямъ давать пріютъ «страннымъ» людямъ.

И поляки и московскіе жители догадывались, что скоро что-то будетъ. Но ни сборщики «на погибель», ни «странные» люди пріютившіеся въ монастыряхъ ни передъ кѣмъ «не развязывали языка».

Иногда среди ночи вдругъ раздавался набатъ.

Жители выскакивали изъ домовъ или бѣжали къ разнымъ потаеннымъ мѣстамъ, гдѣ было припрятано оружіе — и у каждаго въ мозгу билась одна мысль:

— Началось...

И если оказывалось, что набатъ просто возвѣщаетъ пожаръ, долго этому не вѣрили, не уходили съ улицы и, глядя на зарево пожара, прислушивались къ крикамъ несшимся оттуда.

И опять каждый думалъ:

— Началось...

XIV.

Когда Пожарскій вмѣстѣ съ Досифеемъ и Симономъ появились въ трапезной, ихъ тамъ не сразу замѣтили.

Больше въ трапезную ужъ никого не впускали. Переступивъ порогъ, Досифей что-то шепнулъ на ухо дежурившему у дверей монаху, а тотъ сейчасъ-же вышелъ изъ тра-

пезной, заперъ дверь и сталъ прислонившись къ ней спиною.

Всѣмъ желавшимъ пройти въ трапезную онъ говорилъ:

— Теперь никакъ нельзя: полно, стать-сѣсть негдѣ.

Въ трапезной и правда было «полно».

Пробираясь въ сплошной толпѣ къ образу, Досифей стучалъ костылемъ о каменный полъ и говорилъ густымъ басомъ:

— Посторонитесь.

За нимъ шелъ Симонъ, а за Симономъ князь Дмитрій.

Симона и Досифея рѣдко кто не зналъ въ трапезной. Пожарскаго многіе видѣли въ первый разъ.

Былъ теперь одѣтъ князь Дмитрій, какъ ему подобало: въ синій кафтанъ изъ хорошаго сукна и совсѣмъ новую ферязь.

Въ толпѣ, наполнявшей трапезную, разговоры понемногу стихли. Раздавались только отдѣльные голоса:

— Гдѣ?

— Этотъ?..

— Гляди, вонъ...

Иные, не стѣсняясь, что князь Дмитрій могъ ихъ слышать, дергали Симона за рукавъ и спрашивали:

— Отецъ клюшникъ, чей это?

Въ трапезной рѣдко появлялись бояре. А князь Дмитрій былъ въ боярской одеждѣ.

Пришелъ онъ въ трапезную къ тому же не одинъ, а въ сопровожденіи самого отца Досифея.

Силычъ и Яшка Безпалый, конечно, сейчасъ узнали князя Дмитрія.

Узнали его и многіе знакомцы Силыча, черезъ которыхъ Пожарскій сносился съ монастыремъ во время своего пребыванія въ Троицкой обители и затѣмъ въ землянкѣ у Силыча.

Но все это были люди умѣвшіе держать языкъ за зубами даже и тогда, когда повидимому нечего было таиться.

Одинъ только Яшка Безпалый, когда разглядѣлъ какъ

слѣдуетъ, сначала вытаращилъ глаза, а потомъ крикнулъ:

— Онъ!

И такъ на нѣсколько секундъ и остался съ раскрытымъ ртомъ. Онъ видѣлъ князя до сихъ поръ въ мужицкомъ платьѣ и хотя зналъ уже, что онъ не мужикъ, а князь, очень почему-то изумился увидѣвъ на немъ дорогую ферязь и выступавшій изъ-за ворота ферязи высокій стоячій обшитый серебромъ и жемчугомъ воротникъ кафтана.

Но и Яшка не могъ ничего разсказать про князя Дмитрія, тѣмъ болѣе, что онъ до сихъ поръ побаивался открыться кому-нибудь даже здѣсь среди ужъ безспорно надежныхъ людей о своемъ бѣгствѣ съ салтыковскаго двора.

Досифей подошелъ къ образу, сталъ на колѣни и то же сдѣлали Симонъ и князь. Положивъ поклоны, они поднялись и поочередно приложились къ иконѣ,—сначала Досифей, за нимъ Симонъ, потомъ Пожарскій.

Досифей былъ невысокъ ростомъ и стоявшіе въ заднихъ рядахъ видѣли только его черный клобукъ.

Но голосъ его всѣмъ былъ слышенъ.

— Братіе!—громко возгласилъ онъ и стукнулъ костылемъ объ полъ.

Стало тихо.

Досифей продолжалъ:

— Приближается часъ судный. Подъ Москву ото многихъ городовъ идутъ ополченія. Произволеніемъ Божіимъ одинъ изъ тѣхъ ополченскихъ воеводъ сейчасъ находится въ Москвѣ. Слушайтесь его и повинуйтесь. Кого Богъ невредимо провелъ сквозь станъ вражескій, на томъ благодать Его. Я, братіе, не риторъ и не далъ мнѣ Господь дара Златоуста. Простецомъ я родился, простецомъ и умру. Говорю вамъ, не нынче-завтра придется ляхамъ понюхать нашего пороху. А сколько у нашихъ воеводъ войскъ, такъ я вамъ скажу: будетъ тысячъ подъ двѣсти! Вотъ князь лучше моего знаетъ. Князь, скажи имъ...

— И поболѣ двухсотъ тысячъ будетъ,—заговорилъ князь Дмитрій,—которые раньше за самозванца стояли и тѣ къ намъ перешли... И еще идутъ, со всѣхъ концовъ идутъ... Они значитъ съ поля, а мы тутъ въ городѣ... Только надо ждать, когда гонца пришлютъ, тогда и бить.

— Бить!—раздался голосъ Яшки Безпалаго и сейчасъ-же онъ крикнулъ: «ой», потому что кто-то, стоявшій сзади него, больно схватилъ его за руку.

— А ты жди, когда кончатъ,—сказалъ ему наставительно этотъ схватившій его за руку,—жди да слушай...

Досифей застучалъ костылемъ объ полъ...

— Знай свое мѣсто,—уже шопотомъ докончилъ урезонивавшій Яшку голосъ, и все опять стихло.

— Жди моего приказа, — продолжалъ Пожарскій.—И чтобъ всѣ на чеку были. Не глядите, что у нихъ—пушки. А развѣ у насъ нѣту пушекъ? Съ башенъ поснимемъ. Э! Смѣлымъ Богъ владѣетъ. И опять-же развѣ къ намъ не пристанутъ жители? Дѣло не маленькое. Тутъ ужъ чего себя жалѣть!

— Чтобы пуху отъ нихъ не осталось!—крикнулъ неожиданно Досифей и стукнулъ костылемъ объ полъ.—Будетъ съ нихъ, накуражились. Самъ броню одѣну...

Глаза у Досифея засвѣтились злобой и ненавистью.

Въ тишинѣ водворившейся въ трапезной, когда говорилъ Пожарскій, густой басъ игумена перекатывался какъ громъ подъ гулкими сводами.

Онъ поднялъ надъ головою серебряный крестъ...

— Братія! Именемъ Честнаго Животворящаго Креста, не уступайте супостату! Биться, такъ биться на смерть. Благословляю васъ!

И сдѣлалъ крестомъ крестообразное движеніе въ воздухѣ.

XV.

Двое поляковъ сидѣли на каменномъ порогѣ передъ входомъ въ низенькую пристройку около кремлевской стѣны.

Раньше эта пристройка служила пороховымъ складомъ. Изъ опасенія, что сюда изъ города можетъ быть подведенъ подкопъ, начальникъ польскаго гарнизона, занимавшаго кремль, полковникъ Гонсевскій, приказалъ порохъ изъ пристройки перенесть въ другое мѣсто, а пристройку обратилъ въ теплушку для караульныхъ командъ, охранявшихъ всѣ входы и выходы въ кремль и смѣнявшихся черезъ каждые четыре часа.

Въ теплушкѣ устроили печь, но тамъ все-таки было и холодно и сыро.

Для караульныхъ, ожидавшихъ очереди, нашли въ концѣ-концовъ другое помѣщеніе, а теплушку превратили въ тюрьму...

Уже нѣсколько дней въ ней томился патріархъ Ермогенъ.

Была ночь.

Поляки, сидѣвшіе у входа въ теплушку, играли въ кости, поставивъ между собой фонарь.

Въ теплушкѣ было только одно небольшое окошко съ желѣзной рѣшеткой. Въ окно брезжилъ слабый свѣтъ.

— Погоди!—сказалъ одинъ изъ поляковъ, накрывъ ладонью нѣсколько мѣдныхъ и серебряныхъ монетъ, тускло блестѣвшихъ у фонаря на бѣломъ порогѣ, и поворачивая голову немного въ сторону. Проворно собралъ онъ монету въ кучку, зажалъ ихъ въ кулакъ и сталъ подыматься.

Подымаясь онъ шепнулъ своему товарищу:

— Идетъ кто-то.

Другой полякъ тоже поднялся и взялъ фонарь.

У желѣзной двери теплушки, прислоненные къ стѣнѣ. стояли ихъ мушкеты.

Они стали по ту и другую сторону двери и схватили мушкеты.

Въ темнотѣ слышались шаги и голоса, но никого не было видно.

Тотъ изъ поляковъ, который держалъ фонарь, крикнулъ:

— Стой!

Ударилъ прикладомъ мушкета о порогъ и направилъ свѣтъ фонаря въ сторону, откуда слышался говоръ и шаги.

Фонарь былъ потайной—свѣтилъ только въ одну сторону.

Но голоса и шаги не умолкали.

Свѣтъ фонаря, впившійся краснымъ лучомъ въ темноту, блеснулъ вдругъ на чемъ-то ясномъ, ударилъ во что-то красное, скользнулъ по чьимъ-то рукамъ въ бѣлыхъ съ раструбами у запястья перчаткахъ, озарилъ бѣлую портупею на чьей-то груди.

Изъ темноты прозвучалъ голосъ:

— Вѣдь я же говорилъ,—прямо на огонь такъ и придемъ...

И затѣмъ тотъ же голосъ громко крикнулъ:

— Прапоръ!

«Прапоръ» былъ пароль на нынѣшнюю ночь.

Шли значитъ свои.

Впрочемъ поляки, сторожившіе Ермогена, и безъ того хорошо знали, что въ кремлѣ никому, кромѣ какъ своимъ, хода нѣтъ.

Уже давно кремль для москвичей былъ какъ чужая крѣпость... По стѣнамъ и ночь и день ходили часовые; часовые стояли на башняхъ и у воротъ.

Проходили только тѣ, за кого ручались свои.

По воскресеньямъ, на время обѣдни, отворялись только одни ворота. Но въ эти часы добрая четверть гарнизона была подъ ружьемъ и держалась на-готовѣ съ заряженными мушкетами и съ сумками полными пороховыхъ патроновъ и пуль.

Нѣсколько пушекъ на башняхъ поворачивались жерлами внутрь кремля и у нихъ стояли пушкари съ горящими фитилями.

И самъ комендантъ Гонсевскій показывался то тамъ, то тутъ верхомъ на конѣ, окруженный многочисленной свитой, похожей однако болѣе на боевой отрядъ готовый въ любой моментъ къ дѣйствію, чѣмъ на свиту.

Всѣ гарцовавшіе вокругъ него конники были въ панцыряхъ и шлемахъ съ пистолетами и саблями.

Многіе въ правой рукѣ держали короткіе мушкеты дуломъ вверхъ и упирая прикладъ о надколѣнье.

И хотя люди Гонсевскаго были всѣ вооружены кремневыми мушкетами, нѣкоторые, вѣроятно для острастки жителей, имѣли мушкеты запальные съ зажженными фитилями...

Эти огоньки, блестѣвшіе надъ запалами, должны были вселять страхъ въ сердца воскресныхъ посѣтителей кремлевскихъ святынь.

Поляки этимъ заявляли открыто, что больше они уже не вѣрятъ здѣсь никому, даже богомольцамъ...

Когда послѣ обѣдни народъ расходился по домамъ богомольцы шепотомъ переговаривались:

— А ты глянь...

— Гдѣ?..

— А вонъ... гляди туда... вонъ верхнее окно... подъ крышей...

Робкій взглядъ устремлялся по направленію робко протянутаго пальца...

— Охъ, Господи! Прямо на церковь. Пушка это или что?..

— Пушка...

Но загорались и злобные взгляды, полные мрачной готовности мстить до конца.

Сквозь стиснутые зубы срывались грозныя слова:

— Погоди, дай и намъ срокъ...

Богомольцы расходились изъ кремля, растекаясь по

всей Москвѣ—и по всей Москвѣ огненной рѣкой вмѣстѣ съ тревогой о томъ, что принесетъ завтрашній день или сегодняшняя ночь, растекалась и бурлила глухая ненависть и злоба.

Одни, вернувшись домой, зажигали лампадки въ святыхъ углахъ, другіе прикидывали на глазъ и на руку, нельзя ли перековать кочергу или ухватъ на копье, да такъ чтобы это копье больше походило на дорожную палку, а не на копье—чтобъ можно было съ этой палкой и на улицу выйти, не обращая на себя особеннаго вниманія.

Много вдругъ стало работы у кузнецовъ; несли къ нимъ топоры и просили расковать ихъ пошире на манеръ аллебарды, а къ обуху приладить копьецо или тоже расковать и обухъ подъ маленькій топорикъ.

Пылали угли въ горнахъ, тяжко вздыхали мѣха...

И ухваты тоже шли въ дѣло, превращаясь подъ ударами молота въ острыя копейныя жала... Оковывались желѣзомъ дубины изъ цѣльныхъ молодыхъ дубковъ подрубленныхъ подъ самый корень, чтобы на концѣ такого посошка получился увѣсистый обухъ... А сквозь желѣзную оковку въ этотъ обухъ вгонялись гвозди и концы гвоздей запиливались потомъ поострѣе.

Въ каждомъ почти домѣ стояла гдѣ-нибудь въ углу эта самодѣльная булава, либо самодѣльная пика, или аллебарда.

Неказисто и неуклюже все было на видъ, да ужъ на совѣсть и крѣпко и остро, не лычкомъ связано и не изъ какого-нибудь гнилья сдѣлано.

Когда на поляковъ случались ночныя нападенія и они кидались на поиски сами не зная гдѣ искать безслѣдно скрывшагося въ ночной темнотѣ врага, въ ихъ руки попадались иногда и самодѣльныя палицы, и аллебарды, и пики...

Начинался допросъ.

— Это что?

— А дубинка, ваша милость. Голодно ноньче стало въ Москвѣ.. Вотъ подожду недѣльку—думаю либо на Донъ, либо и еще куда... Нонче вѣдь народъ какой? Хуже волка.

Сначала такихъ людей, собиравшихся на новыя мѣста, пытали и мучили по застѣнкамъ.

Но если бы пытаемые и желали повиниться, имъ не въ чемъ было виниться.

Ихъ допрашивали о складахъ пороха и оружія, о томъ не собираетъ ли кто по Москвѣ охочихъ людей въ дружины...

Объ этомъ никто ничего опредѣленнаго сказать не могъ.

Поляки скоро поняли, что они пытаютъ и допрашиваютъ, понапрасну теряя время, что нападаютъ на нихъ въ ночное время пока еще не по чьему-либо приказанію, а по личному почину, разныя отчаянныя головы, что у этихъ пока еще очень малочисленныхъ шаекъ нѣтъ общаго предводителя.

Войны еще настоящей не было. Настоящее московское войско—стрѣльцы, держалось въ сторонѣ. Стрѣлецкіе старшины говорили, что разъ они присягнули Владиславу, то за него и будутъ стоять...

Жили стрѣльцы пока мирно по своимъ домамъ, никакой службы не несли, на караулы не ходили и въ разъѣздахъ и дозорахъ не бывали.

Почти у всѣхъ у нихъ было какое-нибудь дѣло: кто занимался торговлей, кто водилъ пчелъ, кто имѣлъ огороды или сады.

Отъ мирнаго, свободнаго населенія они отличались только тѣмъ, что мирное населеніе было именно свободно, а они числились на службѣ у Владислава.

Они встали бы на поляковъ только по приказанію своихъ старшинъ и полковниковъ.

Не было еще ни одного случая, чтобы стрѣльцы въ одиночку или кучкой нападали на поляковъ.

Волновался, значитъ, пока только народъ, мирное населеніе.

Но поляки знали, что по церквамъ и монастырямъ производятся сборы на оружіе и что это оружіе въ нужный моментъ можетъ оказаться въ надежныхъ рукахъ... Что могутъ неожиданно на улицахъ появиться дружины, къ которымъ пристанетъ народъ, а за народомъ, вѣроятно, и стрѣльцы.

И они были наготовѣ.

Стрѣльцовъ устранили отъ всякой службы, предоставивъ имъ дѣлать, что хотятъ, надѣясь только на себя да на кремлевскія стѣны и пушки.

Каждый новый день приносилъ имъ тревожныя вѣсти. Казалось, цѣлая половина Россіи готова была обрушиться на нихъ...

Ополченія шли отовсюду. Полки поднявшіеся противъ Владислава нужно было считать десятками, а воиновъ десятками и сотнями тысячъ.

Нѣсколько разъ разъѣзды приводили въ кремль людей, у которыхъ послѣ обыска оказывались письма скрѣпленныя подписью патріарха.

Захваченныхъ съ письмами предавали жестокимъ пыткамъ, замучивали до смерти.

Жутко полякамъ было читать эти письма, еще жутче слушать проклятія, срывавшіяся съ губъ тѣхъ, кого они мучили въ кремлевскихъ застѣнкахъ.

Подъ низкими сводами въ неясномъ свѣтѣ оплывшей сальной свѣчи горѣли кровавымъ огнемъ накаленные докрасна клещи, трещали въ горнѣ и пылали угли.

Корчился отъ боли и скрежеталъ зубами распростертый на полу человѣкъ, шипѣла и дымилась его кровь, когда въ тѣло впивались огненные клещи. Закатывались глаза, синимъ становилось лицо, неестественно выпячивалась голая грудь, скрюченные пальцы царапали каменныя плиты и пачкали ихъ кровью, сочившейся изъ-подъ изуродованныхъ о твердый камень ногтей...

Невыносимы, нестерпимы были муки.

— Открой своихъ товарищей!

Зрачки закатившихся глазъ медленно выплывали изъ-подъ вѣкъ...

Жуткій страшныйвзглядъ... Огненное страданіе въ немъ.

Отошелъ палачъ, сунулъ клещи обратно въ горнъ въ раскаленные угли, стираетъ о подолъ кунтуша окровавленныя руки.

— Кто твои товарищи?

Съ усиліемъ разверзаются посинѣвшія губы, съ усиліемъ шевелится кончикъ языка между зубами.

Полузамученный человѣкъ хочетъ говорить...

Но въ немъ ужъ все сгорѣло, всякая сила. Въ немъ— одна мука. Одна мука горитъ какъ уголь въ его глазахъ.

Губы шевелятся не издавая звука и вдругъ стискиваются зубы и бѣлѣютъ страшно, оскаленные между синихъ губъ...

— Кончился...

— Ну-да, кончился! Глаза-то глядятъ.

Опять шевелятся губы.

— Были у тебя помощники?

— Были...

— Кто?

— Богъ...

— Кто?..

— А вы..

Высоко поднимается грудь: не хватаетъ воздуху. Полуоткрытъ ротъ.

— Погоди,—слышится его шопотъ,—передохну.

Передохнулъ, собралъ всѣ силы, зажегъ на минуту страшнымъ усиліемъ воли потухающую жизнь. И она вспыхнула въ глазахъ въ послѣдній разъ неутолимой, жуткой на этомъ лицѣ умирающаго ненавистью...

— А вы... Будьте вы всѣ прокляты!..

Ни одинъ изъ схваченныхъ съ письмами Ермогена не сказалъ отъ кого и какъ онъ получилъ эти письма.

Въ письмахъ патріархъ призывалъ весь русскій народъ встать на защиту отечества, разрѣшалъ отъ присяги данной Сигизмунду...

Иные изъ пытаемыхъ говорили:

— Что я—латинянинъ, чтобы продавать своихъ...

Поляки угадывали чутьемъ, что если бы письма были не отъ патріарха, а отъ какого угодно другого лица, хотя бы прославленнаго народнаго героя—не было бы въ пытаемыхъ такого упорства.

Они дѣйствовали по слову патріарха, человѣка по ихъ понятію призваннаго хранить Божью святость и Божью правду...

Вырвать у нихъ признаніе значило бы заставить ихъ вырвать изъ ихъ души Бога, ради котораго они страдали и которому обрекли себя...

И потому жутко было и палачамъ и судьямъ...

Они понимали, что народъ поднялся на нихъ не ради только того, чтобы свергнуть Владислава, не изъ политическихъ расчетовъ, а потому, что такъ хотѣла народная душа...

Эту душу зажегъ не искатель царскаго трона, а патріархъ, верховный Господній служитель, каждое слово котораго, какъ голосъ церковнаго колокола, зоветъ русскаго человѣка туда, куда ему укажутъ итти.

Съ письмами Ермогена попадались и монахи, и разные люди: и крестьяне, и купцы, и дворяне.

Всѣ они на муки шли какъ на подвигъ.

Ихъ глазами, въ которыхъ сквозь нечеловѣческія страданія горѣла непримиримая ненависть, глядѣлъ на поляковъ весь русскій народъ... Ихъ запекшимися и посинѣвшими, или въ кровавой пѣнѣ устами весь русскій народъ бросалъ имъ свои проклятія.

И потому дымились не угасая и день и ночь фитили у кремлевскихъ пушекъ... Послѣдніе дни поляки спали не раздѣваясь и не снимая съ себя оружія. Кромѣ дозорныхъ Гонсевскій не дозволялъ никому отлучаться изъ кремля.

XVI.

Къ Ермогену вошли Гонсевскій, Салтыковъ, Молчановъ и еще двое дворянъ, преданныхъ Салтыкову.

Ермогенъ молился стоя на колѣняхъ передъ аналоемъ. Горѣла лампадка передъ иконой безъ ризы, закопченной, закапанной воскомъ.

Аналой былъ покрытъ старой безъ всякихъ украшеній епитрахилью, тоже со слѣдами воска.

У задней стѣны стояла скамья съ деревяннымъ изголовьемъ, покрытая дерюжнымъ половикомъ.

Салтыковъ началъ первый:

— Отче патріархъ!

Ермогенъ не шевельнулся.

Салтыковъ вздохнулъ глубокимъ долгимъ сокрушеннымъ вздохомъ, опустилъ голову, опустилъ глаза и умолкъ, ожидая пока Ермогенъ кончитъ молиться.

Онъ стоялъ въ такой позѣ, что кто-нибудь не знавшій его сказалъ-бы навѣрное, что чувствуетъ за собой и вину какую-то и раскаяніе, и чѣмъ-то удрученъ и обиженъ до глубины души.

Но брови его изрѣдка подергивались и вздрагивали вѣки. Потихоньку онъ наблюдалъ за Ермогеномъ.

Быстро перебиралъ онъ пальцы, сложивъ руки на широкомъ въ серебряномъ наборѣ поясѣ съ пристегнутой къ нему саблей.

Еще разъ вздохнулъ онъ, опять глубоко и сокрушенно приложилъ къ груди руку и тише чѣмъ раньше произнесъ:

— Святый отче!

Ермогенъ всталъ съ колѣнъ, устремилъ глаза на икону съ такимъ выраженіемъ безмолвнаго горячаго призыва, съ такимъ одушевленнымъ лицомъ, какъ будто въ эту минуту икона ожила для него и цѣлый невидимый никому кромѣ него міръ засіялъ ему въ ней.

Онъ ужъ больше не шепталъ молитвъ. Губы не шевелились. Но молили его глаза. Молили и призывали.

Потомъ онъ опять опустился на колѣни, поклонился земно и нѣсколько секундъ оставался такъ прижимаясь лбомъ къ полу и опершись о полъ руками.

Поднялся вдругъ, неожиданно выпрямившись во весь ростъ и прямо обратившись къ Салтыкову.

Сдвинувъ сѣдыя брови, онъ смотрѣлъ на Салтыкова острымъ, холоднымъ, суровымъ и, казалось, все видящимъ и все знающимъ взглядомъ.

Онъ былъ и старъ и немощенъ, но держался прямо, не горбясь и слегка запрокинувъ голову.

Салтыковъ подошелъ принять благословеніе.

Онъ благословилъ его и опустилъ руки. И опять устремилъ на него суровые свои и холодные глаза.

Салтыковъ сказалъ:

— Будетъ намъ враждовать, отче!

Онъ смотрѣлъ на Ермогена снизу вверхъ, такъ какъ былъ низенькаго роста, почти по плечо Ермогену.

Патріархъ продолжалъ стоять молча, совсѣмъ неподвижный въ длинной своей черной рясѣ, падавшей прямыми тоже неподвижными, будто застывшими складками до самаго пола.

Звякнули шпоры и зазвенѣла по каменнымъ плитамъ сабля.

Это Гонсевскій сдѣлалъ шагъ впередъ.

Онъ сказалъ совсѣмъ уже другимъ тономъ, чѣмъ Салтыковъ:

— Слушай, старикъ, мы должны какъ-нибудь сговориться.

И сталъ крутить лѣвой рукой кончикъ праваго уса. Голосъ у Гонсевскаго былъ грубый и словно охрипшій или надорванный отъ частаго командыванія на воздухѣ передъ войскомъ.

Роста онъ былъ почти такого же, какъ и Ермогенъ, съ краснымъ обвѣтреннымъ лицомъ съ сѣрыми большими глазами и бѣлесыми очень рѣдкими бровями.

Ступалъ онъ тяжело и твердо. Его громкій голосъ и стукъ его подбитыхъ подковками сапогъ наполнилъ шумомъ и гуломъ все небольшое низенькое помѣщеніе Словпо пять человѣкъ заговорили и задвигались разомъ.

— Зачѣмъ сѣять смуту?—снова заговорилъ Салтыковъ.— Отче, ты не вѣдаешь, что творишь! Развѣ мало пролито крови? Все равно, мы никому не отдадимъ Москвы.

Гонсевскій ударилъ ладонью по эфесу сабли, сказалъ опять своимъ грубымъ, громкимъ голосомъ:

— Она наша!

И снова закрутилъ усъ, глядя исподлобья куда-то внизъ и въ сторону.

Салтыковъ продолжалъ:

— Вѣдомо ли тебѣ, что его величество король самъ хочетъ быть подъ Москвой съ войскомъ?

— И будетъ!—крикнулъ Гонсевскій.—Что же ты молчишь?

Онъ нахмурился. Гроза загоралась въ его сѣрыхъ выпуклыхъ глазахъ.

Лицо Ермогена было по прежнему строго сурово и спокойно.

Онъ посмотрѣлъ на Гонсевскаго и сказалъ:

— Кромѣ Господняго гнѣва, никакого гнѣва не боюсь.

И сейчасъ-же пересталъ глядѣть на него и повернулся къ Салтыкову:

— А вѣдомо ли тебѣ, измѣнникъ, что не нынче-завтра подъ Москвой будетъ триста тысячъ нашего земскаго ополченія?

— Не сдадимся!—крикнулъ опять Гонсевскій.—Пусть умремъ. Взорвусь на воздухъ. Слышишь? И ты тогда полетишь тоже!

Ермогенъ попрежнему не глядѣлъ на него, онъ слушалъ, что говорилъ ему Салтыковъ, который тоже возвысилъ вдругъ голосъ, смѣшавъ свою рѣчь съ отрывистыми возгласами Гонсевскаго.

Салтыковъ говорилъ:

— Если кто изъ насъ измѣнникъ, такъ это ты, а не я. Мы присягнули Владиславу, а ты благословилъ... Кто-жъ выходитъ измѣнникъ? Ты первый отступился и сталъ мутить народъ.

Онъ умолкъ. Щеки у него были красны.

— Ты лучше не у меня спрашивай, — заговорилъ Ермогенъ,—кто правъ и кто виноватъ. А вотъ ты говоришь: народъ... Ты и спроси народа, на комъ вина? По-твоему я народъ мутилъ. Такъ и ты бы тоже взялъ да замутилъ. Можетъ, онъ за тобой пошелъ-бы... По-твоему вѣдь у тебя правда, а не у меня. Ты говоришь, я благословилъ. А тебя я развѣ сейчасъ не благословилъ? Такъ я благословилъ тебя поди не на грабежъ и убійство. А?

Что-то проникновенное было теперь въ глазахъ патріарха. Салтыкову стало страшно подъ этимъ уже не суровымъ и грознымъ, а яснымъ и свѣтлымъ взглядомъ.

Онъ замигалъ вѣками и сказалъ глухо:

— Отче, что ты думаешь?

Ермогенъ отвѣтилъ не сводя съ него глазъ и улыбаясь какою-то странной и тоже ясной и свѣтлой улыбкой:

— То, о чемъ самъ ты думаешь. Вижу я тебя, Михайло...

Салтыковъ совсѣмъ отъ него отвернулся и на мгновенье прикрылъ глаза рукою.

А Ермогенъ продолжалъ:

— Души своей не спрячешь, Михайло. Вижу ее, вижу...

Что-то непостижимое совершалось въ немъ. Будто какой-то свѣтъ зажегъ онъ въ себѣ, и ясно ему при этомъ свѣтѣ всякое движеніе души человѣка, ясна всякая мысль и всякое намѣреніе.

— Замолчи!—закричалъ Салтыковъ, скрипнувъ зубами, силясь взглянуть на него и чувствуя, что не въ состояніи сдѣлать этого.—Замолчи лучше! Кабы не я...

— Кабы не ты,—сказалъ Ермогенъ,—такъ вонъ этотъ..

И онъ указалъ пальцемъ на Гонсевскаго.

— Этотъ бы вонъ ужъ давно прикончилъ. А что? Такъ? Значитъ, боишься! Чего же ты боишься? Эй, Михайло, повинись передъ народомъ. Вотъ кого ты боишься—народа! Боишься народа, значитъ, есть въ тебѣ еще и страхъ передъ Богомъ, потому что гласъ народа - гласъ Божій.

Гонсевскій глядѣлъ мрачно на Салтыкова. Его рука лежала на рукояти сабли.

— Гласъ народа — гласъ Божій, — продолжалъ Ермогенъ.—Развѣ я не молился денно и нощно: вразуми и наставь... Воистину наставилъ меня Господь... Не я зову народъ на ляховъ, а Господь зоветъ, Михайло! Бойся Божьей грозы...

Гонсевскій вдругъ крикнулъ:

— Довольно!.. Этакъ и наши ксендзы умѣютъ говорить. Мы не для того сюда пришли: я—солдатъ, а не ксендзъ и не политикъ. И вотъ я тебѣ что скажу. Сейчасъ ты больше въ моей власти, чѣмъ во власти Божіей. Придетъ время—я не стану никого спрашиваться... Видишь вотъ это?

Онъ вытащилъ саблю до половины изъ ножонъ и опять ударомъ ладони по ефесу вогналъ въ ножны.

— Диспутовъ я вести не умѣю и не стану. Я говорю тебѣ мои условія. Либо ты долженъ написать земскому ополченію, чтобы оно разошлось по домамъ, либо я отдамъ тебя палачамъ... Слышалъ? Завтра ты дашь мнѣ отвѣтъ.

Онъ еще нѣсколько секундъ стоялъ передъ Ермогеномъ, потомъ круто повернулся и сказалъ Салтыкову:

— Пойдемъ, панъ Михаилъ!

Они ушли.

Когда дверь затворилась за ними, Ермогенъ опять сталъ на молитву.

Онъ стоялъ на колѣняхъ, держась концами пальцевъ за край аналоя, и запрокинувъ голову.

Глаза были устремлены на икону.

И опять казалось, видятъ эти глаза что-то, чего не могутъ видѣть никакіе другіе глаза.

Онъ молился.

— Пріиди и спаси... Не о себѣ молю, а о градѣ семъ и о землѣ сей...

. . . .

Звякнулъ снаружи дверной замокъ.

Дверь заскрипѣла и отворилась.

Вошелъ Салтыковъ.

Онъ былъ одинъ.

Ермогенъ ,всталъ съ колѣнъ и вперилъ въ него пристальный взглядъ

— Отче,—заговорилъ Салтыковъ стоя на порогѣ въ тѣни,—я не надолго... Панъ Гонсевскій нынче погорячился... Мы съ нимъ говорили. Не гоже тебѣ, патріарху, пребывать въ скудельницѣ. Сейчасъ тебя отведутъ въ другое мѣсто. Отче! На Вербное тебѣ нужно быть на народѣ.

— Поди сюда,—сказалъ Ермогенъ, самъ дѣлая шагъ впередъ.

Но Салтыковъ распахнулъ дверь настежь, толкнувъ ее сразу спиной и руками и сталъ къ сторонѣ, придерживая дверь за скобу.

— Я тебя провожу,—сказалъ онъ, глянувъ черезъ плечо.

Въ открытую дверь Ермогенъ увидѣлъ запряженную патріаршую карету и нѣсколько конниковъ, изъ которыхъ двое держали факелы.

Немного въ сторонѣ стояла осѣдланная лошадь въ богатой сбруѣ.

На этой лошади Салтыковъ долженъ былъ сопровождать патріарха до Годуновскаго дворца, гдѣ жилъ самъ Гонсевскій и гдѣ онъ опредѣлилъ теперь жить Ермогену въ двухъ полуподвальныхъ комнатахъ.

— Не вѣрю я тебѣ, волку,—сказалъ Ермогенъ, когда Салтыковъ, взобравшись на свою лошадь, объявилъ ему эту волю кремлевскаго коменданта.

Двое карабинеровъ, стоявшихъ у входа въ теплушку, взяли патріарха подъ руки и помогли войти въ карету.

— Пошелъ!—крикнулъ Салтыковъ.

Карета тронулась. Впереди скакали конники съ факелами. Другіе конники окружали карету.

Ермогена привезли въ Годуновскій домъ.

Тамъ онъ нашелъ горячій ужинъ и сбитень изъ меда съ сушеными грушами.

Въ комнатахъ было тепло и чисто убрано.

Прощаясь Салтыковъ объяснилъ ему, что съ этого дня поляки не будутъ чинить ему никакихъ особыхъ утѣсненій и на Вербное Воскресенье разрѣшатъ даже участвовать на торжествѣ шествія на осляти.

Ермогенъ на это опять сказалъ:

— Не вѣрю я, тебѣ, волку.

Салтыковъ перекрестился...

— Вотъ-тѣ крестъ... Онъ вѣдь горячъ да отходчивъ.

— Кто это?

— А Гонсевскій...

— Такъ это онъ?.. Вишь ты... Онъ, значитъ, разрѣшилъ, а надоумилъ его, поди, ты? А?.. Какъ это у васъ все скоро...

— Я давно ему говорилъ.

— Это про что? Чтобъ меня держать на Годуновскомъ дворѣ къ вамъ поближе?..

— И про это, и про то, что у насъ ужъ такъ заведено въ Москвѣ, на Вербное... Вотъ-те крестъ, отче!.. Опять говорю, это онъ сгоряча. У него всегда такъ... Сейчасъ нашумитъ и сейчасъ—ничего: обошелся. Ну, почивай, отче.

XVII.

Гонсевскій самъ говорилъ про себя: «я плохой политикъ». И это было правда. Онъ во всемъ довѣрялся Салтыкову. Но и ему, хорошему рубакѣ и плохому политику, послѣднее время начинало казаться, что Салтыковъ либо не со-

всѣмъ уже такой прозорливый государственный мужъ, либо, хотя и прожилъ весь свой вѣкъ въ Москвѣ,—не можетъ отдать себѣ яснаго отчета, что же собственно сейчасъ происходитъ въ Москвѣ и въ Россіи.

О русскихъ и польскихъ дѣлахъ Гонсевскій разсуждалъ такъ:

Въ Москвѣ засѣдаетъ боярская дума. Эта дума дѣлаетъ все, что не прикажетъ ей польскій король. Дума, значитъ, признаетъ власть польскаго короля. А если дума повинуется королю, то какъ же можетъ противъ него бунтовать русскій народъ? Если русскіе люди уважаютъ свою думу, то они должны были бы повѣрить ей, что разъ король не торопится прислать своего сына въ Москву—значитъ, такъ это и должно быть. Значитъ, почему-нибудь да нельзя королевичу явиться въ Москву такъ скоро, какъ этого хочется Москвѣ.

Самъ принадлежавшій къ родовитому польскому дворянству, свято хранившій традиціи этого дворянства, согласившійся бы, напримѣръ, скорѣй итти на плаху, чѣмъ измѣнить данному слову, Гонсевскій не менѣе высоко цѣнилъ и королевское слово. Во всякомъ случаѣ онъ рѣшился бы обнажить саблю противъ короля своего или чужого — все равно, если бы для него съ очевидностью стало ясно, что король—не король, а обманщикъ.

Правда, прошелъ по Москвѣ слухъ, будто король хочетъ завладѣть русскимъ государствомъ для себя и потому не отпускаетъ королевича въ Москву. Но развѣ король самъ сказалъ объ этомъ кому-нибудь хоть одно слово?

А разъ этого слова произнесено не было, то какъ смѣетъ кто-нибудь заподозрить короля въ нечестности, а тѣмъ болѣе открыто возстать противъ него и противъ королевича, имя котораго поминается на эктеніяхъ какъ имя русскаго царя.

Отъ Салтыкова и отъ многихъ другихъ русскихъ Гонсевскій слыхалъ, что въ Москвѣ царю воздаютъ почти

божескія почести Но самъ кремлевскій комендантъ и никто въ Польшѣ не называли короля «земнымъ богомъ». А на Руси на царя привыкли издавна смотрѣть какъ на земного бога. Если бы королевичъ былъ теперь въ Москвѣ, московскіе жители падали бы передъ нимъ ницъ во время его прогулокъ по городу и былъ бы онъ для нихъ земнымъ богомъ.

Земнымъ богомъ онъ сталъ для нихъ собственно со дня его избранія на царство. Какъ же это могло случиться, что русскій народъ, ставящій царскую власть почти рядомъ съ божескою властью, закипѣлъ вдругъ ненавистью къ имъ же самимъ избранному царю?

Русскіе люди говорятъ, что ихъ обманули—значитъ, они не цѣнятъ королевское слово. Значитъ, все это ихнее преклоненіе передъ высшей властью наружное поклоненіе, одно лицемѣріе, значитъ, вообще они короля или все равно царя приравниваютъ къ самому обыкновенному человѣку способному на обманъ и суесловіе?

Значитъ, по этому самому они и своимъ боярамъ не вѣрятъ. Переносясь мысленно въ Польшу, Гонсевскій представлялъ себѣ, какъ онъ, благородный польскій дворянинъ, выходитъ къ народу по случаю какого-нибудь недоразумѣнія между народомъ и королемъ и говоритъ:

— Порукою въ истинности того, о чемъ вы сейчасъ услышите,—мое честное шляхетское слово.

Ужъ одно это вступленіе успокоило бы многихъ.

А русскихъ не можетъ успокоить ни дума, ни заявленіе короля, что онъ отпуститъ сына въ Москву, какъ только въ Россіи станетъ поспокойнѣй.

Русскій народъ ничему и никому не хочетъ вѣрить кромѣ патріарха.

Земной богъ для него, значитъ, не высшая свѣтская власть, а власть духовная, этотъ монахъ, во власти котораго было начать всю смуту?

Русскихъ людей Гонсевскій считалъ чуть-ли что не

дикарями и раньше, а теперь, когда судьба его поставила его близко къ русскому народу и къ русскимъ властямъ, онъ сталъ серьезно задумываться, есть-ли русская боярская дума дѣйствительно русское учрежденіе и есть ли бояре дѣйствительно русскіе люди.

Салтыкова онъ считалъ за тонкаго политика. Но Салтыковъ, самъ по происхожденію русскій, дѣйствовалъ въ своей странѣ, среди своего народа, какъ въ странѣ, о которой онъ зналъ изъ чужихъ рукъ.

Въ Москвѣ работала боярская дума. Совершенно также она работала здѣсь и раньше при прежнихъ царяхъ.

Уважалъ ли ее, вѣрилъ-ли ей русскій народъ и при тѣхъ своихъ прежнихъ царяхъ?

На этотъ вопросъ Гонсевскій могъ только отвѣтить отрицательно.

Не вѣрилъ.

Въ боярахъ Гонсевскій прежде всего отмѣтилъ въ высшей степени пренебрежительное отношеніе къ людямъ простого званія.

Пожалуй такъ же пренебрежительно относилась къ простымъ людямъ и польская шляхта. Но польскій шляхтичъ никогда не считалъ хлопа кровнымъ своимъ врагомъ и еще менѣе его боялся.

Русское же боярство въ отношеніи къ русскому холопству держалось настороже. Словно это холопство, простой народъ, былъ дикій звѣрь неукрощенный и неприрученный и необходимо его всегда было держать на крѣпкой привязи и не выпускать его изъ рукъ.

Кремлевскій комендантъ никакъ не могъ представить себѣ, чтобы прежніе бояре были иные, чѣмъ нынѣшніе.

Никакой человѣкъ никогда самъ себя не посадитъ на привязь и не станетъ ковать для себя цѣпи.

Боярская же дума, повидимому, всегда и была такой цѣпью.

Значитъ, дѣйствительно не русскій народъ создалъ эту

боярскую думу, если во всякомъ случаѣ не по его доброй волѣ она существуетъ.

Гонсевскій мало былъ знакомъ не только съ исторіей Руси, но и съ исторіей своей родины. Онъ не могъ отвѣтить положительно или отрицательно по доброй-ли волѣ польскаго народа существуетъ въ Польшѣ сеймъ и королевская власть. Когда-нибудь въ очень отдаленныя времена польскій народъ можетъ быть не хотѣлъ совсѣмъ сейма, а хотѣла его только аристократія. Но польская аристократія сумѣла заставить страну уважать сеймъ. Совсѣмъ иначе на его взглядъ обстояло дѣло на Руси.

Русскіе бояре и сейчасъ были у себя на Руси среди своего народа, какъ побѣдители въ побѣжденной странѣ.

Они все еще никакъ не могли приручить къ себѣ своихъ холоповъ. Человѣкъ тогдашняго времени, Гонсевскій, былъ убѣжденъ, что простой народъ необходимо держать въ строгости и съ этой стороны не могъ ни въ чемъ упрекнуть русское боярство.

Строгостей на Руси по отношенію къ простому народу было еще больше чѣмъ, въ Польшѣ.

И тѣмъ не менѣе русскій народъ хотѣлъ и жить и думать не такъ, какъ приказывала ему боярская дума, а какъ онъ самъ хочетъ.

Съ Салтыковымъ уже не въ первый разъ онъ навѣщалъ патріарха. И всегда ему казалось, что патріархъ что-то ужъ слишкомъ много говоритъ о народѣ, слишкомъ выдѣляетъ его на первый планъ. Сначала онъ даже объяснялъ это ограниченностью ума патріарха. Однако потомъ, приглядѣвшись поближе къ русской жизни, онъ понялъ, что именно патріархъ-то и есть человѣкъ, который одинъ изъ всей русской знати можетъ отвѣтить, чего сейчасъ хочетъ русскій народъ и чего отъ него ожидать можно.

Находясь все время подъ карауломъ, патріархъ былъ совершенно разобщенъ со внѣшнимъ міромъ. И тѣмъ не

менѣе о настоящихъ и грядущихъ событіяхъ онъ говорилъ съ убѣжденіемъ истиннаго провидца.

У Салтыкова былъ какой-то затаенный страхъ передъ Ермогеномъ. Онъ не то и въ самомъ дѣлѣ видѣлъ въ немъ провидца и прорицателя, человѣка не совсѣмъ обыкновеннаго, не то боялся его, какъ боялись въ глубинѣ души всѣ вообще русскіе бояре своего народа.

И вмѣстѣ съ тѣмъ, вмѣстѣ съ этимъ затаеннымъ страхомъ къ Ермогену была въ немъ злоба къ нему.

Гонсевскій былъ человѣкъ несложнаго характера, не умѣлъ и не могъ докапываться до тонкостей. Но наблюдательностью онъ обладалъ. Что русскій народъ еще не обузданъ, что русская знать совсѣмъ не то, что знать въ Польшѣ—это ему сразу бросилось въ глаза. И сразу же онъ понялъ, что русская знать очень хорошо сознаетъ свое положеніе въ странѣ, гдѣ народъ если ея и слушается, то не по привычкѣ слушаться, а изъ одного лишь страха передъ разными заведенными для него этою знатью строгостями.

Онъ понялъ также очень скоро, что злоба, которую питалъ Салтыковъ къ Ермогену, происходитъ не оттого, что Салтыковъ считаетъ патріарха политическимъ своимъ противникомъ. И этотъ его тайный страхъ передъ нимъ тоже не страхъ грѣшнаго міряпина передъ пастыремъ церкви.

Патріархъ, напримѣръ, могъ бы отлучить Салтыкова отъ церкви или предать его проклятію. Но Ермогенъ этимъ никогда ему не грозилъ. Онъ грозилъ ему совсѣмъ другимъ: народнымъ проклятіемъ.

И отъ того была въ Салтыковѣ злоба. Патріархъ передъ нимъ являлся какъ бы олицетвореніемъ всего народа, всей страны.

Онъ въ лицѣ всей страны говорилъ.

И Салтыковъ не могъ не имѣть къ нему никакого чувства, кромѣ чувства ненависти.

Въ голосѣ патріарха онъ прежде всего слышалъ голосъ народа, желаніе и мысль котораго патріархъ почему-то угадалъ, а онъ угадать не могъ.

Гонсевскій твердо былъ убѣжденъ, что врядъ ли грамота патіарха возымѣла бы на народъ какое-либо дѣйствіе, если бы народъ самъ не хотѣлъ того, куда звалъ его патріархъ.

И мало того, что патріархъ зналъ чего хочетъ народъ и что народъ еще способенъ сопротивляться желаніямъ боярства—онъ самъ повидимому жилъ тѣми же думами, какими и дышалъ народъ.

Если бы Ермогенъ грозилъ Салтыкову однимъ только церковнымъ проклятіемъ, Салтыковъ можетъ быть только смѣялся бы ему въ лицо и издѣвался бы надъ нимъ.

Но за Ермогеномъ стоялъ весь народъ.

А за народнымъ проклятіемъ идетъ буря народнаго гнѣва, идетъ гроза, огонь и кровь народнаго бунта.

Судя о московскомъ государствѣ, какъ о почти дикой непросвѣщенной странѣ, Гонсевскій полагалъ, что достаточно нѣсколькихъ польскихъ коронныхъ полковъ, чтобы московское государство сдѣлалось если не сразу, то въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ польской провинціей.

Только поживя въ Москвѣ, онъ сталъ думать, что польской коронѣ здѣсь предстоятъ большія хлопоты именно по тому самому, что государство московское еще очень молодо и хотя въ немъ уже есть и правящая знать и царь, называемый земнымъ богомъ, — оно все равно нуждается въ долгихъ годахъ упорнаго труда и упорной работы, чтобы, напримѣръ, та же боярская дума, Салтыковъ ли будетъ ею руководить или еще кто-либо неизмѣримо болѣе талантливый государственный человѣкъ, чѣмъ Салтыковъ, могло бы сказать: мы это рѣшили и нашему рѣшенію должна подчиниться и непремѣнно подчиниться вся страна.

Онъ хорошо понималъ, что, явившись къ Сигизмунду

просить отъ всего государства въ цари королевскаго сына, Салтыковъ вовсе не былъ истиннымъ посланцемъ всего государства. Но съ польской точки зрѣнія согласія всего государства на приглашеніе королевича занять въ Москвѣ царскій тронъ и не требовалось. На польскій глазъ уже было достаточно одного желанія той кучки бояръ, которая сумѣетъ взять въ Москвѣ власть въ свои руки.

Сначала такъ все и сдѣлалось.

Русскій народъ присягнулъ Владиславу. Врядъ ли другой какой-нибудь народъ, который правящая въ государствѣ аристократія держала бы въ рукахъ, поднялся бы противъ только что избраннаго царя, хотя бы этотъ новоизбранный царь народу почему-либо не былъ по душѣ.

Но въ Москвѣ вышло какъ разъ наоборотъ.

Не будь Ермогена, русскій народъ все равно рано или поздно возвысилъ бы свой голосъ, ибо онъ народъ еще необузданный и не укрощенный.

Ермогенъ только крикнулъ первый.

Толпа, не имѣющая вожака, но одушевленная однимъ общимъ желаніемъ, все равно проявитъ себя приблизительно также, какъ и толпа, имѣющая вожака.

Гонсевскій требовалъ отъ Ермогена остановить надвигающееся на Москву ополченіе, но самъ въ эту возможность, чтобы слова патріарха могли бы повліять на вождей ополченія, онъ не вѣрилъ.

Вѣдь не уступилъ же Салтыковъ, когда Ермогенъ заклиналъ его оставить свою дружбу съ поляками.

Почему же Ермогена послушались-бы ополченцы?

Самое большое, что отъ этого могло бы произойти, была бы смута на нѣкоторое время въ войскахъ. А затѣмъ русскій народъ также отрекся бы отъ Ермогена, какъ отрекся отъ Владислава.

Гонсевскій былъ воинъ неслыханной храбрости. Но временами ему было жутко заглянуть въ будущее. Кровь и огонь чудились ему тамъ, крики ненависти и мести —

жестокая борьба до послѣдней капли крови, до послѣдняго вздоха.

Ни Салтыковъ, ни кто другой изъ преданныхъ ему бояръ не могъ объяснить ему, какимъ образомъ арестованный патріархъ, окруженный надежной стражей, находилъ способы пересылать свои письма на волю.

Было время, когда не проходило нѣсколькихъ дней, чтобы польскіе разъѣзды не приводили людей, захваченныхъ на мѣстѣ преступленія, распространявшихъ патріаршее воззваніе

Гонсевскій рѣшилъ въ концѣ концовъ, что дѣло, начатое Ермогеномъ, продолжаютъ отъ его имени лица, можетъ быть, никогда самого патріарха не видавшіе въ глаза.

Иногда онъ самолично дѣлалъ допросъ захваченныхъ съ грамотами. Множество грамотъ даже было написано сразу видно, что не рукой Ермогена.

Гонсевскій допытывался: кто писалъ?

Допрашиваемые либо упорно стояли на томъ, что писалъ патріархъ, либо заявляли, что «грамота» не подлинная, а списокъ, настоящій же подлинная, самимъ патріархомъ писанная, услана куда невѣдомо.

Гонсевскому теперь было все равно держать патріарха подъ стражей или отпустить на волю.

Вреда большаго, чѣмъ онъ сдѣлалъ, онъ сдѣлать уже не могъ.

Единственно, что пожалуй измѣнило бы ходъ событій, была бы его смерть.

Но если бы патріархъ и умеръ, вожди начавшагося движенія, не тѣ вожди, которые шли къ Москвѣ со всѣхъ сторонъ во главѣ многотысячнаго ополченія и которые всѣмъ были вѣдомы, а вотъ эти невѣдомые, распространявшіе и сочинявшіе подлинныя и неподлинныя патріаршьи грамоты, умиравшіе въ жестокихъ мукахъ на пыткахъ въ кремлевскихъ застѣнкахъ, не отступили бы и не сократили бы своей дѣятельности.

Боярская дума и московское духовенство могли бы устроить торжественныя похороны почившаго патріарха и панихиды по немъ служились бы во всѣхъ церквахъ по всей Россіи.

Черезъ недѣлю все равно тоже по всей Россіи и прежде всего въ самой Москвѣ стало бы извѣстно, что патріархъ живъ, что похоронили не его, а какого-то проходимца... А патріархъ волею Божіей чудесно спасся изъ кремлевскаго заточенія и скрывается тамъ-то и тамъ-то.

И дѣйствительно, невѣдомые никогда не стоящіе на виду и скрывающіеся въ толпѣ вожди движенія очень скоро нашли бы ужъ истиннаго проходимца, вродѣ второго самозваннаго Дмитрія-царевича, который бы присвоилъ бы себѣ имя патріарха.

И народъ повѣрилъ бы непремѣнно въ самозваннаго патріарха именно по тому самому, что онъ пріучилъ себя не вѣрить боярамъ.

Начались бы толки, что это все подстроили бояре, что они хотѣли убить патріарха, да патріарховы доброхоты подстроили такъ, что убитъ былъ не патріархъ, а проходимецъ.

Чѣмъ больше приглядывался Гонсевскій къ русской жизни, тѣмъ болѣе казалась она ему какой-то неукладывающейся ни въ какія рамки обычнаго пониманія жизни сформировавшейся и себя сознающей страны.

Было въ этой странѣ и боярство, и власть повидимому крѣпкая и твердая, и какъ будто ничего этого не было. Глубоко какъ въ бездонномъ омутѣ кипѣли, бурлили страсти народныя и самъ народъ на всемъ необъятномъ пространствѣ русскомъ какимъ-то образомъ, не столковавшись и не сговорившись, дѣлалъ одно общее дѣло.

И были вожди у этого народа, имени которыхъ никто назвать не могъ, потому что они не лѣзли въ народъ, а дѣйствовали исподволь, тоже между собой не столковавшись и не сговорившись, и почему-то опять-таки все выхо-

дило такъ, какъ будто оно отлично и сговорилось и столковались, и если такой вождь есть въ Москвѣ и ведетъ проповѣдь изгнанія поляковъ изъ Россіи, то и въ Нижнемъ и въ Суздалѣ, и въ Тулѣ есть такіе же проповѣдники.

Боярская дума можетъ разсылать указы, а воеводы могутъ эти указы оглашать черезъ бирючей—указы скользнутъ только незамѣтно по поверхности русскаго омута, и какъ-бы ни старались бояре и воеводы и бирючи, ничье сердце не откликнется на ихъ призывъ, до тѣхъ поръ, пока и бирючи, и бояре, и воеводы не прислушаются сами къ тому, о чемъ говоритъ народъ, и сами не заговорятъ такъ же.

Гонсевскій уже нѣсколько разъ посылалъ гонцовъ съ просьбой о подкрѣпленіяхъ.

Но король не торопился.

Дѣла же въ Москвѣ принимали все болѣе и болѣе угрожающій характеръ.

Гонсевскій не сомнѣвался, что когда спѣшащіе со всѣхъ сторонъ къ Москвѣ русскія ополченія подойдутъ наконецъ и обложатъ городъ, въ городѣ неминуемо вспыхнетъ возстаніе.

Но возстаніе можетъ вспыхнуть и ранѣе этого срока.

Разсылаемые имъ ежедневно дозоры и разъѣзды продолжали подвергаться внезапнымъ нападеніямъ въ глухихъ мѣстахъ.

По ночамъ слышно было съ высокой Троицкой башни, какъ то тамъ, то тутъ хлопали и стукали мушкетные выстрѣлы.

Это дозоры стрѣляли по разнымъ подозрительнымъ людямъ, шмыгавшимъ въ темныхъ переулкахъ, когда эти подозрительные люди на приказаніе остановиться отвѣчали бранью или тоже выстрѣлами.

Стоя на высокой Троицкой башни и прислушиваясь къ доносившимся глухо издали выстрѣламъ, Гонсевскій хмурилъ брови и кусалъ усы.

И говорилъ вслухъ, все равно былъ-ли около него кто-нибудь или никого не было:

— Залаяли опять собаки!..

Онъ это говорилъ такъ часто, что, когда ночью въ городѣ начиналась стрѣльба, то караульные солдаты и офицеры говорили тоже:

— Опять залаяли.

И если, обходя караулы, Гонсевскій спрашивалъ у нихъ:

— Ну что, лаютъ сегодня?

Отвѣчали:

— Лаютъ...

Ничего кромѣ презрѣнія къ московскимъ людямъ у Гонсевскаго не было.

Кто бы ими не руководилъ и какъ бы вооружены они не были, онъ не считалъ ихъ достойными соперниками.

Но его тяготила и томила неизвѣстность.

Иногда, прислушиваясь къ выстрѣламъ въ ночной часъ, онъ взмахивалъ руками и восклицалъ:

— Матерь Божія! Когда же это все кончится?

И глядѣлъ со злобой въ ночную тьму, и опять говорилъ со злобой:

— О, если бы только выманить ихъ изъ-подъ ихъ подворотней!

Онъ объ этомъ и Салтыкову говорилъ, что было бы хорошо устроить какъ-нибудь такъ, чтобы московскіе люди, если правда, что у каждаго изъ нихъ припасено оружіе, взялись бы, наконецъ, за оружіе.

Салтыковъ замѣчалъ на это:

— Да вѣдь ихъ тысячи.

А онъ кричалъ, бѣшено вращая выпуклыми глазами:

— И пусть тысячи!

— А сломишь-ли?

— Сломлю,—говорилъ онъ.

Салтыковъ и самъ понималъ, что сломить или не сломить Гонсевскому со своими солдатами московскихъ людей, если поднимется вся Москва — ему все-таки будетъ

легче справиться съ Москвой, пока еще не подошли ополченія, чѣмъ когда они подойдутъ.

И онъ ужъ давно сталъ крѣпко думать объ этомъ.

Именно московскихъ людей нужно было выманить.

Поставить ихъ подъ пушки.

Но онъ не зналъ пока, какъ за это приняться.

Вѣдь и московскіе люди тоже хорошо понимали, что однимъ имъ съ поляками будетъ справиться труднѣй, чѣмъ дѣйствуя вмѣстѣ съ ополченіями.

И оттого они пока только понемногу задираютъ поляковъ.

Чѣмъ тревожнѣй приходили вѣсти съ поля, т.-е. изъ-за Москвы, оттуда, откуда шли ополченія, тѣмъ тревожнѣй становилось на душѣ у Салтыкова.

Но подъ конецъ его осѣнило.

Идея перевести патріарха изъ мѣста его заключенія въ Годуновскій домъ, принадлежала ему.

Онъ не совсѣмъ былъ увѣренъ, согласится ли патріархъ принять участіе въ торжествѣ шествія на осляти, и рѣшилъ, что нужно сначала его «улестить».

О томъ, что онъ намѣренъ дѣлать дальше, онъ говорилъ Гонсевскому пока только полунамеками.

Изъ этихъ полунамековъ Гонсевскій понялъ только одно: Салтыковъ хочетъ показать патріарха народу и выманить этимъ способомъ народъ на улицу.

И онъ сказалъ Салтыкову:

— Это давно слѣдовало бы сдѣлать, но и теперь еще не поздно.

Онъ, конечно, не собирался броситься на безоружныхъ людей во время религіозной процессіи.

Но развѣ не могло случиться такъ, что люди, участвующіе въ процессіи, сами бросились бы на нихъ, т.-е. на Салтыкова и на него, Гонсевскаго, съ его солдатами.

Именно на возможность такого случая и намекалъ ему Салтыковъ.

XVIII.

Рѣшивъ, что Ермогена необходимо уговорить или заставить участвовать въ торжествѣ «шествія на осляти», Гонсевскій и Салтыковъ понимали также, что народъ можетъ сдѣлать попытку его отбить.

Тогда неминуемо вспыхнулъ бы мятежъ въ городѣ. Въ толпѣ привлеченной «шествіемъ на осляти» могли оказаться вооруженные люди.

На процессію «шествія на осляти», устраиваемую ежегодно въ вербное воскресеніе, собирались тысячи богомольцевъ.

Стоило патріарху сказать одно слово, чтобы эти тысячи бросились въ кремль вооруженные и безоружные, мужчины и женщины.

Такъ по крайней мѣрѣ рисовалъ себѣ Гонсевскій событія, которыя могли произойти, если бы Ермогенъ захотѣлъ использовать «шествіе на осляти» въ своихъ интересахъ.

Такъ же на дѣло смотрѣлъ и Салтыковъ.

Переведя Ермогена въ Годуновскій дворецъ, они долго потомъ не расходились.

Почти до самаго утра свѣтились окна въ покояхъ того же Годуновскаго дворца, занимаемыхъ Гонсевскимъ.

Салтыковъ любилъ, чтобы въ комнатѣ было тепло и любилъ кромѣ того сидѣть передъ затопленной печкой.

Гонсевскій велѣлъ развести огонь въ каминѣ сдѣланномъ не такъ давно, только ради этой прихоти Салтыкова, простымъ московскимъ печникомъ по его самого, Гонсевскаго, чертежамъ.

Каминъ вышелъ не совсѣмъ какъ слѣдуетъ, иногда изъ него зашибало дымомъ и вырывалось пламя, какъ изъ русской деревенской печи.

Усѣвшись передъ каминомъ прямо на полу на корточки,

Салтыковъ смотрѣлъ прищуренными глазами на пылавшія полѣнья и грѣлъ противъ огня захолодавшія на дворѣ руки подставляя ладоши и немного загораживая ими лицо.

Гонсевскій ходилъ позади него изъ угла въ уголъ. Они говорили отрывистыми, короткими фразами. Говорить пространно Гонсевскій не имѣлъ привычки, а Салтыковъ, хотя и обладалъ этой способностью изъясняться обстоятельно и пространно, сейчасъ весь отдался ощущенію тепла.

Иногда онъ поворачивалъ лицо и взглядывалъ все щурясь на Гонсевскаго черезъ плечо, снизу вверхъ и улыбался.

— Какъ же намъ, панъ, было по-иному сдѣлать?

— По иному? Гмъ...

— Ты то посуди, вѣдь слухъ прошелъ ужъ. А? Про это... Что мы его въ подвалѣ держимъ?

— Въ другой разъ умнѣй будемъ.

— Да нѣтъ! Ты погоди. Ты не то. Я тебѣ вотъ скажу. Эхъ, панъ! (Онъ усмѣхнулся). Твое дѣло: вонъ...

И онъ мотнулъ головой въ сторону гдѣ на низенькомъ табуретѣ съ пуховой подушкой лежала сабля Гонсевскаго.

— Твое дѣло: бей и больше ничего. А ты погоди бить. Ты, панъ, когда стрѣлялъ утокъ изъ мушкета, а?

И тутъ Салтыковъ повернулся, опершись о полъ рукой къ камину спиной и, подставивъ ее огню, поглядѣлъ на Гонсевскаго попрежнему прищуренными глазами.

— Стрѣлялъ когда? Да ты погоди ходить.

Гонсевскій остановился посреди комнаты, широко разставивъ ноги.

— Ну?

— А я стрѣлялъ,—заговорилъ Салтыковъ.—Прилетитъ одна, какая корысть? И двѣ и три и пять, что съ ними дѣлать? А какъ соберется цѣлая стая, штукъ этакъ подъ сотню, тутъ и бить.

Онъ все щурился и улыбался, сладко выгибая и подставляя огню спину.

— Такъ и тутъ. Первое что: пушки ты заготовишь. По-моему прямо ихъ къ стѣнѣ выкатить... Солдаты у тебя тоже наготовѣ... Ну и пусть... хоть тысячи. Развѣ устоятъ? Полѣзть-то они—полѣзутъ... Да развѣ долѣзутъ? Къ этакой-то кашѣ? Тутъ старики, тутъ бабы...

Гонсевскій вполголоса выбранилъ:

— О, дьяволъ!..

— Ты что?..

— Боюсь не пойдутъ!

— Это кто?..

— А ваши же... Жители.

— Ого!—воскликнулъ Салтыковъ,—въ такой-то день не пойдутъ! А я вотъ чего боюсь...

— Чего?..

— Не пришли бы съ ножами...

Онъ пытливо посмотрѣлъ въ глаза Гонсевскому... Даже голосъ онъ немного понизилъ, и въ его лицѣ мелькнуло такое выраженіе, будто онъ просилъ защиты у Гонсевскаго.

— Этого я не боюсь,—сказалъ тотъ,—ножи!

— Да и не одни ножи...

— Ну, вилы...

— Что вилы...

Гонсевскій, улыбнувшійся было презрительно, вдругъ весь вспыхнулъ злобой и гнѣвомъ.

— Э, чертъ!—воскликнулъ онъ,—ничего я не боюсь... Пусть хоть стрѣльцы... пусть!

Теперь онъ въ свою очередь мрачно и хмуро уставился въ глаза Салтыкову.

— Да ты ужъ,—сказалъ онъ, — не думаешь ли, что мы побѣжимъ? Га!

И снова презрительно усмѣхнулся и запрокинулъ гордо голову.

— Я этого и хочу, — заговорилъ онъ секунду спустя, сжимая кулаки и блестя глазами.—Мнѣ ужъ надоѣло гадать каждый часъ... Лучше сразу...

— Что сразу?..

— Сдую все какъ пыль! Раздавлю!..

— Тебѣ надоѣло, а мнѣ, думаешь, сладко?..

— Знаю!..

— А только...

— Ну?..

— Хватитъ васъ-то?... Ты погоди!.. Не хорохорься. Развѣ я воинъ?..

— А я воинъ, — сказалъ Гонсевскій,—и знаю что говорю, и знаю своихъ.

И вдругъ онъ протянулъ руки передъ собою и воскликнулъ съ почти страдальческимъ выраженіемъ на лицѣ:

— Вѣдь ужъ толковали-толковали объ этомъ! Ради Божьей Матери будетъ! Я тебя не учу и ты меня не учи. Ты—политикъ и я тоже знаю свое дѣло не хуже чѣмъ ты—свое. Пусть только попробуютъ! Пусть хоть одинъ...

— Вѣдь они чего ждутъ...—перебилъ его Салтыковъ. — Слышалъ небось нынче—«черезъ два дня придетъ ополченіе»?

— Черезъ два дня,—это невозможно...

— И откуда только онъ все знаетъ?

— Хитрый старикъ...

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи—откуда? — повторилъ Салтыковъ.

Гонсевскій схватился руками за голову.

— Замолчи,—крикнулъ онъ,—надоѣлъ мнѣ ты! Больше не могу... Если бы онъ былъ папа и мнѣ сказали бы, что обо всемъ его извѣщаютъ ангелы — мнѣ все равно! Слышишь?..

По лицу Салтыкова пробѣжала тѣнь. Онъ вспомнилъ пронизывающіе глаза Ермогена... И на одно мгновеніе ему показалось, будто онъ дѣлаетъ совсѣмъ не то, что слѣдовало бы дѣлать... Будто ужъ разверзлась темная бездна у него подъ ногами и онъ летитъ въ эту бездну вмѣстѣ съ Гонсевскимъ, съ королемъ и королевичемъ и со всѣмъ

своимъ нынѣшнимъ благополучіемъ, со всѣми почестями, которыхъ достигъ, служа польской коронѣ.

Но это была только минутная слабость.

Гонсевскій даже не замѣтилъ его растеряннаго выраженія...

Салтыковъ подавилъ въ себѣ этотъ минутный страхъ, эту жуткость, дохнувшую на него холодомъ.

Въ Гонсевскаго онъ вѣрилъ, но когда Гонсевскій заговорилъ объ ангелахъ, именно настоящій жуткій могильный холодъ ощутилъ онъ въ душѣ... Римскаго папу, конечно, онъ не считалъ за святого. Такъ же смотрѣлъ онъ и на Ермогена...

Но было въ Ермогенѣ то, чего не было во всѣхъ другихъ людяхъ—это онъ зналъ тоже съ сегодняшней ночи...

И оттого стало ему жутко и страшно.

И потому въ немъ вспыхнула злоба противъ Ермогена...

Онъ, хотя чувствовалъ себя маленькимъ и ничтожнымъ передъ нимъ, но эта загорѣвшаяся въ немъ злоба была сильнѣе его и пересилила страхъ...

Поднявшись медленно съ пола, онъ сказалъ, глядя не на Гонсевскаго, а куда-то въ пространство, будто могъ видѣть сквозь стѣны дворца:

— Ужъ и ты погоди!..

И скрипнулъ зубами...

Ему и впрямь казалось, будто онъ видитъ Ермогена и слышитъ его голосъ.

Но ужъ не было въ немъ страха или былъ страхъ, но затаился гдѣ-то глубоко, опустился на дно и только злоба одна бушевала въ душѣ огненными волнами.

— Панъ!—воскликнулъ онъ,—а что, если...

Онъ не договорилъ, потому что стало трудно вдругъ дышать... Звонъ былъ въ ушахъ... Цѣлое кровавое море было въ глазахъ...

— А что, если?..

И опять онъ ничего не могъ сказать дальше.

Онъ только не мигая глядѣлъ на Гонсевскаго какимъ-то совсѣмъ дикимъ взглядомъ и съ дикой улыбкой на искривленныхъ губахъ.

— Ну?—сказалъ Гонсевскій.

— Ты тогда говорилъ...

Сухо у него стало во рту и голосъ былъ тоже сухой, потерявшій звучность.

— Что я говорилъ?

— Если бы его...

Что-то онъ договаривалъ Гонсевскому глазами, но Гонсевскій его не понималъ.

— Ты про кого?

— Да все про него... Про старика... Развѣ этого не можетъ случиться... а? Ты скажи!..

Онъ подошелъ къ Гонсевскому, взялъ его за руку, раскачивалъ руку изъ стороны въ сторону и глядѣлъ ему въ глаза дикимъ, какъ у помѣшаннаго, взглядомъ...

— Что не можетъ случиться?

— Да вѣдь онъ тамъ будетъ?

— Ну, будетъ...

— И пойдетъ заворошка...

— Ну?...

— И твои будутъ стрѣлять...

— Эге!..

— А развѣ?.. Слушай...

Онъ умолкъ на минуту и потянулъ Гонсевскаго къ себѣ.

— Слушай... вѣдь пуля не разбираетъ... Мѣтишь въ Ивана, а попадешь въ Якова... А?.. Кто тогда виноватъ?.. Поди и они будутъ стрѣлять... Нѣтъ, подумай объ этомъ... Развѣ они не могутъ по ошибкѣ... въ него?.. Вѣдь тутъ такая кутерьма начнется...

Онъ не отводилъ глазъ съ Гонсевскаго и по его глазамъ догадался, что тотъ его наконецъ понялъ.

Онъ остановилъ руку Гонсевскаго.

— Да, вонъ оно что, — проговорилъ Гонсевскій, проведя ладонью по лбу.—Вонъ ты про что говоришь...

— Про это самое...

— Гмъ...

— Тогда вѣдь...

— Тогда мы скажемъ, что убили его они...

Гонсевскій разглаживалъ усы съ самымъ довольнымъ видомъ.

— Я только боюсь,—сказалъ онъ немного помолчавъ,—ахъ, какъ я боюсь, что ничего не будетъ...

— Какъ это такъ?..

— Будутъ себѣ эти какъ бараны... И онъ тоже будетъ молчать...

— Пусть его молчитъ. А ты развѣ забылъ?

Салтыковъ вопросительно посмотрѣлъ на него.

— Ну и забывчивъ же ты.., А я-то?.. Развѣ у меня народу мало? Велю кричать—и будутъ кричать... И на ножъ полѣзутъ... Скажу, нужно отбить патріарха, и пойдутъ отбивать. Ты слышалъ, прошлою ночью у меня двое сбѣжало и монахъ съ ними?..

Онъ хитро прищурился, усмѣхнулся и добавилъ:

— По-твоему, значитъ, на такихъ людей и положиться нельзя... А по-моему для этого дѣла лучше и не надо... Покаюсь... Ты что думаешь: на колѣни стану. Скажу: не хочу больше ни Сигизмунда, ни Владислава... Пистоли дамъ, сабли дамъ. Идите отбивать патріарха... Э! я умѣю. Да вѣдь ужъ говорили-говорили мы съ тобой объ этомъ...

Гонсевскій вздохнулъ полною грудью.

— О, Матерь Божія,—сказалъ онъ,—одно только хочу, чтобы скорѣй все это кончилось.

Въ окнахъ ужъ брежжилъ разсвѣтъ.

Съ надворья откуда-то издалека доносилось пѣтушиное пѣніе и хриплое карканье пролетавшихъ надъ кремлемъ грачей и воронъ.

XIX.

На Вербное воскресенье въ Срѣтенскомъ монастырѣ ворота заперли, какъ только кончилась ранняя обѣдня.

Дворъ монастыря былъ полонъ вооруженныхъ людей.

Въ глубинѣ двора, гдѣ въ длинномъ низкомъ строеніи безъ оконъ помѣщались погреба, подвалы и склады, горѣли факелы. Уже разсвѣтало. Факелы горѣли потому, что ихъ пока еще не догадались погасить...

У погребовъ и подваловъ суетились монахи въ черныхъ подрясникахъ. Эту ночь въ монастырѣ почти не спали...

Князь Пожарскій тоже былъ на дворѣ одѣтый въ кольчугу, въ шишакѣ съ пристегнутыми къ ногамъ желѣзными кованными наколѣнниками.

Сейчасъ онъ всѣмъ распоряжался... За ночь онъ превратилъ монастырь въ настоящую маленькую крѣпость.

Еще когда шла ранняя обѣдня, у монастырскихъ воротъ двое плотниковъ налаживали два толстыхъ дубовыхъ бревна, чтобы ими можно было подпереть ворота.

Опиливъ какъ нужно концы бревенъ, плотники взялись за ломы и выбили въ землѣ противъ воротъ двѣ ямы, потомъ заготовили клинья.

Рѣдкіе у ранней обѣдни богомольцы, когда послѣ обѣдни проходили въ ворота, спрашивали у плотниковъ, что они тутъ дѣлаютъ.

А плотники отвѣчали:

— Подъ куличи... Куличи святить.

Когда прошелъ послѣдній богомолецъ, они заперли ворота и подперли ихъ бревнами, укрѣпивъ бревна какъ подсошки въ ямкахъ и забивъ вокругъ нихъ клинья.

На задній монастырскій дворъ, гдѣ расхаживали вооруженные люди, богомольцевъ не пускали, хотя многимъ богомольцамъ было и ближе дойти до дому черезъ задній дворъ.

Тамъ были тоже ворота, только не желѣзныя, а изъ еловыхъ досокъ.

Здѣсь князь Дмитрій велѣлъ забить частоколъ въ два ряда.

Въ монастырь и изъ монастыря можно было теперь проникнуть только черезъ двѣ небольшихъ калитки продѣланныхъ въ его стѣнахъ.

Но у калитокъ стояла стража въ броняхъ и съ заряженными мушкетами.

Мерцавшіе у погребовъ и подваловъ факелы совсѣмъ поблѣднѣли въ свѣтѣ наступающаго утра.

Ихъ погасили одинъ за другимъ, отвязавъ отъ вбитыхъ въ землю кольевъ, къ которымъ они были привязаны, и ткнувъ горящими концами въ грязь или въ лужи отъ растаявшаго снѣга.

На заднемъ дворѣ среди вооруженныхъ людей было много и безоружныхъ. Они собирались кучками противъ входовъ въ кладовыя и погреба.

Въ кладовыхъ было еще темно и тамъ горѣли фонари. Что-то тускло блестѣло при свѣтѣ фонарей, двигались черныя фигуры, тоже смутныя и неясныя.

— Эй, подходи!

Изъ полумрака кладовой, нагнувшись, чтобы не задѣть головой о низкую перекладину двери, выходилъ монахъ съ нѣсколькими бердышами, саблями или кольчугой въ касѣ и оглядывалъ толпившихся на дворѣ людей.

— Кому? Эй!

И встряхивалъ кольчугой или бердышемъ.

А у другой двери такой же монахъ кричалъ, показывая длинную ручную фитильную пищаль:

— Эй! Кто мастеръ стрѣлять?

Утро разгоралось все больше.

Засвѣтились кресты на колокольнѣ, сверкнули окна въ частыхъ желѣзныхъ переплетахъ, заискрились поднятыя вверхъ сѣкиры и копья, вспыхнули шлемы.

— Подходи!—выкрикивали монахи съ пороговъ кладовыхъ.

Теперь и въ кладовыхъ стало свѣтло и можно было разсмотрѣть черезъ отпертыя двери стоявшіе тамъ у стѣнъ мушкеты, аллебарды, копья съ ясными широкими остріями и груды другого оружія, менѣе громоздкаго, сложеннаго на полу.

Въ монастырѣ хранилось и свое стародавнее оружіе, оставшееся отъ прежнихъ временъ, и новое переправленное сюда Пожарскимъ или закупленное на жертвованныя деньги Досифеемъ.

Раздача оружія подходила къ концу.

Толпившіеся у кладовыхъ люди въ кафтанахъ, полушубкахъ и чуйкахъ, тутъ же на дворѣ одѣвали сверхъ чуекъ и кафтановъ кольчуги и брони, сбрасывали полушубки, свертывали ихъ и связывали поясами, и вмѣсто полушубковъ облекались въ ватные тигиля съ нашитыми на нихъ *латами*—мѣдными или желѣзными дощечками.

А связанные свои полушубки передавали монахамъ въ кладовыя и говорили:

— На, отецъ, сунь тамъ гдѣ-нибудь.

Потомъ отходили на свое мѣсто и пристегивали сабли или насыпали въ мушкеты порохъ и заколачивали пули.

Сѣрая толпа принимала воинственный видъ, разгоралась блескомъ латъ и панцырей... И наконецъ, только одни эти панцыри и латы всюду горѣли на дворѣ въ яркихъ солнечныхъ лучахъ.

Пока у кладовыхъ шла раздача оружія, Досифей и Пожарскій взобрались на монастырскую колокольню, на самый верхъ подъ колокола.

Отсюда былъ хорошо виденъ кремль.

Тамъ тоже сверкали панцыри.

Изъ кремлевскихъ воротъ выѣзжала польская конница, выходили правильными четыреугольниками отряды нѣмецкой пѣхоты...

На площади стояли пушки.

Досифей посмотрѣлъ на Пожарскаго.

— А что, князь?

Пытливо онъ смотрѣлъ на него. И потомъ добавилъ:

— Семь тысячъ ихъ...

Пожарскій нахмурился.

— Говорилъ ужъ,—произнесъ онъ—да я и такъ вижу, что ихъ и сейчасъ больше, чѣмъ насъ.

Досифей хотѣлъ что-то сказать, но Пожарскій въ эту минуту повернулся къ нему, переставъ глядѣть на строившихся у кремлевскихъ стѣнъ поляковъ и нѣмцевъ.

— Все равно, — сказалъ онъ, — я не отступлюсь отъ своего...

Брови у него были сдвинуты и онъ еще больше сдвинулъ ихъ, глядя на Досифея.

— Не отступлюсь,—повторилъ онъ—мое дѣло—начало. Думаешь, я не знаю, что мнѣ тутъ конецъ?

Досифей немного поблѣднѣлъ.

— Богъ милостивъ,—началъ было онъ, и тутъ у него мелькнула мысль, что онъ бесѣдуетъ сейчасъ съ обреченнымъ почти на вѣрную гибель человѣкомъ.

Онъ отвелъ глаза въ сторону.

А Пожарскій продолжалъ:

— И многимъ тоже конецъ... Вонъ сколько ихъ тамъ на дворѣ... Человѣкъ сотъ пять... У тебя же исповѣдались и говѣли... Думаешь, они не знаютъ, что—конецъ...

— Ну хотя не всѣ,—сказалъ Досифей. Холодомъ пахнуло ему на сердце.

— Зачѣмъ всѣ?—повторилъ онъ.

— Что не всѣ?

— Которые и цѣлы останутся...

— Да не про то я!—воскликнулъ Пожарскій.—Можетъ и я живъ останусь. Я говорю зачѣмъ исповѣдались и причастились? Потому что—на смерть... Вотъ я про что говорю. На казнь! Ты это пойми! Всѣ они знаютъ...

— Еще вывезли пушки,—сказалъ Досифей, глядя внизъ черезъ перила. — А это... Погоди, должно, самъ Гонсевскій.

— Ну и пусть его!—крикнулъ Пожарскій.—Гдѣ?

— А вонъ.

— Онъ, такъ, онъ... Все равно и ему не жить и этимъ вонъ... И нѣмцамъ тоже. Ты вѣдь посуди: ихъ семь тысячъ, а въ Москвѣ сколько народу?

Опять онъ сдвинулъ брови.

Помолчавъ минуту, онъ продолжалъ:

— Кому-нибудь надо... Говорятъ, когда Сапѣга стоялъ подъ Лаврой, двое лаврскихъ на вылазкѣ провалились въ подкопъ. А въ подкопѣ бочки съ порохомъ. На другой день ихъ можетъ по подкопу подкатили бы подъ лавру. Взяли эти двое и подожгли порохъ. Тоже и наше дѣло. Сейчасъ Москва какъ порохъ. Зажги только фитили—и духу ихъ не останется.

Щеки у него загорѣлись румянцемъ. Глаза блестѣли.

— На то и идемъ,—продолжалъ онъ.—Пусть всѣхъ перебьютъ. Развѣ тѣ двое, что въ подкопѣ, себя жалѣли? И я себя не жалѣю. Нуженъ огонь, и вотъ онъ.

И онъ посмотрѣлъ на Досифея такъ, какъ будто хотѣлъ ему показать всего себя, свою душу. Даже руки онъ поднесъ къ груди, какъ будто для того, чтобы растегнуть на груди кольчугу.

— Вотъ я! весь тутъ!—выкрикнулъ онъ голосомъ дѣйствительно полнымъ огня и съ этимъ огнемъ оторвавшимся отъ сердца.—Берите, когда нужно! Вашъ! За васъ, за всѣхъ... Смерть, такъ смерть! А Москву подыму! Это же вѣдь твои слова, что Москва сейчасъ, какъ порохъ, я ихъ у тебя взялъ. Они порохъ, а я огонь.

Онъ повернулся опять въ сторону кремля.

— Пусть только попробуютъ что-нибудь... Отецъ Досифей!

— А?

— А вѣдь народу-то нѣтъ... Теперь бы ужъ надо, чтобы собирались. Бывало прежде... Отецъ Досифей, вѣдь теперь ужъ пора-бы собираться народу?

— Да, ужъ пора.

XX.

Игуменъ монастыря хорошо понималъ, что, само собою разумѣется, Пожарскому одному не справиться съ поляками.

Всего народу у Пожарскаго было человѣкъ пятьсотъ, не болѣе.

Большая часть изъ нихъ были пришлые, жили они въ монастырѣ ужъ давно, на полномъ монастырскомъ иждивеніи.

Гдѣ ихъ набралъ Пожарскій, Досифей не зналъ.

Каждый день послѣ обѣдни и вечерни онъ находился въ церковныхъ придѣлахъ. Ну, небольшія кучки «странныхъ» людей съ котомками за плечами.

Они говорили Досифею:

— Мы отъ князя...

И Досифей размѣщалъ ихъ въ монастырѣ, гдѣ было можно: въ трапезной, въ монашескихъ кельяхъ.

Потомъ явился Пожарскій.

Развязка дѣла, затѣяннаго княземъ Дмитріемъ, сразу стала близка. Но только сегодня, стоя но колокольнѣ и глядя на волнующіеся, сверкающіе доспѣхами ряды польской пѣхоты и конницы Досифей все себѣ ясно представилъ.

Пожарскій говорилъ ему, что не одинъ онъ собираетъ въ Москвѣ людей. Онъ упоминалъ Бутурлина и Колотовскаго, съ которыми онъ уже успѣлъ повидаться на другой день послѣ своего прибытія въ Москву.

У Колотовскаго было сто человѣкъ, у Бутурлина около двухсотъ. Затѣмъ князь Дмитрій расчитывалъ и на стрѣльцовъ.

Но начать долженъ былъ онъ со своимъ полкомъ, съ этими 500 человѣками.

Ночью намѣревался онъ напасть на Бѣлый городъ, завладѣть хоть двумя-тремя башнями, ударить въ набатъ.

Набатъ будетъ сигналомъ къ общему возстанію. Въ Москвѣ около трехсотъ тысячъ жителей, а поляковъ всего семь тысячъ. Кровопролитіе, конечно, будетъ большое. Но врядъ ли семь тысячъ устоятъ въ ночной борьбѣ противъ цѣлаго города, какъ плохо ни были-бы вооружены его жители.

Никакихъ плановъ у него не было, кромѣ одного этого плана завладѣть башнями и стоящими въ нихъ пушками.

Сдѣлать нападеніе на башни онъ хотѣлъ не раньше, какъ станетъ извѣстно, что идущее къ Москвѣ земское ополченіе совсѣмъ близко.

Больше онъ ни о чемъ не думалъ.

Ни разу Досифей не подмѣтилъ въ немъ хотя-бы слабой тѣни страха или неувѣренности.

Даже въ это жуткое Вербное воскресенье, когда поляки строились передъ кремлемъ въ боевой порядокъ, онъ оставался все тѣмъ-же. На помощь отъ земскаго ополченія сейчасъ нечего было расчитывать. По послѣднимъ извѣстіямъ подъ Москвой оно могло появиться только въ среду или въ четвергъ на Страстной недѣлѣ.

Но Пожарскій рѣшилъ все равно ударить на поляковъ, если случится что-нибудь на Красной площади, во время «шествія на осляти».

Его планъ и сейчасъ оставался все тотъ-же: завладѣть башнями Бѣлаго города, гдѣ стояли пушки.

Онъ хотѣлъ только теперь вывести изъ монастыря не весь свой отрядъ, а половину. Другую-же половину—оставить въ монастырѣ на случай неудачи въ Бѣломъ горо, чтобы было куда отойти.

Монастырь самъ по себѣ представлялъ надежную к пость и если-бы удалось завладѣть хотя одной башней

Бѣломъ городѣ, Пожарскій имѣлъ-бы уже два опорныхъ пункта—эту башню и монастырь.

Въ Москвѣ хотя и прошелъ слухъ, что въ нѣсколькихъ церквахъ найдены грамоты патріарха съ предостереженіемъ въ Вербное воскресенье не выходить изъ домовъ,—ни князь Дмитрій, ни Досифей не были твердо увѣрены, что этотъ день пройдетъ спокойно.

Больше часа они оставались на колокольнѣ.

Они видѣли процессію «шествія на осляти».

Патріарха сопровождало только духовенство, да небольшая кучка бояръ.

Народа не было.

Все время, пока двигалась процессія, площади, улицы и переулки прилегающіе къ кремлю и къ Китай-городу оставались пустыми. Только польскіе полки стояли рядами.

— Ничего, значитъ, не будетъ,—сказалъ Пожарскій.

Досифей перекрестился.

— Слава тебѣ, Господи.

Когда спускались внизъ по темной лѣстницѣ, Досифей спросилъ:

— Князь, а ты хорошо помнишь, что, когда былъ въ салтыковскомъ подземельѣ, такъ опустилъ творило?

— Самъ опустилъ. А что?

— Такъ. Я все думаю, знаетъ онъ про этотъ ходъ или нѣтъ?

— Должно быть, нѣтъ.

— Въ случаѣ чего обязательно нужно будетъ его домъ захватить. Вѣдь онъ въ немъ почти не живетъ.

— Какъ не живетъ?

— Такъ. У него другой поближе туда, къ Китай-городу.

— А въ этомъ?

— Въ этомъ такъ... Одна дворня. Онъ вѣдь ему достался по наслѣдству.

— Знаю. Самого бы его на цѣпь. Да тоже не хуже какъ они этого монаха—каленымъ желѣзомъ... Что онъ сейчасъ?

— Монахъ?

— Да.

— Ничего. Пластырь ему сдѣлалъ. Теперь легче. Сылычъ за нимъ ходитъ, стрѣлецъ Өедоръ. Ты, князь, какъ насчетъ стрѣльцовъ думаешь?

— Сами не начнутъ. А начать кому—пристанутъ.

— Только-бы Ляпуновъ скорѣй подошелъ. Ты сказывалъ сколько у нихъ? Триста тысячъ?

— Триста.

— Это много. А только опять скажу: Заруцкаго не зачѣмъ было принимать.

— А куда-же его дѣвать? Не прими—намъ-же сталъ бы портить.

— Воръ—народъ.

— Знаю, что воръ.

Они были уже у выходной двери.

Досифей, шедшій впередъ, толкнулъ ее и вышелъ на каменное крыльцо о двухъ ступеняхъ. Онъ остановился здѣсь и, щурясь отъ солнца, сказалъ:

— Благодать-то Господь какую посылаетъ. Скоро гляди и пахать пора. И пчелъ-бы надо выставлять.

XXI.

Пожарскій только въ Москвѣ узналъ, что здѣсь уже составилось нѣсколько отрядовъ, изъ жителей, хорошо вооруженныхъ и вполнѣ готовыхъ къ бою.

Съ двумя начальниками этихъ отрядовъ, Бутурлинымъ и Колотовскимъ, онъ даже успѣлъ повидаться.

Бутурлинъ и Колотовскій увѣряли его, что достовѣрно имъ это неизвѣстно, но слыхали они стороной о другихъ такихъ-же какъ у нихъ небольшихъ дружинахъ, собранныхъ разными людьми и въ разныхъ частяхъ города.

А Колотовскій отъ себя прибавилъ, что недавно къ его

дружинѣ примкнула партія въ пятнадцать человѣкъ—всѣ съ одной улицы.

Колотовскій высказывалъ предположеніе, что и всюду такъ по Москвѣ сходятся люди, кому есть на что вооружиться, и когда начнется дѣло, не будутъ, разумѣется, сидѣть сложа руки, а пока про этихъ людей ничего не узнаешь — развѣ случайно... Сейчасъ всѣ затаились, ждутъ ополченскихъ полковъ.

Разсказывалъ еще Колотовскій, что собираются въ партіи московскіе жители, сообразно тому, кто какъ вооруженъ. Кто побѣднѣй и значитъ ведетъ знакомство съ бѣдными людьми, имѣетъ возможность запастись только кованой дубиной или рогатиной, тотъ такъ уже и держится своихъ, тоже такихъ же, какъ онъ самъ, дубинниковъ и рогатниковъ.

А кто побогаче, смыкаются въ отряды панцырниковъ и пищальниковъ.

О томъ, что дѣйствительно имѣются такія партіи, можетъ быть безъ предводителей и можетъ числомъ въ десять-пятнадцать человѣкъ, Пожарскій и самъ убѣдился вечеромъ Вербнаго воскресенья.

Пришелъ въ этотъ вечеръ въ монастырь человѣкъ, одѣтый въ стеганую ватную чуйку, и попросилъ проводить его къ отцу Досифею. Назвался онъ Яшкой Чалымъ и разсказалъ Досифею, что ему извѣстно о сборахъ въ монастырѣ на оружіе, и что можетъ быть Досифей укажетъ ему кого-нибудь, кто снялъ бы допросъ съ одного поляка, захваченнаго имъ, Яшкой Чалымъ, да еще четырьмя московскими жителями, на рѣкѣ Синичкѣ.

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ выяснилось, что Яшка Чалый и его товарищи отхватили пятерыхъ польскихъ конниковъ, завязшихъ въ болотѣ, четырехъ убили, и тамъ же на болотѣ закопали, а пятаго посадили въ картофельную яму въ огородахъ. Поляки ѣхали не изъ Москвы, а въ Москву, именно одного изъ нихъ и не стали убивать: его

нужно допросить, изъ какихъ онъ, изъ здѣшнихъ ли поляковъ или можетъ быть съ поля къ Гонсевскому идетъ подмога и эти пятеро выѣхали впередъ искать дороги.

Захваченнаго поляка допросилъ самъ Пожарскій и узналъ отъ него, что передовые полки земскаго ополченія будутъ въ Москвѣ къ вечеру въ понедѣльникъ на Страстной недѣлѣ... Какъ оказалось, въ руки Яшки Чалаго и его товарищей попался одинъ изъ польскихъ разъѣздовъ, посланныхъ Гонсевскимъ развѣдать объ ополченцахъ и, если окажется возможность, захватить языка.

Языка поляки достали безъ особенныхъ хлопотъ, наткнувшись въ одной деревушкѣ на задержавшагося тамъ донского казака изъ отряда Заруцкаго.

Казакъ тутъ же имъ все и разсказалъ.

И Яшка Чалый и его товарищи, разумѣется, примкнули къ полку Пожарскаго и обѣщали привести еще человѣкъ десять.

Когда по Москвѣ разнесся слухъ, что ополченіе близко, (а случилось это въ понедѣльникъ на Страстной), всѣ до того времени затаившіеся и угрюмо молчавшіе люди подняли голову.

На улицахъ полякамъ не уступали дороги, на ихъ ругань отвѣчали такой же руганью.

А если поляки хватались за сабли, на нихъ тоже наводили пистолеты или подбѣгали къ изгородямъ и начинали раскачивать колья.

Поляки видѣли злобные взгляды, слышали злобные голоса...

Жители, попадавшіеся имъ навстрѣчу, шли не въ одиночку, а больше кучками.

Отдѣльно отъ жителей кое-гдѣ тоже кучками стояли стрѣльцы и если разступались, чтобы дать дорогу, то нехотя.

И опять поляки слышали позади себя злобные, отрывистые голоса и злобный смѣхъ.

До сихъ поръ они не видѣли никогда столько народу на площадяхъ, на улицахъ и въ переулкахъ.

Къ вечеру стало еще люднѣй.

Когда въ церквахъ окончились вечерни, многіе не хотѣли выходить изъ церквей и просили не гасить свѣчей и лампадъ.

Царскія врата закрылись, причтъ разошелся, но молящіеся оставались на своихъ мѣстахъ, опускались на колѣни, клали поклоны, громко шептали молитвы.

Но на улицахъ уже собрались цѣлыя толпы... Только старики остались въ церквахъ подъ темными, низкими сводами, все больше темнѣвшими по мѣрѣ того, какъ догорали свѣчи.

Заря потухла. Стемнѣло.

Самъ Гонсевскій проскакалъ по улицамъ. Съ нимъ было около сотни конниковъ.

Впереди двое конниковъ свѣтили факелами.

Поляки скакали съ обнаженными саблями.

Когда издали блестѣли факелы и слышался лошадиный топотъ, люди толпившіеся на улицахъ отходили въ ворота и въ переулки... Но человѣческая волна отступала, какъ настоящая морская волна, когда собирается буря—съ грознымъ неумолкающимъ ропотомъ... Въ ея темной массѣ при свѣтѣ факеловъ Гонсевскій нѣсколько разъ замѣтилъ хорошо ему знакомый тусклый блескъ желѣзныхъ кольчугъ.

Онъ вернулся въ кремль. Тамъ ожидалъ его Салтыковъ.

Онъ сказалъ Салтыкову:

— Кажется, повылѣзли...

Лицо у Салтыкова было испуганное и блѣдное.

Гонсевскій взглянулъ на него пристально и спросилъ:

— Ты чего?

Салтыковъ отвѣтилъ:

— Боюсь не нарваться бы намъ. Сейчасъ тоже тамъ былъ Молчановъ. Сказываетъ, въ дружины собираются. Какіе и не знали другъ друга—теперь узнали. Еще говоритъ, Пожарскаго князя видѣлъ... Въ кольчугѣ... Ой, панъ,

гляди... Значитъ и Ляпуновъ съ ополченіемъ теперь недалеко. Откуда онъ взялся?

— Кто?

— А Пожарскій... Молчановъ говоритъ, онъ всѣмъ и орудуетъ.

И нерѣшительно добавилъ, поигравъ пальцами въ бородѣ:

— Отрядить бы, сколько тамъ народу, да заманить его...

XXII.

Тревожно прошла ночь.

Польскіе отряды ѣздили изъ улицы въ улицу, свѣтя факелами.

Съ минуты на минуту, Гонсевскій, стоя въ кремлѣ на башнѣ, ожидалъ выстрѣловъ и криковъ предвѣщающихъ начинающуюся свалку.

Но было тихо.

Дворяне, близкіе Салтыкову, принесли подъ утро извѣстіе, что Пожарскій медлитъ начинать дѣло только потому, что ополченіе, котораго Пожарскій ожидалъ еще къ полуночи, до сихъ поръ не даетъ о себѣ слуха.

Эти-то салтыковскіе дворяне подтвердили свѣдѣнія, добытыя Молчановымъ, что жители дѣйствительно собираются въ дружины и что съ каждымъ часомъ вооруженныхъ людей становится все больше и больше на улицахъ.

Развѣло.

Гонсевскій не уходилъ съ башни.

Вдругъ въ сторонѣ Китай-города гулко прокатился мушкетный выстрѣлъ и раздались крики.

Гонсевскій сошелъ съ башни и велѣлъ подать коня.

Въ Китай-городѣ повидимому началось настоящее сраженіе. Крики усилились. То и дѣло бухали мушкеты.

Когда въ сопровожденіи небольшого отряда Гонсевскій проскакалъ черезъ площадь и повернулъ въ одинъ изъ пе-

реулковъ Китай-города, онъ увидѣлъ своихъ драгунъ построившихся въ боевой порядокъ.

Драгуны стрѣляли изъ пистолетовъ. Ихъ было немного, не болѣе сотни.

Въ отвѣтъ на пистолетные выстрѣлы грохотали мушкеты.

Огромная толпа насѣдала на драгунъ. Въ дыму выстрѣловъ сверкали поднятыя вверхъ аллебарды, рогатины, пики.

Неожиданно мушкеты захлопали сверху по обѣимъ сторонамъ переулка изъ оконъ и чердаковъ.

Драгуны стали выѣзжать изъ рядовъ: многіе были ранены.

Гонсевскій велѣлъ было отступать, но драгуны были озлоблены.

Они дѣйствительно отошли, но только для того, чтобы очистить себѣ мѣсто для атаки. Во время отступленія двое изъ нихъ были сбиты съ коней и сейчасъ-же въ толпѣ раздались злобные торжествующіе крики. Надъ упавшими замелькали топоры и сѣкиры. Драгуны дали залпъ изъ пистолетовъ и бросились въ сабли.

Толпа не могла выдержать ихъ стремительнаго натиска и подалась назадъ. Теперь вмѣстѣ съ сѣкирами и топорами заблестѣли сабли...

И черезъ минуту сабли были уже далеко впереди: однимъ дружнымъ усиліемъ поляки врубились въ толпу и прорѣзали ее всю насквозь.

На улицѣ валялись раненые и затоптанные конями, слышались стоны.

Драгунъ теперь не было видно.

Только блестѣли острія ихъ сабель и слышался топотъ ихъ коней.

Стоя у входа въ переулокъ съ маленькимъ конвоемъ, противъ запрудившихъ переулокъ сотенъ людей вооруженныхъ топорами, рогатинами и дубинами, Гонсевскій кричалъ:

— Расходитесь по домамъ! Эй, слышите!

Онъ былъ въ блестящемъ посеребренномъ панцырѣ и поднялся на стременахъ, чтобы его видѣли и въ заднихъ рядахъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ черезъ головы онъ глядѣлъ въ глубину переулка туда, куда послѣ атаки унеслись драгуны.

Онъ ожидалъ повторной атаки. Онъ отчетливо слышалъ топотъ коней по переулку и опредѣлялъ по этому топоту, продолжаютъ-ли драгуны скакать въ прежнемъ направленіи или они уже повернули назадъ.

Вдругъ топотъ стихъ сразу.

Рѣзкій звукъ рожка донесся съ конца переулка и вслѣдъ затѣмъ грянулъ тамъ оглушительный залпъ.

Гонсевскій сразу понялъ, что это стрѣляетъ пѣхота изъ мушкетовъ.

Снова затопотали лошади по переулку, толпа наполнявшая переулокъ раздалась на двѣ стороны и Гонсевскій увидѣлъ своихъ драгунъ скакавшихъ во весь опоръ.

Они неслись теперь не по четыре въ рядъ, какъ раньше, когда атаковали, а какъ попало, пригнувшись къ шеямъ коней.

Нѣкоторые стрѣляли оборачиваясь назадъ изъ пистолетовъ.

Тамъ и тутъ въ смѣшавшихся рядахъ бѣжали лошади безъ всадниковъ.

Командовавшій отрядомъ офицеръ кричалъ:

— Стой! Стройся!

Онъ вдругъ придержалъ лошадь и повернулъ ее такъ, чтобы она стала поперекъ переулка.

Поднимая саблю, онъ закричалъ опять!

— Стой!

— Что тамъ случилось?..—крикнулъ ему Гонсевскій.

Драгуны между тѣмъ выравнивали ряды.

Офицеръ подъѣхалъ къ Гонсевскому, отдалъ честь и отвѣтилъ:

— Мы тамъ наткнулись на стрѣльцовъ.—И потомъ добавилъ тихо:

— Пане! Дѣло гораздо серьезнѣй, чѣмъ мы думали.

Весь въ крови, еле держась на лошади изъ сосѣдняго переулка, вынесся сѣдой драгунъ-вахмистръ.

Гонсевскій повернулся къ нему.

— Ты откуда?

Вахмистръ сталъ объяснять.

На Срѣтенкѣ съ башенъ жители сняли пушки и строятъ поперекъ улицы палисады изъ бревенъ и камней. Всѣ подступы туда заняты караулами съ мушкетами и пищалями. Спасся онъ самъ не знаетъ какъ: разъѣздъ, въ которомъ онъ былъ, весь перебитъ.

XXIII.

По всей Москвѣ кипѣлъ бой.

Слышались выстрѣлы одиночные и залпами.

На колокольняхъ ударили въ набатъ.

Главныя свои силы Гонсевскій сосредоточилъ на Срѣтенкѣ.

Здѣсь за наскоро срубленными палисадами стоялъ полкъ князя Дмитрія.

Нѣсколько разъ поляки кидались на приступъ.

Самъ Гонсевскій былъ здѣсь.

Бѣшено онъ кричалъ:

— Сломить ихъ во что бы то ни стало!

Драгуны шли на палисады пѣшимъ строемъ съ саблями и пистолетами въ рукахъ.

Но палисады дышали огнемъ. Пожарскій дѣйствительно успѣлъ завладѣть пушками, и теперь онѣ среди непрогляднаго тяжелаго дыма грохотали въ лицо наступающимъ, осыпая ихъ картечью.

Съ жуткимъ гудѣньемъ врѣзывались въ густые ряды ядра.

Сосредоточившись на Срѣтенкѣ, Гонсевскій этимъ далъ возможность укрѣпиться жителямъ въ другихъ мѣстахъ.

Чуть не въ каждой улицѣ толпы вооруженныхъ людей стояли стѣной, грудь съ грудью.

Гонсевскій со Срѣтенки посылалъ въ кремль за подкрѣпленіями.

Но подкрѣпленія всюду встрѣчали эти какъ изъ-подъ земли появившіяся дружины.

Гонсевскій понялъ наконецъ, что невозможно ему со своими семью тысячами отбиваться сразу въ тысячѣ мѣстахъ, какъ плохо ни были бы вооружены его противники.

Срѣтенка, гдѣ онъ отчаянно атаковалъ Пожарскаго, была полна дыма. Послѣ нѣсколькихъ безрезультатныхъ атакъ, онъ рѣшилъ еще разъ попробовать счастья.

Въѣхавъ въ ряды драгунъ, онъ самъ сталъ отдавать приказанія...

И вдругъ впереди себя въ дыму онъ различилъ сначала неясно и смутно, а затѣмъ болѣе отчетливо блескъ мѣди и стали.

Нѣсколько бородатыхъ лицъ выставилось въ слѣдующій моментъ изъ дыма, нѣсколько голосовъ закричало:

— Бей ихъ!

Раздались пистолетные выстрѣлы.

Онъ едва успѣлъ построить своихъ, чтобы встрѣтить ударъ.

— Огня!—крикнулъ онъ.

Но было уже поздно: врага приходилось принимать на саблю... Всѣ его драгуны были въ пѣшемъ строю. Многіе изъ нихъ кинулись къ лошадямъ.

Произошла суматоха.

Отбиваясь отъ нападавшихъ, драгуны стали отступать, и тутъ только поняли, что имѣютъ дѣло съ настоящими рубаками.

Незамѣтно подошедшіе къ нимъ въ дыму люди бились какъ обученные солдаты, принимали, отбивали и сами сыпали удары по всѣмъ правиламъ фехтовальнаго искусства.

Гонсевскій слышалъ, какъ кто-то у нихъ кричалъ:

— Не допускай ихъ до коней! Заходи съ боковъ.

— На коней!—крикнулъ онъ, вынулъ изъ кобура пистолетъ и искалъ въ тѣснившей его и его людей толпѣ того, кто могъ быть ея командиромъ.

Онъ слышалъ вокругъ себя звонъ и лязгъ сабель, видѣлъ иногда, какъ выбитая изъ рукъ сабля взлетала вверхъ и черезъ головы тѣсно идущихъ по обѣимъ его сторонамъ драгунъ выглядывалъ острымъ ястребинымъ взглядомъ этого нужнаго ему человѣка: князя Пожарскаго.

Онъ уже зналъ теперь кто его противникъ.

— Эй, вы!—закричалъ онъ,—а гдѣ спрятался вашъ князь?

Злоба душила его.

Онъ почти не сомнѣвался, что Пожарскій, отбивъ удачно одну за другой всѣ его атаки, теперь рискнулъ самъ атаковать его драгунъ.

Люди Пожарскаго бились молча, безъ криковъ и лишней торопливости.

Они держали себя такъ, будто напередъ были увѣрены въ побѣдѣ.

— Здѣсь я!—услышалъ онъ сквозь звонъ и лязгъ громкій молодой голосъ...

Онъ поднялъ пистолетъ.

— На это тебѣ, собака!

Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ нажать спуски онъ ощутилъ жгучую боль въ шеѣ... Онъ все-таки выстрѣлилъ изъ пистолета, хотя и не видѣлъ въ кого стрѣляетъ... Отъ боли у него потемнѣло въ глазахъ и на минуту все смѣшалось и спуталось,—поднятыя, опущенныя, разсѣкающія воздухъ или отбивающія удары сабли, головы драгунъ въ каскахъ, бородатыя лица ихъ противниковъ и это мелькнувшее впереди только на одну минуту молодое лицо тоже въ бородѣ, съ большими глазами, глядѣвшими строго и холодно изъ-подъ немного сползшаго на бокъ шлема.

Онъ только слышалъ злобный хохотъ въ той сторонѣ,

куда выстрѣлилъ, и отъ этого хохота у него осталось впечатлѣніе, что захохотавшій человѣкъ былъ вовсе не молодъ и даже какъ будто немного пришамкивалъ.

Потомъ кто-то сказалъ около него по-польски:

— Пане полковникъ! Да у васъ стрѣла въ шеѣ!..

Затѣмъ нѣсколько голосовъ закричали въ разныхъ мѣстахъ:

— Скорѣй къ конямъ!

Что было дальше, онъ плохо соображалъ. Помнилъ лишь, что онъ скакалъ между двухъ своихъ драгунъ, поддерживавшихъ его за талію, что сзади стрѣляли, что драгунамъ пришлось прорубаться сквозь какую-то громко кричавшую толпу, что наконецъ драгуны остановились.

Тутъ онъ открылъ глаза и увидѣлъ начальника дворцовой кремлевской пѣхоты, капитана Маржерта и двѣ шеренги его мушкетеровъ.

Нѣмцы цѣлились изъ мушкетовъ, положивъ ихъ на воткнутыя въ землю рогатки.

— Огонь!—крикнулъ Маржертъ...

Мушкетеры дали залпъ.

Гонсевскій осмотрѣлся. Онъ находился въ Бѣломъ городѣ на одной изъ площадей.

Сюда изъ всѣхъ переулковъ, отстрѣливаясь, выходили его солдаты, конные и пѣшіе... Много было раненыхъ.

Превозмогая боль, онъ воскликнулъ:

— Неужели мы разбиты?!.

— Нѣтъ еще!—отозвался Маржертъ, указывая мушкетерамъ саблей на колону стрѣльцовъ, вдругъ появившуюся на противуположной сторонѣ площади, и крикнулъ опять:

— Огонь!

Пока первая шеренга мушкетеровъ стрѣляла, вторая заряжала мушкеты.

Стрѣльцы тоже стали стрѣлять.

Ни на минуту не умолкалъ набатъ на сосѣднихъ и дальнихъ колокольняхъ.

Лекарь Маржерта вынулъ у Гонсевскаго стрѣлу, сдѣлавъ надрѣзъ ланцетомъ, и сталъ перевязывать рану бинтомъ смоченнымъ въ какомъ-то элексирѣ.

Затѣмъ раненому дали вина.

Блѣдный сталъ онъ взбираться на коня и увидѣлъ какъ стрѣлявшія безъ команды неправильными, прерывистыми, будто задыхающимися залпами, стрѣльцы разступались открывая дорогу пушкамъ...

Пушекъ было двѣ; ихъ тащили за канаты, привязанные къ передкамъ, и Маржертъ опустилъ саблю и скомандывалъ своимъ отступать.

Въ эту минуту въ одномъ изъ домовъ, какъ разъ напротивъ мѣста занимаемаго стрѣльцами, раздался оглушительный взрывъ. Въ воздухѣ полетѣли обломки стропилъ и балокъ и затѣмъ домъ сразу весь загорѣлся какъ сухой костеръ.

Гулко по площади прокатился пушечный выстрѣлъ. Гонсевскій слышалъ, какъ защелкала картечь по латамъ и панцырямъ.

Мимо него скорымъ шагомъ прошли солдаты Маржерта, проскакало нѣсколько драгунъ.

Вооруженныя толпы отовсюду заливали площадь стрѣляя по мушкетерамъ и драгунамъ.

Выстрѣлила вторая пушка.

Снова мимо проскакали драгуны, у нѣкоторыхъ на сѣдлахъ были раненые.

Вдругъ онъ услышалъ голосъ Салтыкова. Онъ оглянулся и увидѣлъ его. Салтыковъ былъ на конѣ въ разорванномъ кафтанѣ безъ шапки. Борода его и волосы на головѣ были опалены.

Онъ кричалъ драгунамъ:

— Стой! Жги дома! Огня скорѣй!

Онъ метался изъ стороны въ сторону, увидѣлъ наконецъ Гонсевскаго, поскакалъ къ нему.

— Огня!—закричалъ онъ, махая ему издали.

— Вѣтеръ имъ въ лицо. Вонъ, это мой домъ. Я поджегъ... Сейчасъ тоже велѣлъ Молчанову.

Гонсевскій сначала подумалъ, не помѣшался ли онъ.

Салтыковъ подъѣхалъ къ нему совсѣмъ близко и крикнулъ:

— Гляди! Вонъ еще!..

По эту сторону площади горѣло уже нѣсколько домовъ. Вѣтеръ дѣйствительно гналъ дымъ прямо въ лицо нападавшимъ.

Гонсевскій теперь его понялъ.

— Жги дома!—закричалъ и онъ тоже драгунамъ, загораживая дорогу бѣгущимъ.

Кажется, и драгуны его теперь поняли. Они бросились въ дворы... Черезъ нѣсколько минутъ дома вокругъ площади запылали.

Пламя перебросилось въ сосѣдніе переулки и улицы.

Наступавшія изъ переулковъ дружины поневолѣ остановились: цѣлое море огня бушевало впереди нихъ. На головы сыпались искры и обломки пылавшихъ бревенъ.

Со всѣхъ сторонъ рушились крыши и заваливались стѣны. Ѣдкій дымъ не давалъ свободно дышать.

Подъ прикрытіемъ этого огненнаго моря поляки отступали частью въ кремль, частью заняли дома въ Китайгородѣ.

На время всюду прекратили стычки.

Нужно было тушить пожаръ, охватившій уже весь Бѣлый городъ и разливавшійся все дальше по узкимъ застроеннымъ почти одними деревянными домами переулкамъ.

И поляки тоже бездѣйствовали,—итти снова въ бой значило бы итти въ огонь, по улицамъ, засыпаннымъ пылавшимъ углемъ и горячимъ пепломъ, полнымъ смрада и дыма.

Наступилъ вечеръ и затѣмъ ночь.

Только къ утру пожаръ сталъ утихать.

Тогда изъ кремля вышелъ Маржертъ съ своими мушкетерами и отрядомъ польской конницы.

Гонсевскій рѣшилъ не тратить людей больше понапрасну и выгнать изъ Москвы жителей огнемъ, сжечь весь городъ.

Онъ поручилъ это Маржерту.

Стоя съ Салтыковымъ на Спасской башнѣ, онъ видѣлъ, какъ за сожженнымъ вчера Бѣлымъ городомъ опять запылали дома.

Мушкетеры залпами стрѣляли въ огонь.

Они подвигались впередъ шагъ за шагомъ, по мѣрѣ того какъ догорали дома.

Столбы огня колыхались впереди нихъ, сливаясь въ огненную завѣсу, все удалявшуюся.

Они шли по обуглившимся дымящимся развалинамъ, за этой завѣсой, черные отъ дыма и копоти... И когда огонь ослабѣвалъ, Маржертъ кричалъ:

— Впередъ!

И кидалъ самъ головни на чердаки и крыши.

По-прежнему гудѣлъ набатъ.

Но ужъ невозможно было ни тушить пожаръ, ни защищаться... Пламя разлилось на огромное пространство. Горѣлъ весь городъ. Весь городъ сталъ гигантскимъ костромъ.

Толпы обезумѣвшихъ отъ ужаса людей бѣжали по улицамъ, спасаясь отъ огня на пустыри или уходя совсѣмъ изъ города за заставы.

Сквозь огонь имъ вслѣдъ грохотали выстрѣлы.

— Огонь!—командовалъ Маржертъ указывая на нихъ саблей.

Къ полудню все кончилось. Умолкъ набатъ. Только шумѣло и гудѣло пламя... Ни одной живой души теперь не было на улицахъ...

Маржертъ вернулся въ Кремль.

Салтыковъ спросилъ у него о Пожарскомъ.

Онъ отвѣтилъ:

— Мы обошли его со всѣхъ сторонъ. Должно быть онъ сошелъ съ ума отъ страха, потому что когда у него осталось всего человѣкъ двадцать, онъ велѣлъ отступать въ горѣвшій домъ... Тамъ они должно быть всѣ и сгорѣли.

XXIV.

Маржертъ говорилъ правду. Пожарскій дѣйствительно былъ ими обойденъ.

Отъ упавшей между пушками головни у него взорвались картузы съ порохомъ.

Взрывъ разрушилъ палисады и бывшая съ Маржертомъ конница бросилась въ атаку.

Атаку Пожарскій отбилъ, но самъ былъ жестоко израненъ въ этой схваткѣ, причемъ понесъ большую убыль въ людяхъ.

Въ продолженіе почти часа мушкетеры стрѣляли по немъ залпами, послѣ чего онъ отступилъ въ сосѣдній переулокъ и укрылся, какъ разсказывалъ Маржертъ, въ горѣвшемъ домѣ.

Нѣкоторое время онъ отстрѣливался изъ оконъ.

Но скоро выстрѣлы прекратились... Объятый пламенемъ со всѣхъ сторонъ домъ рухнулъ.

Маржертъ не зналъ только, что домъ, куда Пожарскій отступилъ, принадлежалъ Салтыкову. Затѣмъ онъ ошибся относительно числа оставшихся у Пожарскаго воиновъ: ихъ было не двадцать, а около сотни.

Ни одинъ изъ нихъ не погибъ въ пламени, такъ какъ князь Дмитрій успѣлъ во-время воспользоваться подземнымъ ходомъ, уже извѣстнымъ читателю.

Занялъ Пожарскій Салтыковскій домъ своими людьми еще наканунѣ, оставивъ тамъ съ полсотни человѣкъ подъ командой Силыча...

Силычъ не давалъ горѣть дому, пока была возможность, а когда стало съ огнемъ трудно бороться, далъ знать объ этомъ своимъ.

Силычу же потомъ пришлось добывать коней для Пожарскаго, для себя и еще для двухъ воиновъ...

Ночью, вмѣстѣ съ двумя этими воинами, Силычъ увезъ Пожарскаго въ Сергіевскую Лавру.

Дорогой князь Дмитрій то бредилъ, то впадалъ въ забытье... Слабъ онъ былъ такъ, что Силычъ долженъ былъ взять его къ себѣ въ сѣдло.

Бредъ у него начался еще въ подземельѣ, гдѣ ему пришлось пробыть нѣсколько часовъ въ ожиданіи, пока Силычъ приведетъ лошадей.

Пока шелъ бой, онъ еще держался на ногахъ и нашелъ въ себѣ достаточно силы распоряжаться обороной Салтыковскаго дома тѣ нѣсколько минутъ, пока его люди спускались въ подземелье.

Когда въ подземельѣ ему стали перевязывать раны, онъ потерялъ сознаніе и потомъ ужъ почти ничего не помнилъ.

Очнулся онъ въ сводчатой комнатѣ, на широкой лавкѣ, застланной медвѣжьей шкурой.

У ногъ сидѣлъ Силычъ.

Онъ его позвалъ:

— Силычъ!..

И сталъ оглядывать комнату. Онъ обратилъ вниманіе на аналой въ углу и большой образъ въ золотой ризѣ.

— Гдѣ я?

Силычъ ему объяснилъ.

Онъ удивился и встревожился когда узналъ, что лежитъ въ Лаврѣ ужъ четвертую недѣлю. Приподнялся на локтѣ и опять опустился на подушки.

— А что тамъ?—спосилъ онъ и закрылъ глаза.—Какъ въ Москвѣ?

— И-и... Лучше не спрашивай!

— Говори,—выговорилъ Пожарскій, все не открывая глазъ и такъ, будто говорить ему было невыносимо трудно, будто отъ этого поднималась жестокая боль. — Что ополченіе?..

— Да что! Казаки опять грабить стали по дорогамъ!..

Онъ чуть-чуть пріоткрылъ глаза и съ тѣмъ же выраженіемъ боли въ лицѣ положилъ на лобъ руку.

— Казаки? Заруцкаго люди?

— Его... Говорятъ, не ладно у него съ Ляпуновымъ...

— А Гонсевскій?

Силычъ отвелъ глаза въ сторону и мрачно глядѣлъ въ полъ.

— Ну?

— Ничего не вышло,—отвѣтилъ онъ и потупился.

Пожарскій снова приподнялся на локтѣ и снова медленно опустился на подушки. Глаза его были широко открыты.

— Какъ ничего?

— Такъ... Москва все за ними. Какъ сидѣли въ Кремлѣ, такъ и сидятъ. Сапѣга еще недавно къ нимъ пробился... Говорятъ... Да ты что, князь?..

Пожарскій лежалъ блѣдный, съ закрытыми глазами...

Силычъ засуетился... Схватилъ полотенце, намочилъ его въ уксусѣ, свернулъ и положилъ ему на лобъ...

Но онъ уже открылъ глаза.

— Говори все,—произнесъ онъ твердо.—Значитъ, такъ и ничего не было? Бой былъ?

— Былъ.

— Ну?

— Отбился Гонсевскій...

— А наши?

— Что-жъ наши... Стали станомъ кругомъ Москвы и стоятъ. Заруцкій съ Ляпуновымъ бранится. Казаки изъ стана на грабежъ выѣзжаютъ прямо партіями.

Онъ махнулъ рукой и умолкъ.

Послѣ этого разговора къ Пожарскому снова вернулся бредъ... Положеніе ухудшилось.

Лечили его больше мазями да растираніями. Они плохо помогали. Нѣкоторыя раны загноились и появилась опухоль.

Иной на его мѣстѣ не вынесъ бы... Но у него была крѣпкая натура. Болѣзнь мало-по-малу пошла на убыль и, наконецъ, онъ могъ встать съ постели.

На его разспросы о томъ, какъ идутъ дѣла въ Москвѣ, Силычъ долгое время отвѣчалъ очень туманно, но подъ

конецъ признался: Москва осталась за поляками. Ополченцы подъ предводительствомъ Ляпунова, Трубецкого и Заруцкаго подошли на другой день, какъ онъ былъ увезенъ въ Лавру. Ополченскія дружины обложили Москву со всѣхъ сторонъ. Но въ станѣ у нихъ съ самаго начала не было никакого порядка. Никто никого не хотѣлъ слушаться. Одни шли въ бой, другіе нѣтъ. Ежедневно происходили ссоры, драки и даже убійства. Больше всѣхъ портилъ дѣло Заруцкій съ своими казаками. Подъ конецъ онъ даже сталъ грозить, что передастся на сторону поляковъ. Ратники видѣли, что у ихъ начальниковъ нѣтъ согласія и сначала тайно, по одиночкѣ, а потомъ и открыто, цѣлыми толпами, стали покидать лагерь.

При такомъ состояніи дѣла Гонсевскому не стоило большого труда на одной вылазкѣ совершенно разбить и разсѣять ополченскіе отряды... Про этотъ послѣдній бой Силычъ разсказывалъ, что едва въ передовой линіи завязались первыя схватки, въ заднихъ линіяхъ ратники принялись сейчасъ-же собирать свой скарбъ, вьючить лошадей и уходить съ поля. Поляки только немного порубились въ передовыхъ рядахъ, а затѣмъ имъ ужъ нечего было дѣлать: пробившись въ ополченскій лагерь, они нашли тамъ только колья отъ шатровъ, да пустыя землянки...

*
* *

Разъ Силычъ, принеся Пожарскому обѣдъ съ монастырской кухни, объявилъ ему, что его желаетъ видѣть нѣкій странный человѣкъ, прибывшій въ Лавру на богомолье съ тремя слугами.

По словамъ Силыча, этотъ странникъ былъ вѣрнѣе всего изъ зажиточныхъ купцовъ, либо какой-нибудь посадскій, только не изъ бѣдныхъ.

— Ну, что-же,—сказалъ князь Дмитрій,—приведи его.

Силычъ накрылъ столъ къ обѣду, придвинулъ къ столу двѣ табуретки и ушелъ.

Нѣсколько минутъ спустя онъ вернулся въ сопровожденіи человѣка средняго роста, въ длинномъ синемъ кафтанѣ, мягкихъ козловыхъ сапогахъ съ острыми носами и въ вышитой бисеромъ круглой шапочкѣ-тюбитейкѣ на гладко обритой головѣ...

Этотъ человѣкъ, прямо какъ вошелъ, сталъ креститься на образъ широкимъ размашистымъ крестомъ, потомъ повернулся къ князю Дмитрію и поклонился ему въ поясъ.

— Можетъ, я не въ часъ?—заговорилъ онъ.—Батюшка! Такъ это ты, значитъ, и есть самый тотъ...—Онъ широко улыбнулся, сверкнувъ ровными бѣлыми зубами.—А ужъ тебя и въ поминъ записали...

— Кто ты?—спросилъ Пожарскій.

— Я-то?—опять онъ улыбнулся и отъ этой улыбки просвѣтлѣлось все его лицо, съ высокимъ яснымъ бѣлымъ лбомъ и голубыми глазами.—Про меня что говорить! Я—маленькій человѣкъ... Ты-то, слава Тебѣ Господи, живъ и здоровъ. А то прошелъ слухъ: «сгорѣлъ на пожарѣ»... Ахъ, ты Господи! И кто выдумалъ?

Онъ ни на минуту, пока говорилъ, не отводилъ глазъ отъ Пожарскаго, глядя на него въ упоръ, прямо ему въ лицо. Глаза у него блестѣли.

Пожарскій опять спросилъ у него: кто онъ и откуда?

Его гость, какъ и раньше, поклонился ему въ поясъ и отвѣтилъ:

— А я есть Козьма, по прозвищу Сухорукъ, а родомъ изъ Нижняго—посадскій человѣкъ...

Онъ выпрямился и продолжалъ:

— Былъ я здѣсь на богомольѣ и слышу, говорятъ про твою милость...

И тутъ онъ постарался изобразить выраженіе удивленія на своемъ лицѣ, очень подвижномъ и выразительномъ, даже брови приподнялъ...

— Думаю: какъ такъ?.. Поляки его сожгли... А оно вонъ

что... А для чего я твою милость обезпокоилъ, такъ это я тебѣ одному скажу...

Онъ повелъ глазами въ сторону Силыча.

— Али... можно и при немъ?

— Говори,—сказалъ Пожарскій.

Козьма Сухорукъ провелъ пальцами по бородѣ, пошевелилъ бровями и опять искоса глянулъ на Силыча и потомъ на дверь.

— Я ужъ лучше притчей,—сказалъ онъ.—Дай мнѣ, князь, сѣсть.

— Садись... Чего не сѣсть.

Пожарскій съ любопытствомъ оглянулъ его всего съ ногъ до головы.

Сухорукъ сѣлъ на одну изъ скамеекъ, приставленныхъ къ столу, сгорбился, сжалъ ладони между колѣнями и заговорилъ, глядя внизъ и наморщивъ лобъ:

— Въ нѣкоторомъ царствѣ прогнѣвали люди Господа. И наслалъ на нихъ Господь гладъ и моръ и разныя другія казни и испытанія... И наслалъ иноплеменныхъ, и пришли иноплеменные и побили женъ, и дѣтей, и мужей, и дома разорили, и утвердились въ землѣ той...

«И кто возставалъ на нихъ—и тѣхъ побивали и предавали лютымъ мученіямъ... И говорили многіе изъ вѣрныхъ: «Неисчислимы наши грѣхи и нѣсть намъ спасенія».

«И бысть нѣкій старецъ въ землѣ той, велій праведникъ и подвижникъ. И сказалъ Богъ вѣрнымъ: «Если есть хотя одинъ праведникъ въ градѣ семъ, не оскудѣетъ для того града десница моя».

«И умышляли иноплеменные извести того праведника и ввергли въ темницу и наложили желѣза... И глаголалъ праведникъ изъ темницы ко всѣмъ вѣрнымъ, и были глаголы его аки громъ Господень—по всей землѣ».

Онъ умолкъ, приложилъ руку къ глазамъ и отнялъ ее... Онъ все продолжалъ смотрѣть внизъ и вдругъ плечи у него вздрогнули нервно и содрогнулся онъ весь, встрепе-

нувшись какъ-то странно, будто вѣтеръ порывомъ прошелъ въ немъ.

Опять зазвучалъ его голосъ, теперь глухой, похожій и правда на далекій громъ... Будто гроза прошла въ его душѣ и отъ того сталъ у него такой голосъ,—словно откуда-то издали, изъ самыхъ заповѣдныхъ глубинъ его сердца.

Онъ говорилъ:

— И азъ, грѣшный, слышалъ тѣ глаголы... И исполнился ими, какъ храмъ гудѣніемъ колокола... И нынѣ не могу оставаться въ грѣхѣ и нерадѣніи... Ибо нощно и денно слышу тѣ глаголы, говорящіе во мнѣ... И сталъ азъ говорить вѣрнымъ: «Возстаньте на защиту Церкви Божіей и праведника, вверженнаго въ темницу его же, глаголы—громъ Господній. Заложите женъ и дѣтей и все, что вамъ дороже жизни и радостей, ибо нѣтъ ничего дороже отечества... И пришли вѣрніи и скоро возстанутъ...

Онъ поднялся съ табурета и вперилъ въ Пожарскаго сверкающій взглядъ.

— Уже все готово,—сказалъ онъ.

Пожарскій понялъ о чемъ онъ говорилъ такимъ страннымъ образомъ.

Онъ тоже смотрѣлъ на него, и чудилось ему, дѣйствительно принесъ въ себѣ этотъ человѣкъ какую-то грядущую грозу, и дѣйствительно говорятъ въ немъ и потрясаютъ его, подобно громовымъ раскатамъ, глаголы того страстотерпца и праведника, о которомъ онъ говорилъ сейчасъ.

Мининъ вынулъ изъ-за пазухи шелковый платокъ и развернулъ его.

Въ платкѣ былъ завернутъ листъ бумаги, весь исписанный.

— Вотъ она,—сказалъ онъ, показывая бумагу Пожарскому.—На! Вотъ и его подпись: Гермогенъ.

Весь этотъ день онъ провелъ у Пожарскаго.

Онъ говорилъ, что его сограждане уже собрали большія суммы на вооруженіе, на пушки и порохъ, и что онъ уже

отъ себя лично разсылаетъ письма въ другіе города, приглашая ихъ примкнуть къ общему дѣлу избавленія страны отъ иноплеменныхъ.

Пожарскій, слушая про эти письма, вспомнилъ опять его притчу и тѣ, говорящіе въ немъ, глаголы.

И въ письмахъ его гремѣли эти глаголы...

Черезъ недѣлю князь Дмитрій уѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ изъ Лавры.

Они заключили союзъ на жизнь и на смерть.

* *
*

Мининъ, или, какъ его еще называли, Минычъ, родомъ былъ изъ купеческой семьи, торговалъ мясомъ въ Нижнемъ на посадѣ и занималъ должность земскаго посадскаго старосты.

Старостой его выбирали ужъ нѣсколько лѣтъ подрядъ, и онъ былъ хорошо извѣстенъ и въ Приказѣ и у самого воеводы. Приказнымъ онъ даже поставлялъ мясо, и они только у него и брали окорока и поросятъ къ Рождеству и къ Пасхѣ.

Посадскіе бывали у него и въ гостяхъ тоже на Рождество и на Пасху. Онъ съ ними со всѣми дружилъ и всегда былъ радъ имъ услужить.

Грамота Гермогена попала ему совсѣмъ случайно недѣли три тому назадъ. Онъ въ тотъ день въ земскую избу не пошелъ, а остался дома, распорядиться по хозяйству, такъ какъ было нужно готовить освободившіяся отъ солонины бочки для новаго засола.

Онъ велѣлъ своимъ работникамъ выкатить эти бочки изъ подвала и смотрѣлъ, какъ они ополаскивали ихъ около колодца и обтирали внутри мятой соломой.

Колодецъ находился въ глубинѣ двора, и отъ него были видны ворота съ тесовымъ навѣсомъ, калиткой и дубовой подворотней. Ворота были на засовѣ, а калитка отперта.

Черезъ калитку виднѣлся кусочекъ улицы, густо поросшей молодой, ярко-зеленой короткой травой. Было раннее утро. Солнце только взошло. Въ травѣ на улицѣ желтѣли одуванчики.

Чья-то нога въ стоптанномъ сапогѣ, съ рыжимъ голенищемъ, переступила черезъ подворотню и потомъ въ калитку просунулась голова въ шапкѣ съ краснымъ верхомъ и стали видны отвороченные полы синяго армяка и красные жгуты на груди.

Калитка была низенькая и узенькая. Этотъ человѣкъ въ красно-верхой шапкѣ и въ армякѣ съ завороченными назадъ подъ красный шерстяной поясъ полами пролѣзъ въ нее бокомъ. И сейчасъ же какъ пролѣзъ, еще стоя одной ногой на улицѣ, началъ шарить рукой около калитки со стороны улицы. Потомъ перенесъ черезъ подворотню и другую ногу и въ то же время тащилъ за собой той рукой, которой только что шарилъ, широкую на красномъ длинномъ древкѣ алебарду, лезвіемъ впередъ.

Мининъ въ это время ходилъ между кадками и заглядывалъ въ тѣ изъ нихъ, которыя были уже ополоснуты и обтерты соломой, нагибая ихъ и поворачивая такъ и этакъ, чтобы лучше было видно.

Одинъ изъ работниковъ, выпрямившись и глядя на человѣка съ алебардой, вдругъ ярко, какъ серебро, блеснувшей всѣмъ широкимъ лезвіемъ, когда онъ, наконецъ, протащилъ ее на дворъ и поставилъ вертикально, сказалъ Минину:

— Козьма Минычъ, Василій изъ Земской пришелъ.

Мининъ поднялъ голову отъ кадки и посмотрѣлъ на работника:

— А?

Онъ не разобралъ, что сказалъ работникъ.

Тотъ повторилъ, продолжая стоять выпрямившись и глядя къ воротамъ:

— Василій изъ Земской Избы... Гляди! и съ сѣкирой...

Мининъ тоже повернулся къ воротамъ.

Василій прислонилъ алебарду къ забору, потрогалъ ее, чтобы убѣдиться, крѣпко ли она стоитъ и не упадетъ ли, снялъ потомъ шапку и, держа ее въ обѣихъ рукахъ около колѣней, низко поклонился Минину.

Мининъ махнулъ ему рукой и крикнулъ:

— Иди сюда!

Оставивъ алебарду у забора, Василій пошелъ черезъ дворъ. Онъ надѣлъ было шапку, но опять ее снялъ, когда подошелъ къ Минину.

Поклонившись такъ же низко, какъ въ первый разъ, онъ сказалъ, выпрямившись и бросивъ передъ собой короткій взглядъ туда и сюда на стоявшія всюду кадки:

— Богъ помочь. А твоей милости нужно сейчасъ въ Земскую.

— Что тамъ?—спросилъ Мининъ.

Онъ тоже, какъ и его приказчики, былъ въ фартукѣ и съ засученными рукавами. Нагнувшись, онъ захватилъ уголъ фартука и вытиралъ о него руки, глядя на Василія.

Глаза у Василія приняли вдругъ сосредоточенное выраженіе, брови сдвинулись и лобъ надъ бровями у переносицы наморщился.

Онъ сказалъ, вздернувъ плечи:

— Кто его знаетъ, что за человѣкъ. Присталъ вчера съ вечера у огородника Николки. А нынче прибѣгаетъ Николка, говоритъ, у него пистоль... А одѣтъ якобы странникъ въ подрясникѣ и въ шлыкѣ. Мы его и взяли. Никишка съ Ѳедькой повели въ Земскую, а я—къ твоей милости. Николка сказывалъ—многое чудно говоритъ, а что такое чудно—пусть, говоритъ, его самъ Минычъ допроситъ и я тогда буду при допросѣ.

Онъ умолкъ.

— Сейчасъ!—сказалъ Мининъ и сталъ черезъ голову снимать фартукъ. Фартукъ былъ фасономъ вродѣ тѣхъ, какіе носятъ кузнецы и такой же длинный, совсѣмъ закрывавшій ноги.

Снявши фартукъ, онъ сложилъ его и взявъ подмышку опять сказалъ Василію:

— Сейчасъ. Ты постой тутъ.

Онъ былъ въ бѣлой рубахѣ косовороткѣ, безъ пояса и въ такихъ же бѣлыхъ штанахъ изъ домодѣльной холстины. Сапогъ на немъ тоже не было.

Широко и торопливо шагая съ фартукомъ подъ мышкой, онъ направился по тропинкѣ, протоптанной отъ колодца къ крыльцу дома.

Въ одно изъ окошекъ въ домѣ, которыхъ всѣхъ было три и которыя всѣ были открыты, высунула голову женщина въ бѣломъ полотняномъ платкѣ, заколотомъ подъ подбородкомъ, оперлась руками о подоконникъ и крикнула:

— Это изъ Земской?

— Да,—отвѣтилъ ей Мининъ на ходу.

Женщина стала смотрѣть на Василія. Василій ей кланялся. Работники Минина одинъ по одному отходили отъ своихъ бочекъ и направлялись къ нему. Какъ и Мининъ, они тоже были босые. У каждаго въ рукѣ былъ пучекъ мятой мокрой соломы.

Они всѣ разомъ начали разспрашивать Василія, обступивъ его. Онъ поворачивался то къ тому, то къ другому и отвѣчалъ.

Женщина въ бѣломъ платкѣ, прислушиваясь къ тому, что они говорятъ, повернула голову къ нимъ ухомъ и пальцемъ сдвигала съ уха край платка.

Но было плохо слышно: они говорили вполголоса.

Еще одна женская голова, гладко повязанная чернымъ платкомъ, выставилась изъ другого окошка. Эта женщина была старуха съ круглымъ лицомъ и круглыми глазами. Платокъ на ней былъ шелковый, очень большой, покрывавшій ея плечи и грудь какъ монашеская мантія.

Поглядѣвъ на столпившихся около Василія работниковъ, она еще больше выставилась изъ окна и сказала женщинѣ въ бѣломъ платкѣ, повернувшись къ ней:

— Это Васька что-ль изъ Земской?

Окна, изъ которыхъ онѣ обѣ глядѣли, были рядомъ и разстояніе между окнами было маленькое.

— Васька,—отвѣтила ей женщина въ бѣломъ платкѣ.

Мининъ въ это время поднялся по ступенькамъ крыльца и вошелъ въ сѣни.

— За Кузей?—спросила старуха.

Кивнувъ головой, женщина въ бѣломъ платкѣ отвѣтила:

— За нимъ.

Когда въ сѣняхъ стукнула дверь, обѣ онѣ отстранились отъ оконъ, ихъ не стало видно.

Старуха была мать Минина, а молодая въ бѣломъ платкѣ его сестра.

Они потомъ, когда Мининъ одѣлся въ обычное свое платье, въ какомъ ходилъ въ Земскую избу, вышли его проводить на крыльцо.

Въ рукахъ у его матери былъ небольшой вѣничекъ для чистки платья: она этимъ вѣничкомъ, задержавъ его на крыльцѣ, смахнула нѣсколько пушинокъ приставшихъ къ его кафтану на плечахъ и около воротника.

Воротникъ у кафтана былъ высокій, стоячій, расшитый краснымъ шелкомъ. Самъ кафтанъ былъ темно-синій, на красной подкладкѣ съ темно-красными жгутами на груди.

На ногахъ были синіе же шаровары и сапоги изъ мягкой козловой кожи, на низкихъ каблукахъ, съ острыми носами.

Пока мать сзади обмахивала вѣничкомъ его кафтанъ, сестра подала ему палку, отдѣланную перламутромъ и съ острымъ желѣзнымъ наконечникомъ и набалдашникомъ слоновой кости.

Кафтанъ былъ растегнутъ и подъ нимъ виднѣлась красная шелковая рубаха, подпоясанная гаруснымъ поясомъ.

Съ палкой въ рукахъ Мининъ спустился съ крыльца и

пошелъ къ воротамъ, теперь уже безъ всякой торопливости, заложивъ лѣвую руку за спину ладонью наружу. Онъ опирался на палку, выставляя ее впередъ; она была длинная, вродѣ священническаго посоха.

Василій, какъ только увидалъ его на крыльцѣ, сейчасъ же подбѣжалъ къ воротамъ. Отворивъ тамъ пошире калитку, онъ взялъ въ обѣ руки свою алебарду и сталъ съ нею сбоку калитки.

* *
*

Земская изба была обыкновенная изба съ маленькими волоковыми окнами, съ тесовой крышей и навѣсомъ надъ крылечкомъ. Но къ ней было пристроено длинное и низкое зданіе вродѣ сарая съ окнами еще меньше, чѣмъ въ самой избѣ, безъ стеколъ и рамъ, забранныхъ желѣзными прутьями. Это была арестантская. Ходъ въ арестантскую былъ со двора.

Опираясь на свою палку-посохъ, Мининъ шелъ посреди улицы. Держа алебарду на плечѣ, впереди шелъ Василій. Солнце свѣтило вдоль улицы имъ въ спины. По всей улицѣ въ травѣ желтѣли одуванчики. Солнце ярко играло на алебардѣ.

На крыльцѣ Земской избы стоялъ въ длинномъ до каблуковъ кафтанѣ изъ зеленаго сукна подъячій, лысый, съ большимъ въ морщинахъ лбомъ и сѣдой бородой.

Прищурившись онъ смотрѣлъ изъ-подъ руки, которую ребромъ держалъ надъ глазами на Василія съ его алебардой.

Сначала ему было показалось, что это блестятъ сошники и ѣдетъ на поле какой-нибудь обыватель на телѣгѣ съ сохой, положенной на телѣгу сошниками вверхъ.

Но потомъ онъ погладилъ бороду и сказалъ про себя:

— Нѣтъ, они.

За ухомъ у него бѣлѣло гусиное перо, только что очиненное и еще не испачканное въ чернилахъ.

Погладивъ бороду, онъ сталъ тереть руки ладонь о ладонь.

Не доходя шаговъ десяти до крыльца, Василій вдругъ остановился. Василій былъ высокаго роста и очень плечистый; онъ совершенно загораживалъ собой Минина и такъ какъ, подходя къ Земской избѣ, онъ видѣлъ какъ подъячій перегибался то въ одну сторону, то въ другую, то поднимался на носки и вытягивалъ шею—чтобы разглядѣть за нимъ Минина, онъ и остановился такъ ноожиданно, еще далеко не доходя до крыльца.

Остановившись онъ сказалъ Минину:

— А вонъ и Никитичъ.

Онъ пропустилъ его мимо себя и усмѣхнулся, когда разглядѣлъ за ухомъ подъячаго перо.

Онъ подумалъ, глядя на это перо:

— Поди, нейметоя.

И усмѣхнулся опять, потому что подъячій вдругъ оживился, сталъ тереть руки ладонь о ладонь и глаза у него щурились, искрились и блестѣли.

Онъ поздоровался съ Мининымъ уже потомъ, а сначала сказалъ ему, перегнувшись немного черезъ перила крыльца и продолжая потирать руки:

— Ну и птичку же, кажется, Козьма Минычъ, мы сейчасъ поймали. Многія тебѣ лѣта, благодѣтель.

召 Мининъ сталъ подниматься на крыльцо. Поздоровавшись съ подъячимъ, онъ пошелъ въ сѣни. А подъячій шелъ за нимъ слѣдъ въ слѣдъ, едва не наступая ему на пятки и продолжая говорить у самаго его уха:

— Обликомъ и одежей—монахъ, а подъ подрясникомъ кольчуга и пистоль. Сумку его глядѣли. Въ сумкѣ—бумага въ тряпку зашита. До тебя не сталъ трогать. И ты не думай, Козьма Минычъ, отправлять его въ приказъ: сами допросимъ!

Въ сѣняхъ онъ забѣжалъ впередъ и хотя Мининъ уже протянулъ руку, чтобы отворить дверь, ведущую отсюда

въ избу, отворилъ ее самъ и сейчасъ же посторонился, давая ему дорогу.

Мининъ вошелъ въ избу.

Она была съ очень низкимъ бревенчатымъ потолкомъ и бревенчатыми конопаченными мохомъ стѣнами.

Полъ былъ земляной.

Вдоль стѣнъ стояли лавки, въ одномъ углу была печь, въ другомъ, гдѣ висѣла икона въ вызолоченной ризѣ, — столъ, покрытый краснымъ сукномъ, закапаннымъ чернилами.

На столѣ стояли мѣдная чернильница и песочница и лежалъ листъ бумаги съ написанными на немъ вверху нѣсколькими строчками.

Продолжая потирать руки и кивая головой на этотъ листъ, подъячій сказалъ, заглядывая Минину въ глаза:

— Я ужъ подготовилъ... Садись, Козьма Минычъ, я сейчасъ велю, чтобы привели. А? Сбѣгать?

— Ладно,—сказалъ Мининъ.

Подъячій вышелъ на минуту изъ избы въ сѣни, громко хлопнувъ дверью, простучалъ сапогами по сѣнямъ, опять тамъ гдѣ-то хлопнулъ дверью, что-то крикнулъ, снова протопалъ въ сѣняхъ и все такой же: съ искрящимися глазами, оживленный и потирающій руки, появился передъ Мининымъ.

— Сейчасъ, — сказалъ онъ, сунулъ руку за ухо, осторожно двумя пальцами взялъ перо, попробовалъ его на ногтѣ и потомъ послюнилъ съ кончика.

Затѣмъ на правой рукѣ, въ которой держалъ перо, сдвинулъ рукавъ немного къ локтю и между столомъ и лавкой сталъ пробираться къ своему мѣсту, гдѣ лежала бумага съ нѣсколькими строчками.

Въ сѣняхъ сразу затопали нѣсколько человѣкъ. Дверь отворилась и вошелъ Василій уже безъ алебарды и другой сторожъ, одѣтый такъ же, какъ Василій.

Они стали по сторонамъ двери, одинъ у одной притолки, другой у другой.

И сейчасъ же, какъ по уговору, они поднесли ко рту руки и кашлянули въ ладони.

Вслѣдъ за ними черезъ порогъ переступилъ человѣкъ въ скуфейкѣ и въ черномъ подрясникѣ, подпоясанномъ кожанымъ широкимъ поясомъ. Изъ-за его спины выглядывали еще двое сторожей.

Подъячій сидѣлъ къ двери бокомъ, положивъ руку съ перомъ на бумагу. Онъ уже окунулъ перо въ чернильницу и теперь, держа его надъ бумагой, склонилъ голову немного къ лѣвому плечу и однимъ глазомъ глядѣлъ на кончикъ пера, почти касавшійся бумаги, а другимъ на дверь.

Вдругъ онъ сунулъ перо опять за ухо, совсѣмъ повернулся къ двери и, чуть-чуть приподнявшись на лавкѣ и вытянувъ шею, мимо арестанта, заглянулъ въ сѣни.

— А гдѣ Николка?—крикнулъ онъ сторожамъ.

Но Мининъ, тоже повернувшись къ двери и остановивъ глаза на арестованномъ, сказалъ:

— Погоди ты! Чего тебѣ Николка?

И кивалъ арестованному согнутымъ указательнымъ пальцемъ. Брови у него сдвинулись и взглядъ сталъ острый и пристальный.

— Ну-ка, ну-ка, — пожалуй сюда, — проговорилъ онъ, глядя прямо въ глаза арестованному.

Подъячій сѣлъ, какъ сидѣлъ раньше. Перо опять очутилось въ его рукѣ и опять одинъ глазъ сталъ смотрѣть на конецъ пера, а другой изъ-подлобья и изъ-подъ приподнятой брови уставился на арестанта.

— Иди, иди,—говорилъ Мининъ арестанту. Тотъ, остановившійся было послѣ того, какъ шагнулъ два раза по направленію къ столу, сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ въ томъ же направленіи.

На подъячаго онъ даже мелькомъ не взглянулъ: онъ смотрѣлъ на Минина.

— Ты изъ какихъ?—сказалъ Мининъ.

Руки у арестанта были связаны за спиной бечевкой, воротъ подрясника надорванъ и на груди подрясникъ распахнутъ. Подъ подрясникомъ была кольчуга очень хорошей работы изъ мелкихъ колечекъ, почти новая, еще не обтершаяся и не потерявшая синей калки. Лицо у него было худое съ небольшой курчавой черной бородкой и густыми черными бровями. Усы были рѣдкіе и маленькіе.

Онъ отвѣтилъ:

— Про то я тебѣ одному скажу, кто я и отъ кого и зачѣмъ здѣсь.

Тутъ онъ посмотрѣлъ на подъячаго, потомъ оглянулся назадъ на стоявшихъ у дверей сторожей и повернувшись снова къ Минину опустилъ глаза и тихо сказалъ:

— Вели имъ выйти.

Мининъ наморщилъ лобъ, подумалъ минутку, постучалъ концами пальцевъ по краю стола и сказалъ, обратившись къ подъячему:

— Что-жъ, выйди, Никитичъ.

И потомъ повернулся къ сторожамъ и имъ сказалъ тоже:

— Идите и вы.

Подъячій положилъ перо на столъ, вздернулъ плечами, вздохнулъ и, поднявшись, сталъ выбираться изъ-за стола. Вмѣстѣ со сторожами онъ вышелъ въ сѣни.

Арестантъ все время стоялъ съ опущенными глазами.

— Ну? — сказалъ Минычъ, когда сторожа заперли за собой дверь.

— Я отъ самого патріарха,—тихо проговорилъ арестантъ поднимая на него глаза.—Изъ Москвы...

Мининъ вздрогнулъ и немного поблѣднѣлъ.. Глаза его перестали мигать.

Еще тише, чѣмъ арестантъ, почти шопотомъ, онъ произнесъ опершись о край стола руками:

— Что?

И его ротъ, когда онъ сказалъ это, остался полуоткрытымъ.

Медленно онъ приподнимался на лавкѣ.

— Отъ кого?

Все такъ же неподвижны и широко открыты были его глаза.

Арестантъ кивнулъ головой и улыбнулся. Губы у него были тонкія и блѣдныя. Мининъ сейчасъ только разсмотрѣлъ его какъ слѣдуетъ. Онъ былъ узкоплечій съ впалой грудью съ изможденнымъ безъ румянца лицомъ. И эта его улыбка на тонкихъ губахъ была какая-то больная и полупотухшая; она загорѣлась, какъ отблескъ отъ лампадки, готовой погаснуть.

Но она продолжала бродить на его лицѣ, похожемъ на лицо мученика, какъ рисуютъ мучениковъ на иконахъ, подобная умирающему свѣту лампадки.

И улыбаясь онъ заговорилъ:

— Помяли они меня таки довольно, твои сторожа. Да я къ этому привыченъ. Въ Москвѣ еще не то было. Для того я и въ кольчугѣ, Развѣ она моя? Добрые люди дали въ дорогу. Ты не гляди, что я такой дохлый. Подъ Звенигородомъ было: нагнали двое поляковъ—отбился.

Онъ умолкъ. Потомъ, все продолжая улыбаться, заговорилъ опять:

— Аль не вѣришь? Нѣ!.. Я смирный человѣкъ. Кабы не такое дѣло—зачѣмъ бы мнѣ и кольчуга.

И снова умолкъ.

— Аль не вѣришь?

Мининъ забылъ, что руки у арестованнаго связаны, всталъ съ лавки и указывая на икону сказалъ:

— Перекрестись, что не врешь!

Онъ все съ тою же, заливавшей его худое лицо трепетнымъ свѣтомъ улыбкой, отвѣтилъ:

— И десять разъ перекрещусь. Да какъ мнѣ перекреститься, когда у меня руки скручены, какъ и правда, прости Господи, у лиходѣя?

Онъ однако повернулся къ иконѣ и проговорилъ поднимая голову:

— Виждь правоту мою, Господи, тебѣ же клянусь о правдѣ моей.

* *
*

Мининъ самъ развязалъ руки этому человѣку, съ тихимъ голосомъ и лицомъ какъ у мученика...

Когда, стоя сзади него, онъ распутывалъ бечевку, у него мелькнула мысль, что въ Москвѣ ему можетъ быть пришлось и въ застѣнкѣ посидѣть у поляковъ и пытали его, можетъ быть, и огнемъ жгли, и батогами били.

Ибо онъ зналъ, что поляки и раньше не миловали патріарховыхъ приверженцевъ, когда патріархъ, еще находясь на свободѣ, разсылалъ письма изъ Москвы въ другіе города.

И еще онъ подумалъ, нѣтъ-ли у этого странника съ собой чего-нибудь отъ патріарха: хоть какого-нибудь списка съ тѣхъ его писемъ.

Именно ему не разъ приходилось слышать, что вотъ такъ, какъ разъ приходилъ на какой-нибудь постоялый дворъ монахъ или странникъ и потомъ у него оказывались бумаги съ патріарховой печатью.

И онъ зналъ, что и Ляпуновъ и другіе по всей Русской землѣ стали собирать ополченія, потому что по всей Русской землѣ ходили тогда такіе вотъ монахи и странники и разносили повсюду патріархово слово.

И когда онъ подумалъ объ этомъ, т. е. о томъ, что человѣкъ, съ которымъ онъ сейчасъ разговариваетъ, быть можетъ лично извѣстенъ патріарху, у него задрожали руки.

Онъ и себя вдругъ почувствовалъ близко къ патріарху.

Патріарха же, съ тѣхъ поръ какъ поляки заключили его подъ стражу, онъ считалъ почти святымъ и мученикомъ и страстотерпцемъ—ибо и о томъ ему было тоже извѣстно, что поляки держатъ патріарха въ «великой нужѣ и бѣдности», закованнаго въ цѣпи.

И ни на минуту въ немъ не шевельнулось сомнѣніе, что арестантъ быть можетъ вретъ и вовсе не патріарховъ посланецъ, а такъ, гулящій человѣкъ, бродяжка, и его слѣдуетъ сейчасъ же отослать въ Приказъ.

Развязавъ ему руки, онъ сказалъ, ставши такъ, чтобы видѣть его лицо:

— Какъ же тебя величать?

Онъ держалъ при этомъ руки противъ груди подъ подбородкомъ, переплетя пальцы, и было почти молитвенное выраженіе въ его глазахъ.

Странникъ отвѣтилъ:

— Петръ я, въ монашествѣ, въ міру же былъ Павелъ.

Мининъ не сводилъ съ него глазъ и руки продолжалъ держать какъ раньше подъ подбородкомъ переплетя пальцы.

Монахъ (теперь ужъ Мининъ зналъ, что это монахъ) сказалъ, обративши глаза на икону:

— Его же словомъ исполнишеся азъ и гряду во имя Господне. Да расточатся и погибнутъ врази твои, Господи, и да возстанутъ вѣрніи во славу твою.

Онъ повернулся къ Минину.

— Писаніе его видѣть хочешь-ли?—сказалъ онъ, глядя ему въ глаза. Онъ ужъ не улыбался больше.

Онъ сдвинулъ брови и въ глазахъ его появилось почти строгое выраженіе.

Мининъ понялъ, о комъ онъ говоритъ... И это тоже было ему понятно, что монахъ понемногу съ обыкновеннаго разговорнаго языка перешелъ на церковный. Развѣ не сказалъ онъ: «его же словомъ исполнишеся», т.-е. словомъ патріарха?

И это вышло у него само собой, что онъ заговорилъ по-церковному...

Онъ заговорилъ такъ изъ благоговѣнія передъ патріархомъ.

Онъ и самъ проникся вдругъ этимъ чувствомъ благоговѣнія. «Писанія» патріарха онъ еще не видѣлъ, но онъ зналъ, что оно здѣсь, это патріархово слово, и былъ го-

товъ принять его въ себя, и оно, это слово, было для него какъ святыня, какъ голосъ съ неба.

Изъ всего того, что тогда совершалось на Руси особенной болью впилось ему въ сердце разоренiе Москвы поляками, оскверненiе церквей и наконецъ, какъ послѣднее издѣвательство надъ православной вѣрой, заточенiе патрiарха въ застѣнокъ, наложенiе на него цѣпей, претерпѣваемыя имъ муки и надругательства.

И когда монахъ заговорилъ о томъ, что имѣетъ при себѣ «писанiе», ему все событiе нынѣшняго дня отъ начала до конца показалось какъ чудо, какъ нѣчто опредѣленное свыше.

Онъ готовъ былъ заплакать. Онъ почувствовалъ вдругъ себя какъ бы поднятымъ надъ самимъ собою, исторгнутымъ изъ той жизни, которую онъ велъ изо дня въ день, изъ года въ годъ.

Нѣсколько минутъ онъ не могъ произнести ни слова.

Монахъ молчалъ тоже, пристально на него глядя. Потомъ заговорилъ опять:

— Глаголю азъ: писанiе его видѣть хочешь ли? Услышать хочешь ли глаголы внушенные отъ Господа?

Мининъ, тоже глядя прямо ему въ глаза, отвѣтилъ чуть слышно:

— Да...

* * *

Послѣ, много спустя, когда Мининъ вспоминалъ объ этомъ разговорѣ съ монахомъ, котораго посадскiе сторожа приняли было за переодѣтаго разбойника и который оказался патрiарховымъ посланцемъ, ему временами казалось, что все это было во снѣ.

Монаха онъ конечно не сталъ отправлять въ Приказъ, а отпустилъ его съ мiромъ итти, куда хочетъ. И не только отпустилъ, но еще и денегъ далъ на дорогу... Монахъ ушелъ въ тотъ же день, оставивъ ему грамоту Ермогена

съ его подписью и рукой его писанную. Онъ сдѣлалъ только тутъ-же въ Земской избѣ списокъ съ грамоты.

— Ибо,—сказалъ онъ,—хощу азъ возблаговѣстити глаголы сіи по всей землѣ Рустей.

Мининъ предложилъ было ему пожить у него немного, но онъ отказался.

Улыбаясь свѣтлой своей умирающей улыбкой, онъ возразилъ ему на это:

— Хощу душу свою положить за други своя и посему гряду азъ...

И ушелъ.

И когда онъ ушелъ и осталась въ рукахъ Минина эта грамота, его долго не покидало то состояніе, которое онъ испытывалъ все время, пока разговаривалъ съ монахомъ.

Развѣ ждалъ онъ чего-либо подобнаго?

Онъ, конечно, и раньше слышалъ, что ходятъ по Русской землѣ вотъ такіе люди, не то странники, не то монахи, и благовѣстятъ отъ патріарха. Но эти разсказы о странникахъ, оказывавшихся патріарховыми посланцами, до сихъ поръ оставались для него только чудесными исторіями, несомнѣнно совершающимися, но гдѣ-то внѣ жизни такихъ людей, какъ онъ, среди избранныхъ.

Онъ не сразу могъ приняться за чтеніе грамоты, оставленной монахомъ.

А когда сталъ ее читать, въ груди сперлось дыханіе и на глаза навертывались слезы.

Никогда не намѣревался онъ играть какую-либо роль въ совершающихся на Руси событіяхъ.

Но онъ уже не могъ молчать послѣ того, какъ въ сердцѣ его зажглись эти «глаголы», написанные въ грамотѣ.

Написанные въ грамотѣ, они ожили въ его душѣ и звучали въ ней живые и немолчные, сверкающіе какъ молніи.

И оттого, когда онъ много позже обратился на базарной площади съ извѣстной своей рѣчью къ на-

роду, люди плакали и кричали, что пойдутъ всѣ умирать на развалинахъ Москвы и несли къ нему свои драгоцѣнности.

И оттого никто не противился, когда онъ обложилъ каждый дворъ у себя на посадѣ особой податью на нужды ратнаго дѣла.

Нижній поднялся первымъ.

Къ нему однимъ за другимъ примкнули и другіе города.

И въ короткій срокъ собралось новое огромное ополченіе.

Пожарскій сталъ во главѣ.

Когда вмѣстѣ съ Мининымъ онъ уѣзжалъ изъ Троицкой Лавры, онъ былъ еще очень слабъ и нуждался въ дальнѣйшемъ леченіи.

Дорогой его раны открылись, и пришлось вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Нижній, разстаться съ Мининымъ.

召Мининъ продолжалъ путь, а онъ отправился въ свою вотчину.

Туда, нѣкоторое время спустя, явилось къ нему цѣлое посольство.

Теперь не одинъ уже Мининъ, а люди всѣхъ чиновъ и всякаго званія просили его принять начальство надъ русской ратью.

И онъ опять надѣлъ броню и опоясался мечомъ.

На челѣ многотысячной арміи онъ подступилъ къ Москвѣ. Поляки защищались отчаянно до послѣдняго вздоха.

Они ждали подкрѣпленій изъ Польши.

И ужъ спѣшили къ нимъ эти подкрѣпленія, но были на пути разбиты русскими отрядами, занявшими всѣ дороги и подступы къ Москвѣ.

Въ концѣ концовъ вынужденъ былъ капитулировать и кремлевскій польскій гарнизонъ.

Поляки были изгнаны изъ Москвы, а затѣмъ и изъ другихъ мѣстъ, гдѣ они было укрѣпились.

КОНЕЦЪ.

Перелыгинъ, Н. И. [1] Божья мысль. Съ рис. Изд. 4-е. Ц. 30 к. [1] Былое. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 30 к. Въ своемъ гнѣздышкѣ. Съ рис. Изд. 2-е. Ц. 30 к. Добрыя дѣти. Съ рис. Ц. 30 к. Жизнь на волѣ. Съ рис. Ц. 30 к. [1] Кузнецъ механикъ. Изд. 3-е. Съ рис. Ц. 20 к. Любящая душа. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 25 к. Лѣтней порою. Съ рис. Ц. 30 к. [1] Молитва ребенка. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 20 к. Маленькая Мелася. Съ рис. Ц. 30 к. [1] Неожиданный гость. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 20 к. [1] Огоньки. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 30 к. [1] Пастухъ и дѣвочка. Маленькій Тарасъ. Съ рис. Ц. 30 к. [1] Приключенія одного воробышка. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 20 к. [1] Рыбакъ и его дочка. Съ рис. Ц. 25 к. [1] Сиротка Маруся. Изд. 3-е. Съ рис. Ц. 25 к. [1] Сиротки. Изд. 3-е. Съ рис. Ц. 15 к. [1] Сынокъ-кормилецъ. Изд. 4-е. Съ рис. Ц. 25 к. [1] Черевички. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 20 к.

Поливанова, Е. Исторія одного котенка. Съ рис. Ц. 40 к. [1] Находка. Изд. 5-е. Съ рис. Ц. 25 к.

Поль, А. [1] Не безъ добрыхъ людей. Съ рис. Ц. 20 к. [1] Въ муравьиномъ царствѣ. Улитка. Ц. 20 к. [1] Послѣ урока. Съ рис. Ц. 25 к.

Поповъ, В. А. Милосердный орелъ. Съ рис. Ц. 25 к. [1] По островамъ Ладожскаго озера. Съ рис. Ц. 40 к.

Радичъ. [1] Богданъ Хмельницкій. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 50 к. [1] По Абиссиніи. Съ рис. Ц. 50 к.

Рождественская, А. [1] Неожиданная помощь. Съ рис. Ц. 20 к.

Розовъ-Цвѣтковъ, В. [1] Три года на островѣ людоѣдовъ. Съ рис. Ц. 25 к.

Сервантесъ. [1] Донъ-Кихотъ. Съ рис. Ц. 30 к.

Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. А. Филимоша. Съ рис. Ц. 30 к.

Сысоевъ, В. [1] Австралійскіе звѣри. Съ рис. Ц. 25 к. Волшебныя сказки. Съ рис. Ц. 40 к. [1] Грызуны. Съ рис. Ц. 30 к. [1] Замѣчательные звѣрки. Съ рис. Ц. 20 к. [1] Интересныя птицы. Съ рис. Ц. 30 к. [1] Интересныя рыбы. Съ рис. Ц. 20 к. [1] Интересныя насѣкомыя. Съ рис. Ц. 25 к. [1] Копытные звѣри. Съ рис. Ц. 30 к. [1] Летающіе звѣри. Съ рис. Ц. 20 к. [1] Хищные звѣри. Съ рис. Ц. 30 к. [1] Четверорукіе звѣри. Съ рис. Ц. 25 к.

Сѣверцевъ (Полиловъ). [1] Большое счастье. Съ рис. Ц. 25 к. [1] Переполохъ. Съ рис. Ц. 30 [1] Трошка. Съ рис. Ц. 40 к.

Тепловъ. [1] Голубятники. Арапка. Съ рис. Ц. 30 к.

Уйда. [1] Изъ дѣтства Рафаэля. Съ рис. Ц. 20 к.

Цвѣтковъ, К. Н. [1] Димитрій Донской и Сергій Радонежскій. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 35 к.

Черскій, Л. Ф. [1] Въ гостяхъ и дома. Съ рис. Ц. 15 к. [1] Герои Севастополя. Съ рис. Ц. 15 к. [1] Горести Тараса (дѣтство и жизнь Т. Г. Шевченко). Съ рис. Ц. 25 к. [1] Дѣтство Карла Линнея. Съ рис. Ц. 20 к. [1] Дѣтскіе годы Шиллера. Съ рис. Ц. 20 к. [1] Дѣтскіе годы Царя-Освободителя. Съ рис. Ц. 25 к. [1] Дѣвочка съ маяка и др. разсказы. Съ рис. Ц. 30 к. Плотникъ Петръ Михайловъ. Съ рис. Ц. 15 к. [1] Приключенія Джами. Съ рис. Ц. 30 к. [1] Покинутый. Съ рис. Ц. 25 к. [1] Сестра бѣдныхъ. Юрій Простофиля. Съ рис. Ц. 30 к. [1] Сестра Катерина. Съ рис. Ц. 20 к.

Чулковъ, Г. [1] Въ далекихъ краяхъ. Африка. Съ рис. Ц. 40 к.

Шахновскій, И. К. [1] Буренушка. Сказка. Съ рис. Ц. 20 к. [1] Всѣ страны свѣта въ разсказахъ маленькаго москвича. Съ рис. Ц. 50 к.

Щепкина-Куперникъ, Т. Л. [1] Жизнь открывается. Съ рис. Ц. 1 р. [1] Разсказы для дѣтей. Съ рис. Ц. 1 р.

Юрьева, М. [1] Въ ожиданіи лучшаго. Съ рис. Ц. 30 к. [1] Въ морѣ житейскомъ. Съ рис. Ц. 1 р. Въ лодкѣ безъ весла. Съ рис. Ц. 20 к. [1] Въ семьѣ Рязановыхъ. Съ рис. Ц. 30 к. На взморьѣ. Съ рис. Ц. 40 к. На заторѣ льда. Съ рис. Ц. 20 к. [1] На зарѣ юности. Съ рис. Ц. 50 к. [1] На полянкѣ лѣсной. Съ рис. Ц. 20 к. Приключенія Арси. Съ рис. Ц. 25 к [1] Разсказъ изъ прошлаго. Съ рис. Ц. 1 р. [1] Юный работникъ. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 25 к.

Ѳедоровъ-Давыдовъ, А. А. [1] Бабусины сказки, въ папкѣ. Ц. 1 р. 50 к. [1] Жилъ-былъ мальчикъ. Изд. 4-е. Съ рис. Ц. 80 к. [1] Подъ пѣсенки вьюги. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 50 к. [1] Разсказы и сказки. Изд. 3-е. Съ рис. Ц. 30 к.

КНИГИ ДЛЯ НАРОДА, ШКОЛЪ и ВОЙСКЪ.

Аксаковъ, С. [1] Аленькій цвѣточекъ. Съ рис. Ц. 5 к.

Александровскій, А. И. Народное правленіе въ древней Руси. Ц. 15 к.

Асовъ, Н. [1] Ядовитость нашихъ съѣдобныхъ растеній. Ц. 5 к.

Бабенко. Лирникъ. Ц. 5 к.

Беллами, Э. Черезъ сто лѣтъ (сокращ.). Ц. 10 к.

Гринченко. [1] Поиски истины. Ц. 3 к. Кто работаетъ, тотъ и имѣетъ. Изд. 3-е. Ц. 10 к. [1] Безъ хлѣба. Ц. 4 к.

Гюи-де-Мопассанъ. Волкъ. Подъ снѣгомъ. Рыболовы. Ц. 7 к.

Додэ, А. [1] Прежнее и новое счастье. Изд. 3-е. Ц. 8 к. [1] Три разсказа. Изд. 2-е. Ц. 5 к.

Конанъ-Дойль, А. [1] Желтое лицо. Ц. 5 к.

Кругловъ, А. [1] Деревенскія модницы. Изд. 4-е. Ц. 15 к. [1] Пріятный мужикъ. Изд. 2-е. Ц. 15 к. [1] Шалыганъ. Изд. 3-е. Ц. 15 к. Пчела. Изд. 3-е Ц. 20 к.

Линдъ. В. [1] Что дѣлалось въ русской землѣ до начала русскаго государства. Ц. 8 к. [1] Первые русскіе князья. Ц. 12 к.

Линдъ. М. Литва въ XIV и XV вв. Ц. 10 к. [1] Смутное время. Ц. 12 к.

Линдъ, О. Іоаннъ Ш. Ц. 15 к. Дмитрій Самозванецъ. Ц. 12 к. [1] Князь Владиміръ Мономахъ. Ц. 10 к. Мамаево побоище. Ц. 8 к. [1] Тверь и Москва въ первую половину XIV в. Ц. 10 к.

Линдъ, Т. Іоаннъ Грозный. Ц. 15 к. [1] Кіево-Печерскій монастырь. Ц. 10 к. [1] Крещеніе Руси. Ц. 8 к. [1] Никонъ и Аввакумъ. Ц. 10 к. Ростовско-Суздальское княжество. Ц. 10 к.

Любичъ-Кошуровъ, І. А. Въ окопахъ. Ц. 3 к. Въ блиндажѣ. Ц. 4 к. Лазутчикъ. Ц. 3 к. Чемоданъ съ деньгами. Ц. 7 к. Черный панъ. Ц. 8 к.

Маевскій Борисъ. Звѣзда поэта. Отецъ Василій. Ц. 15 к. [1] Плѣнники. Полковое знамя. Ц. 5 к.

Маминъ Сибирякъ, Д. Н. [1] Васька-Забалуй. Изд. 2-е. Ц. 3 к. [1] Горой. Изд. 2-е. Ц. 5 к. [1] Исповѣдь. Изд. 2-е. Ц. 5 к. [1] Конь-Разбойникъ. Изд. 2-е. Ц. 7 к. [1] Малиновыя горы. Изд. 2-е. Ц. 7 к. [1] Постойко. Изд. 3-е. Ц. 5 к. [1] Пріемышъ. Изд. 3-е. Ц. 5 к. [1] Савка. Изд. 3-е. Ц. 5 к. [1] Старый воробей. Изд. 3-е. Ц. 5 к.

Немировичъ-Данченко, Вас. И., [1] Богъ проститъ. Изд. 4-е. Ц. 10 к. [1] Забытый рудникъ. Изд. 5-е. Ц. 10 к. Заклеванный воробей. Ц. 8 к. Застрѣлился. Ц. 5 к. Мальчикъ простилъ. Ц. 5 к. Махмудкины дѣти. Изд. 5-е. Ц. 8 к. [1] Мститель. Ц. 8 к. [1] Соловьиная ночь. Изд. 4-е. Ц. 5 к. [1] Старый фельдфебель. Ц. 15 к. Счастье Ивана Непомнящаго. Ц. 15 к. Черный рыцарь. Ц. 7 к.

Паперъ А. [1] Безъ вины виноватый. Изд. 2-е. Ц. 5 к. [1] Первый желѣзнодорожный поѣздъ. Изд. 2-е. Ц. 5 к. [1] Печатникъ-колдунъ. Ц. 5 к.

Пахомовъ, Ив. [1] Кузнецъ Макарка. Изд. 2-е. Ц. 3 к. [1] Худой таланъ. Ц. 8 к. [1] Черная прорубь. Ц. 5 к.

Перелыгинъ, Н. И. [1] Въ плѣну. Изд. 2-е. Ц. 4 к. [1] Еремѣй. Ц. 6 к.

Поль, А. Коперникъ, Галилей, Кеплеръ. Ц. 10 к. [1] Объ Іоаннѣ Гусѣ. Ц. 4 к. Очерки звѣзднаго неба. Ц. 12 к. [1] Рыцарь Ла-Валеттъ. Ц. 8 к. [1] А. С. Хомяковъ. Біографическій очеркъ. Ц. 5 к. [1] Чертова долина. Тайна сѣрой кошки. Изд. 2-е. Ц. 3 к.

Прусъ, Бол. [1] Антекъ. Ц. 7 к.

Сенкевичъ, Г. [1] Пойдемъ за Нимъ. Изд. 2-е. Ц. 5 к.

Сѣверцевъ (Полиловъ). [1] Бандиты. Изд. 2-е. Ц. 3 к. [1] Прощеный. Изд. 2-е. Ц. 3 к. [1] У святого ручья. Изд. 2-е. Ц. 4 к.

Уйда. [1] Муфлу. Ц. 5 к.

Франко И. [1] Маленькій Миронъ. Ц. 3 к.

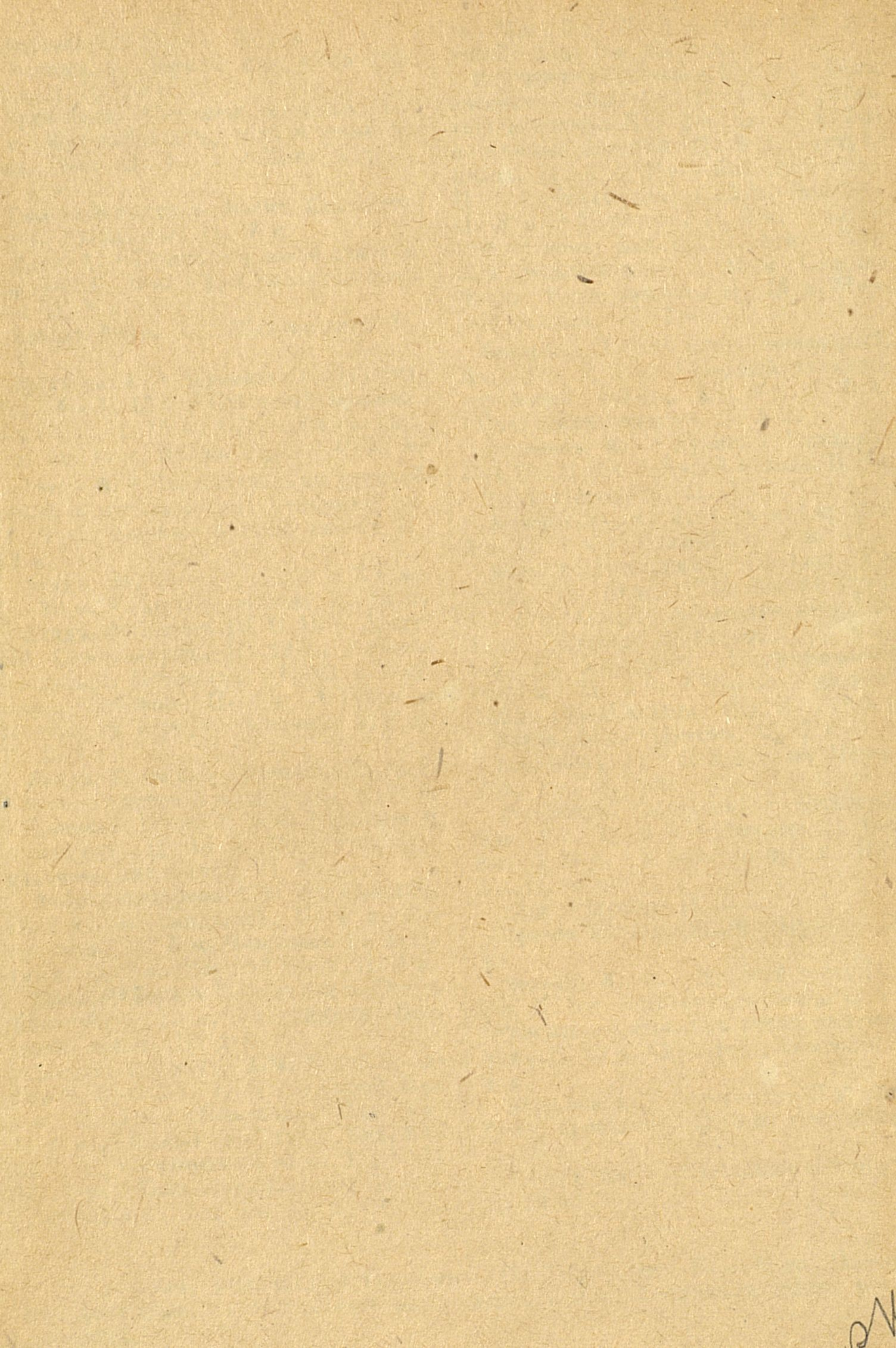
Черскій, Л. Ф. [1] Дорогой гость. Изд. 2-е. Ц. 3 к. [1] Не судилъ Богъ. Ц. 5 к. [1] Разсказы о древнихъ русск. паломникахъ. Ц. 10 к. [1] Христосъ Воскресъ! Ц. 3 к.

Штановъ, Х. [1] Александръ II и освобожд. крестьянъ. Съ 5-ю портретами. Ц. 20 к.

Юноша, Кл. [1] Дѣдушкинъ питомецъ. Ц. 12 к.

Всѣ книги, отмѣченныя знакомъ [1], Ос. Отд. Учен. Ком. М-ва Народн. Пр. допущены въ безплатныя нар. читальни и въ библіотеки низш. учебн. заведеній.

Тип. Поплавскаго.

2007088958